E43
570

Каменев. Партия и троцкизм.

p

241

Закрытый Фонд
Библиотеки Политкаторжан
3355 к (04) 9171
ПР
Е43 570
Л. Б. КАМЕНЕВ
335.5 кп
12-18

ПАРТИЯ и ТРОЦКИЗМ

УРОКИ ПАРТИЙНОЙ ИСТОРИИ

Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев
БИБЛИОТЕКА
2342

2-е ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

С приложением резолюции МК РКП, предисловия ОЛЬМИНСКОГО, статьи Л. КАМЕНЕВА и предисловия Л. ТРОЦКОГО к книге „1917"—„Уроки Октября"

ПРОВЕРЕНО
Инв 2539

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ"
1 9 2 5

Типо-Цинкография
Кооперативного Издательства
„Пролетарий“

ОСОБЫЙ ФОНД
Музея Революции СССР
№ 206/333

ИСТОРИЧЕВКАЯ
БИБЛИОТЕКА
СФ/13838

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА СССР
1333

Зак. № 310 Тир. 15.000

ОТ АВТОРА.

Печатаемое представляет стилистическую обработку доклада, прочитанного мною 18-го ноября на собрании Московского Комитета РКП с активными работниками, повторенного 19-го ноября на расширенном заседании фракции членов и кандидатов пленума ВЦСПС созыва VI С'езда Союзов, с участием представителей ЦК Союзов, Областных Совпрофов, Областных бюро ВЦСПС и крупнейших ГСПС, участников С'езда, фракции пленума ЦК металлистов, ЦК сахарников, химиков и железнодорожников и 21-го ноября — на Всесоюзном Совещании начпуокров, начпуфлотов, военкомбригов, военкомдивов, начподивов и руководящего комполитсостава частей Московского гарнизона.

Л. К.

ЛЕНИНИЗМ ИЛИ ТРОЦКИЗМ

— Товарищи! Предметом моего доклада будет последнее выступление тов. Троцкого,—выпущенная им накануне годовщины Октябрьской революции статья, названная автором „Уроки Октября". Троцкий довольно часто дарит партии свои книжки. До сих пор, однако, мы не находили нужным специально останавливаться на этих книжках, хотя в ряде их нетрудно заметить отступления от большевизма, от официальной идеологии нашей партии. На этой книжке необходимо остановиться и разобрать ее до конца, прежде всего, потому, что темой своего последнего выступления тов. Троцкий взял уроки Октября.

Так как вся наша партия, весь Коминтерн, все мировое рабочее движение, вся рабочая молодежь учатся и будут учиться именно на уроках Октябрьской революции, то нельзя думать, что истолкование этих уроков есть частное дело того или другого автора. Раз „Уроки Октября" выходят под партийной фирмой, раз они исходят от члена ЦК и Политбюро нашей партии, руководящей Коминтерном, что не есть тайна ни для кого, то ясно, что нам грозит опасность, что подобные выступления, подобные „уроки" могут быть восприняты, как учебник, не только для членов нашей партии, для нашей молодежи, но и для всего Коминтерна. И по форме выступление тов. Троцкого рассчитано именно на то, чтобы быть учебником для Коминтерна. Всякий, кто читал эту статью, видел, что она апеллирует не только к нашей партии, но и к международному пролетариату, и к коммунистическим партиям всех стран. Поэтому я и сказал, что это—не частное дело, и спор по поводу того, правильно или нет изложены уроки Октября, не есть литературный спор, не есть дело литераторов: это—политический спор, это—дело всей партии. Если бы раздались голоса, что спор, вызванный книжкой тов. Троцкого, есть спор между Троцким, Бухариным, Зиновьевым, Сталиным и Каменевым, что это есть спор отдельных литераторов, то такие

товарищи признались бы в том, что они не понимают подлинных интересов партии. Такие рассуждения могут исходить лишь от товарищей, которые хотели бы воспользоваться спором внутри партии для создания какой-то третьей группы, которая базировалась бы на том, что „литераторы спорят, а нас это не касается".

Нет, спор об уроках Октября, спор о том, что международный пролетариат должен взять из Октябрьской революции, это не есть дело литераторов, это есть дело всей партийной толщи.

Никто не имеет права оставаться в стороне от этого спора. Это есть глубочайший вопрос нашей внутренней жизни и жизни Коминтерна. Может ли партия рекомендовать учиться по Троцкому, или же она должна всем своим авторитетом предостеречь пролетариат от тех выводов, которые т. Троцкий делает в своих „Уроках Октября"? Вот в чем вопрос.

Я не имею здесь в виду подробно разбирать эту статью тов. Троцкого. Тов. Троцкий—искусный литератор, и его искусное перо неоднократно служило партии. Здесь же оно служит антипартийным элементам, здесь оно служит не большевизму, а делу разложения и дискредитирования большевизма и как идеологии пролетарскей революции, и как организации боевых элементов пролетариата. Достигнуто это чрезвычайно искусным, но в основном неправильным, противоречащим фактам изложением всех событий, начиная с февраля по октябрь. Я не сомневаюсь, что партия выдвинет ряд авторов, участников этих событий, непосредственных борцов тех дней, которые укажут и разберут отдельные извращения, допущенные т. Троцким по отношению ко всем решающим моментам партийной истории той эпохи: извращена апрельская демонстрация, извращена апрельская партийная конференция, извращены июньские и июльские события, извращены события, связанные с деятельностью предпарламента, извращен ход самых событий в Октябре. На всем этом, на деталях восстановления исторической правды и на сопоставлении того, что говорится тов. Троцким, с документами,—на всем этом я не могу здесь останавливаться. А хочу поставить только общий вопрос о социально-политическом смысле выступления т. Троцкого, о том значении, которое это выступление имеет в связи со всеми выступлениями тов. Троцкого и с ролью тов. Троцкого в нашей партии.

По понятным причинам, мы избегали поставить этот вопрос, но теперь не можем избежать этого, потому что тов. Троцкий, затронув вопрос об Октябре, о роли нашей партии и о роли Ленина в деле сознания идеологии Октябрьского переворота и в деле проведения Октября, сам заставляет нас поставить вопрос об общем смысле всех выступлений т. Троцкого на протяжении истории большевистской партии.

Я поэтому должен буду остановиться на вопросе о троцкизме и большевизме вообще, взяв последнее выступление тов. Троцкого, лишь как один из наиболее ярких и показательных элементов общей линии тов. Троцкого.

Прежде всего нужно спросить себя, действительно ли тут есть какая-нибудь общая линия? Когда говорится о троцкизме, что под этим подразумевается? Идет ли дело о личности тов. Троцкого или о некоторых общих, далеко не личных явлениях в истории рабочего движения за последние 20 лет в России? С чем мы тут имеем дело: с личностью, с индивидуальностью, или с некоторым обобщением, с какой-то струей, которая порождена общими условиями развития рабочего движения в мелко-буржуазной стране, со случайным явлением или с явлением, которое имеет за собой историю, которую забывать нельзя? Если вы обратитесь для решения этого вопроса к сочинениям тов. Ленина, то должны будете констатировать, что нет почти ни одного тома сочинений тов. Ленина вплоть до февральской революции и—с некоторым перерывом—вновь, начиная с 1918 года, в котором вопрос о троцкизме не стоял бы постоянно и не обсуждался бы систематически. Почему?

1. Троцкизм и партия до революции 1917 г.

Наша партия сложилась в стране мелко-буржуазной, в стране капиталистически-отсталой, и вопрос о том, каким образом пролетариат, поставленный в условия наиболее отсталой из европейских стран, окруженный крестьянской мелко-буржуазной стихией в большей мере, чем пролетариат какой-либо другой страны, как этот пролетариат еще при царском самодержавии мог родить, создать и выковать партию, которой судьбами истории было предназначено стать во главе всего международного движения,—есть основной вопрос *самопознания партии.* Этот вопрос есть вопрос о нашем происхождении и развитии,

и партия неоднократно выясняла для себя, почему и каким образом пролетариату России (выражаясь по старому) в отсталой крестьянской стране, при самодержавии, суждено было выковывать и выковать тот ленинизм, который теперь является путевой звездой для всего международного пролетариата, для пролетариата гораздо более капиталистически развитых и экономически подготовленных стран, чем Россия. Я не буду сейчас останавливаться на этих об'яснениях. Одно—несомненно. В этих условиях партия революционного пролетариата, партия большевиков могла сложиться только в постоянной, систематической, неустанной борьбе с мелко-буржуазной стихией, пытавшейся подчинить себе рабочий класс. Большевизм есть учение насквозь боевое в том смысле, что оно создавалось, росло, крепло и окрепло в постоянной и неустанной борьбе со всеми формами влияния буржуазии на пролетариат.

Концентрированным выражением политики влияния буржуазии на пролетариат является меньшевизм [1]). Тридцатилетняя история большевизма есть тридцатилетняя история его борьбы с меньшевизмом. Ленинизм есть учение о войне пролетариата против буржуазии. Именно поэтому ленинизм есть в то же время учение о войне против меньшевиков.

Формы влияния буржуазии на пролетариат менялись в зависимости от смены исторических эпох. Менялись соответственно и формы, виды, разновидности, приемы меньшевизма. Неизменной оставалась ленинская „бешеная" борьба против меньшевизма, ленинское умение под всеми видоизменениями форм и приемов меньшевизма вскрыть его подлинную сущность: враждебность делу создания большевистской идеологии и делу строительства большевистской партии. Это знают или, по крайней мере, предполагается, что это должны знать *все*. Все понимают, что тот, кто не усвоил себе мысли, что большевизм есть систематическая борьба с меньшевизмом,—тот ничего не понял в большевизме, ничего не понял ни в его истории, ни в его историческом облике, ни в том, как и почему большевизм победил. Далеко не все знают, и до недавнего времени предполагалось, что *этого* все и не должны знать, что так же, как ленинизм сложился, вырос и победил в постоянной, систематической борьбе с меньшевизмом, он рос, вырос и победил в постоянной, систематической борьбе с троцкизмом.

Почему?

Потому, что троцкизм в продолжение всего того периода, когда наша партия подготовлялась к решительной классовой борьбе пролетариата с буржуазией, создавая ленинизм, как учение о пролетарской революции, и складывая партию, как его руководителя,—троцкизм служил не чем иным, как агентурой меньшевизма, как прикрытием меньшевизма, как маскировкой меньшевизма.

Начиная с 1903 года, т. е. с момента рождения меньшевизма, и до его окончательного краха в 1917 г., Троцкий выполнял роль агента меньшевизма среди рабочего класса. Это—факт, без усвоения которого совершенно невозможно понять ту роль, которая отведена Троцкому во всех сочинениях Ленина,—на протяжении последних 20 лет.

Всякий, кто будет изучать историю партии по сочинениям Ленина,—а у нас нет и не будет лучшего, более глубокого и более богатого содержанием и выводами учебника по истории партии и революции,—неизбежно убедится, что на протяжении всей своей борьбы за партию и за революцию против меньшевиков Ленин рассматривает Троцкого (его линию в целом на протяжении десятилетий и его отдельные выступления) только и исключительно, как агента меньшевизма, как оружие, которым пользуется меньшевизм для захвата влияния в тех или других слоях рабочего класса, как слугу меньшевизма. Для Ленина Троцкий, „троцкизм" такое же характерное, не случайное, давлением буржуазии порожденное явление в общей сумме враждебных подлинной пролетарской партии явлений, как длинный ряд других групп и группок, фракций и подфракций, течений и теченьиц, которые рабочему классу надо было побороть, чтобы создать свою, пролетарскую партию.

Для Ленина, начиная с 1903 г., Троцкий интересен не как личность: он для Ленина,—а с ним и для партии,—типичное воплощение одной из исторических струек, враждебных созданию большевистской идеологии, т. е. идеологии пролетарской революции и большевистской пролетарской организации. Для него это живое—порой талантливое, порой плоское и излишне фразистое воплощение враждебной делу пролетариата стихии,—так же, как Мартов [2]), Чернов [3]), Аксельрод [4]), которых он разбирает, именно как воплощение определенных общественных явлений, а отнюдь не как личность. Эта систематическая борьба

с троцкизмом, как враждебным большевизму течением, проходит у Ленина на протяжении всех томов его сочинений, вплоть до момента, когда Троцкий примкнул к нашей партии. Здесь следует перерыв и затем в другой форме возвращение к этой же борьбе.

В дни первой революции.

До II с'езда партии в 1903 г., до раскола меньшевиков и большевиков, т. Троцкий служил ленинской „Искре", как служили ей Мартов, Потресов и другие меньшевики. За свое усердие в деле проведения ленинских планов на первых заседаниях с'езда т. Троцкий заслужил даже кличку „ленинской дубинки". Почетная роль! Но для политической истории тов. Троцкого характерна не столько эта роль, сколько то, что он немедленно изменил ей, как только—на последних заседаниях того же с'езда—на сцену вышли меньшевики.

Организационный разрыв на с'езде между меньшевиками и большевиками произошел на вопросе о выборах Центрального Комитета партии.

Надо было выбрать трех. На двоих из этой тройки сходились меньшевики и большевики. Меньшевики третьим хотели иметь... вчерашнюю „ленинскую дубинку"—Троцкого. Ленин ни за что на это не соглашался. Меньшевики ни за что не хотели уступить. Видимо, и Ленин, и Мартов хорошо оценили, насколько эта „дубинка", действительно, оказалась „ленинской". Ленин имел большинство на с'езде. Троцкий в ЦК выбран не был. Тогда совместно с Мартовым, Даном, Аксельродом и другими т. Троцкий создает фракцию меньшевиков, срывает решение с'езда, становится во главе бойкота центральных органов партии, возглавляемых Лениным, пишет против Ленина политический памфлет,—одно из самых претенциозных и самых отвратительных произведений меньшевистской литературы, в котором всю политику Ленина об'ясняет жаждой власти в партии со стороны „кандидата в диктаторы" (т. е. Ленина). Вся компания меньшевиков, во главе с Мартовым, Даном и другими, печатно рекомендует этот памфлет т. Троцкого к широкому распространению*). Так начинается история меньшевизма и история т. Троцкого в партии.

*) Подробнее см. книжку т. Канатчикова „История одного уклона", подробно и дельно излагающую ряд выступлений т. Троцкого.

Став оруженосцем Мартова и Аксельрода, тов. Троцкий, как политическая фигура, потерял для Ленина всякий интерес. Ленин длительно и систематически спорил с меньшевиками, с Плехановым, Аксельродом, Мартовым, с Мартыновым, выяснял рабочим и разоблачал перед рабочими их взгляды, но тратить время на споры с их сотрудником, Троцким, Ленин считал излишним. „Следует воевать с Плехановым, надо полемизировать с Мартовым, можно спорить с крайним оппортунистом Аксельродом, но тратить время на споры с Троцким— не стоит",—внушал тогда Ленин своим сотрудникам.

Когда же тов. Троцкий попытался уже летом 1905 г. выбраться из меньшевистского небытия тем путем, что своими словами изложил идею Парвуса [5]) о „перманентной революции", Ленин, разобрав и отвергнув идеи и лозунги Парвуса, по поводу самой-то брошюры Троцкого выразил только сожаление, что „революционный социал-демократ" Парвус счел возможным выступить „вместе с Троцким" с его „революционной фразой". Больше ни о тов. Троцком, ни об его „оригинальной" теории Ленин не счел нужным сказать ни одного слова (Ленин. Собрание сочинений, т. VII, стр. 130). Кстати. Именно эту брошюру т. Троцкий пытается теперь навязать партии, как диплом на свою революционность, стараясь доказать, что Ленин оказался прав лишь постольку, поскольку стал на точку зрения этой брошюры тов. Троцкого. Об этом подробнее ниже.

За весь период первой революции, в годы, когда рабочие массы впервые в действии получили возможность проверить различные теории русской революции и вытекающие из них тактические приемы, когда Ленин ожесточенно отстаивал большевистскую схему революции, он ни разу не счел нужным добавить что-нибудь к своей характеристике принципиальной позиции Троцкого, как к „революционной фразе". Ленин знал, что эта „левая фраза" Троцкого о „перманентной революции", во-первых, решительно ничего не определяла в действительном ходе революции и рабочего движения, и что, во-вторых, она ничуть не мешала т. Троцкому оставаться в меньшевистской организации, работать в меньшевистском центральном органе, политически сотрудничать с меньшевиками. Ленин имел марксовскую привычку судить о людях, партиях, направлениях по делам, а не по словам.

Во всю эпоху первой революции (1905—1907 г. г.), когда пролетариат впервые получил возможность выступить на арену в виде массовой силы, демонстрируя в действии свою классовую политику и свое отношение к другим классам, проявилась ожесточенная борьба только двух тактик, только двух политик, только двух схем русской революции: это были меньшевизм, который, не дооценивая или пренебрегая крестьянством, тянул рабочий класс к соглашению с буржуазией, и большевизм, который звал крестьянство поддерживать рабочих в их борьбе и с царизмом, и с буржуазией, во имя диктатуры пролетариата и крестьянства. Эта борьба большевиков и меньшевиков в первой революции за направление революции—как и вся первая революция—предвосхищала, в основном, борьбу, развернувшуюся до конца во второй революции 1917 г. Как и в этой последней, теория Парвуса—Троцкого в ходе первой революции не играла *никакой* роли: она—по предсказанию Ленина—осталась фразой, оторванной от подлинного хода классовой борьбы, и сохранилась не в живых событиях подлинной борьбы, а лишь на запыленных страницах старых меньшевистских газет. Вот почему Ленин не потратил на ее опровержение в ходе революции ни одного слова.

В дни контр-революции.

Революционная волна спала [6]). Партия перестраивается для длительной и тяжкой работы в атмосфере контр-революции. „Левая фраза" потеряла всю свою эффектность. Приходится закладывать основы новой тактики, приходится спасать от контр-революционного погрома, в атмосфере усталости рабочего класса, разгрома пролетарских организаций, разгула ренегатства, измены и злорадства над задавленной революцией, спасать то, что можно еще спасти,—знамя революционной тактики пролетариата, основы его нелегальных организаций. Приходится защищать знамя революционной политики рабочего класса, над которым начинают издеваться, которое топчут в грязь все меньшевики. В этот момент, самый трудный для большевистской партии, потому что вся атмосфера разгрома революции была направлена против большевиков, вся целиком поддерживала меньшевистские, ликвидаторские [7]) — по отношению к партии и к революции—тенденции, в этот момент

т. Троцкий, который, когда революция шла вверх, вместе с Парвусом обязательно хотел „быть революционнее всех", казалось, должен был бы придти на помощь большевикам. Так, по крайней мере, поступил принципиальный наш противник в 1905—1907 г. г., Плеханов [8]). Старый революционер не выдержал: перед лицом всеобщей волны ренегатства он— рядом с большевиками—бросился в бой под знаменем: „генеральное межевание", т. е. генеральное отмежевание пролетарских революционеров от меньшевиков-ликвидаторов *). Троцкий поступил обратно.

Первое выступление тов. Троцкого в этот момент начавшейся контр-революции произошло на Лондонском с'езде [9]). Большевики воевали на с'езде с меньшевиками-ликвидаторами, в частности, с фракцией 2-й думы [10]), во главе которой стояли всем нам хорошо теперь известные политики Церетелли и Дан. Большевики критиковали эту думскую фракцию, как фракцию, которая, проводя на деле меньшевистские взгляды, пыталась встать на путь западно-европейского социал-демократического парламентаризма. Мы знаем, что это именно та теплица, в которой выращиваются самые отравленные плоды предательства рабочего. Против первых же шагов по этому пути большевики выступили с решительной критикой.

Тов. Троцкий, конечно, защищает меньшевистскую фракцию от большевистских нападок. Ленин характеризует его позицию: „Троцкий говорил от имени центра, он выражал взгляды Бунда [11]). Бунд—самая оппортунистическая организация, которая когда-либо была в партии, самая беспринципная и самая оппортунистическая; для нас пожалуй беспринципность характернее, чем оппортунизм: она была организацией ремесленников и отражала их непролетарский дух. Он громил нас за внесение „неприемлемой" резолюции. Он грозил прямо расколом... Разве это не чудовищно? Одна возможность такой постановки вопроса показывает, что есть непартийное нечто в нашей партии... Это не принципиальная позиция, а беспринципность центра" и, конечно, его защитника, Троцкого **).

Дальше тов. Ленин найдет еще гораздо более выразительные слова для характеристики позиции тов. Троцкого

*) Правда, боевого пыла хватило у Плеханова не надолго.

**) Ленин. Собр. соч., т. VIII, стр. 387—8.

в момент, когда наша партия подытожила опыт 1905 г. и на этой основе закладывала фундамент для всего будущего партии. Но эти слова Ленина уже предвосхищают всю ту роль, которую суждено было тов. Троцкому играть в течение десятилетия относительно нашей партии.

Таково было *первое* выступление тов. Троцкого после революции 1905 г. С этого момента и вплоть до 1917 года тов. Троцкий выступает неизменно как защитник меньшевиков против большевиков, как противник складывающейся в борьбе большевистской партии и, именно как таковой, неизменно же рассматривается партией.

Последуем теперь за Лениным и взглянем, как он характеризовал роль тов. Троцкого в трудном процессе создания большевистской партии, т. е. в процессе создания и теории, и организации руководства пролетарской революции.

1910 г. Май. Момент *формального выделения* большевиков, окончательного идейного и организационного размежевания большевиков с проводниками буржуазного влияния на пролетариат—меньшевиками-ликвидаторами, во главе которых идут Аксельрод и Мартов, и отзовистами [12]), во главе которых известный впоследствии ренегат Алексинский. Ленин пишет (Собр. соч., т. XI, часть 2-я, стр. 49—53):

Представители двух крайних течений, одинаково выражающих подчинение буржуазным идеям, одинаково антипартийных, сходятся целиком в своей внутрипартийной политике, в борьбе с большевиками... Резолюция Троцкого только по внешности отличается от „излияний“ Аксельрода и Алексинского. Она составлена очень „осторожно“ и претендует на „сверхфракционную“ справедливость. Но в чем ее смысл? Во всем виноваты-де „большевистские вожди“—это та же „философия истории“, что у Аксельрода и Алексинского...“

„Нетрудно видеть,—продолжает Ленин,—как бессодержательны звонкие фразы в резолюции Троцкого, как они служат на деле отстаиванию той же самой позиции, на которой стоят Аксельрод и К⁰, Алексинский и К⁰. Ведь, в этом вся бездна различия между примиренчеством [13]) Троцкого и К⁰, которое на деле служит самую верную службу ликвидаторам и отзовистам, а потому является тем более опасным злом в партии, чем хитрее, изысканнее, фразистее оно прикрывается якобы партийными и якобы антифракционными декламациями, —

и между партийностью действительной, которая состоит в очищении партии от ликвидаторства и отзовизма".

Ожесточенная борьба за основы большевизма продолжается. Все враги большевизма об'единяются и единым фронтом наступают на большевиков, на партию, на ее центральные учреждения, Ленин возвращается к вопросу о значении этой борьбы и о роли Троцкого и пишет (конец 1910 г., Собр. сочин., т. XI, часть 2-я, стр. 182—3, 187):

„За статьей Мартова и резолюцией Троцкого скрываются определенные практические действия, направленные против партии. Статья Мартова есть лишь литературная форма, в которую облечена предпринятая голосовцами [14]) (меньшевиками) кампания с целью срыва ЦК нашей партии. Резолюция Троцкого есть выражение того же самого, что составляет цель голосовцев (меньшевиков): разрушить ненавистные ликвидаторам центральные учреждения (большевиков), а с ними заодно— и партию, как организацию. Эти антипартийные действия голосовцев (меньшевиков) и Троцкого недостаточно вывести на свежую воду, с ними нужно бороться".

Как видите, товарищи, всякое бывало в нашей партии, и многое, что молодым членам партии кажется новым, для нас, стариков, и для внимательных читателей сочинений Ленина из молодежи совсем не кажется уж таким новым. Всякое бывало!

Ленин продолжает:

„И мы заявляем поэтому *от имени партии в целом*, что Троцкий ведет антипартийную политику, что он разрывает партийную *легальность*, вступает на путь *авантюры и раскола*... Умалчивает Троцкий об этой бесспорной правде (об антипартийных группах) потому, что для *реальных* целей его политики правда непереносима... Эти реальные цели—*антипартийный блок*, каковой блок Троцким поддерживается и организуется... Этот блок, конечно, поддержит Троцкого, ибо (антипартийные элементы) получают здесь то, что им нужно: свободу своих фракций, освящение их, прикрытие их деятельности, адвокатскую защиту ее перед рабочими. И вот именно с точки зрения „принципиальных основ" мы не можем не признать этот блок *авантюризмом* в самом точном значении слова. Сказать, что он видит настоящих марксистов, действительных защитников принципиальности социал-демократизма (в меньшевиках) в отзовистах, Троцкий *не смеет*. В том и суть позиции авантю-

риста, что ему приходится перманентно увиливать... Блок Троцкого с Потресовым и впередовцами есть авантюра именно с точки зрения „принципиальных основ". Не менее верно это с точки зрения партийно-политических задач... Годичный опыт показал на деле, что именно группы Потресова [15]), именно фракция впередовцев и воплощают это буржуазное влияние на пролетариат... Наконец, в-третьих, политика Троцкого есть авантюра в смысле *„организационном"*.

1911 год. Борьба за партию и ее идеи продолжается. Троцкий продолжает свою антипартийную политику. Ленин продолжает его характеристику. В июне 1911 года Ленин пишет (Собр. соч., том XI, часть 2-я, стр. 322):

„Все большевики должны сплотиться теперь теснее, укрепить свою фракцию, определить точнее и яснее партийную линию этой фракции,—собрать разрозненные силы и идти в бой за РСДРП, очищенную от проводников буржуазного влияния на пролетариат". И тут же добавляет:

„Люди, подобные Троцкому, с его надутыми фразами о РСДРП и с его раболепством пред ликвидаторами, не имеющими ничего общего с РСДРП, являются ныне „болезнью времени". На деле это—проводники *капитуляции* перед ликвидаторами, строителями столыпинской рабочей партии". [16])

Через пару месяцев в специальном обращении „Ко всем партийным организациям, группам и кружкам":

„Отметим только еще одну *наиболее общую* черту в выступлениях группки Троцкого: в области тактических вопросов и внутрипартийных принципиальных разногласий Троцкий находит в своем арсенале оружие для борьбы *только с левым* крылом партии. Само собой разумеется, что подобная политика является водой на мельницу только голосовцев (меньшевиков) и оппортунистов всех других оттенков. (Собр. соч. Ленина, т. XI, ч. 2-я, стр. 335—338).

Троцкий продолжает свою политику, и Ленин продолжает его характеристику:

„Посредством фразы прикрываются действительные ликвидаторы и делаются всяческие попытки мешать работе антиликвидаторов, т. е. большевиков... Троцкий и подобные ему троцкисты и соглашатели вреднее всякого ликвидатора, ибо *убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды,*

ОСОБЫЙ ФОНД
Музея Революции СССР
№ 706333

и рабочим легко разобрать их ошибочность, а Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группу Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства. Полная свобода действий для г. Потресова и К⁰ в России, *прикрывание их дел „революционной" фразой* за границей — вот суть политики „троцкизма". (Собр. соч. Ленина, т. XI, ч. 2-я, стр. 359—360).

Эта характеристика: прикрывание левыми, якобы революционными, фразами практической политики правых дел, это— для Ленина—общая, характерная, из года в год повторяющаяся, во всяком вопросе на каждом повороте выступающая вперед черта троцкизма, как такового. И ее Ленин не устает подчеркивать и выяснять партии именно как основную, характерную, но и наиболее опасную для партии и рабочего движения черту троцкизма. Через несколько месяцев после сейчас приведенной характеристики Ленин пишет о Троцком:

„Бедный герой фразы не заметил мелочи: революционен только тот с.-д. (по нынешнему—коммунист), кто понял *вред* антиреволюционного якобы социал-демократизма в данной стране, в данное время, т. е. вред ликвидаторства и отзовизма в России 1908—1911 годов, кто *умеет* бороться с подобными не с.-д. течениями".

„Троцкий называет себя партийцем на том основании, что для него русский партийный центр, созданный подавляющим большинством русских с.-д. организаций, есть ноль... Революционная фраза служит для того, чтобы прикрывать и оправдывать фальшь ликвидаторства, засоряя тем сознание рабочих... Задача Троцкого в том и состоит, чтобы прикрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочим... С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликвидаторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех, и других, не спорят: его разоблачают, как дипломата самой мелкой пробы". (Собр. соч. Ленина, т. XI, ч. 2, стр. 446—448).

Нетрудно предвидеть, что найдутся люди, которые по поводу цитируемых мною документов партийной истории попытаются прибегнуть к самому легкому и вполне обывательскому об'яснению: раздражение, острая схватка борьбы, случайные столкновения. Я, поэтому, и считаю малоприятным, но обязательным

долгом — раз уж тов. Троцкий заставил партию обратиться к истории отношений между большевизмом и троцкизмом—проследить отзывы Ленина и характеристику Лениным отношений между партией и троцкизмом не в какой-нибудь год, не по поводу одного какого-нибудь вопроса, а систематически, на протяжении всех 15 лет, в которые партия знает троцкизм. Если определенное отношение к троцкизму проявляется у нашей партии не в какой-нибудь исключительный, отдельный момент, не по отдельному данному вопросу, а проявляется систематически, в течение длинного ряда лет, на всех поворотах партийной истории, тогда даже самый умственно-ленивый, самый обывательски-настроенный человек и тот не сможет об'яснить этого раздражением, случайностью, пристрастием или чем-либо подобным: даже самый ленивый человек должен будет подумать: если 15 лет Ленин изо дня в день учит партию, что такое троцкизм, если его характеристика оказывается правильной при всех поворотах истории—и тогда, когда революция идет вверх, и тогда, когда она подает глубоко вниз, и тогда, когда она опять поднимается,—то здесь дело не в раздражении, не в индивидуальных вкусах, а в том, что троцкизм есть, видимо, какое то течение, которое появляется систематически и в систематической борьбе с которым только и можно было закладывать основы большевизма, как теории и практики пролетарской коммунистической революции.

Троцкий осведомляет Интернационал.

Тов. Троцкий не ограничивался проповедью тех взглядов, которые я характеризовал выше словами Ленина, только для русских рабочих. Известно положение большевиков во II Интернационале. Уже тогда большевики вообще, Ленин в частности, были одиозными фигурами для вождей II Интернационала. Уже тогда они чувствовали и в большевизме, и специально в Ленине какую-то новую силу, которая призвана их смести, и поэтому они охотно предоставляли органы печати II Интернационала для всякой клеветы, которой только было угодно выступить против большевиков и большевизма. В то же время Ленин за все время своей эмиграции, за все время революции и контрреволюции не получил ни разу возможности с трибуны печатных органов II Интернационала обратиться к германским, французским или австрийским рабочим и рассказать им правду

о большевизме. Фактически II Интернационал держал нас под бойкотом, но зато он охотно давал слово всем противникам Ленина—Мартову, Дану и Троцкому, которые могли без опасности для себя преподносить международному пролетариату любую ложь и любую клевету о большевиках, ибо они знали заранее, что Ленину слова для ответа дано не будет. Этой возможностью и пользовался Троцкий, чтобы излагать перед интернациональным рабочим движением приблизительно следующую „философию" большевизма: „Ленинцы—это кучка интеллигентов, которые под руководством не стесняющегося никакими средствами человека, Ленина, держат темными путями в своих руках движение русского пролетариата, который, благодаря своему невежеству и отсталости, верит большевикам; задача должна заключаться в том, чтобы освободить пролетариат России от засилия этой кучки и их лидера Ленина". Вот то представление о большевизме, которое т. Троцкий тогда внушал Интернационалу.

Так истолковывался им для европейских рабочих-социалистов исторический смысл внутрипартийной борьбы в России, смысл борьбы большевиков с меньшевиками. По поводу статей Мартова и Троцкого на эту тему, обращенных ими к Интернационалу, Ленин в 1911 году писал:

„Мартов излагает взгляды меньшевизма, прикрываясь особенно звонкой фразой. Для Мартова „русский опыт" сводится к тому, что „бланкистская и анархистская некультурность одержала победу над марксистской культурностью [17]) (читай: большевизм над меньшевизмом). „Русская социал-демократия говорила слишком усердно *по русски*" (т. е. по-революционному. *Л. К.*) в отличие от „*общеевропейских*" (т. е. парламентских. *Л. К.*) приемов тактики. У Троцкого „философия истории" та же самая. На первый план выдвигается „сектантский дух, интеллигентский индивидуализм, идеологический фетишизм". *Борьба за влияние на политически незрелый пролетариат*",—вот в чем суть дела".

Изложив все эти взгляды, преподносимые т. Троцким немецким рабочим, Ленин пишет:

„Теория, видящая в борьбе большевизма с меньшевизмом борьбу за влияние на незрелый пролетариат, не нова. Мы встречаем ее с 1905 г. (если не с 1903 г.) в бесчисленных книгах, в брошюрах, статьях *либеральной печати*. Мартов

и Троцкий преподносят немецким товарищам марксистски подкрашенные *либеральные взгляды...*"

„Иллюзия" думать,—заявляет Троцкий,—будто меньшевизм и большевизм „пустили глубокие корни в глубинах пролетариата". Это—образчик тех звонких, но пустых фраз, на которые мастер наш Троцкий. Не в „глубинах пролетариата", *а в экономическом содержании* русской революции лежат *корни* расхождения меньшевиков с большевиками. Игнорируя это содержание, Мартов и Троцкий лишили себя возможности понять исторический смысл внутри-партийной борьбы в России... Говорить о борьбе направлений в русской революции, раздавая ярлыки: „сектантство", „некультурность" и т. п. (словечки Троцкого против большевиков, которыми он пугал немецких филистеров [18]) *Л. К.*), и не говорить ни слова об основных экономических интересах пролетариата, либеральной буржуазии и демократического крестьянства, — значит опускаться до уровня вульгарных журналистов".

Тов. Ленин раз'ясняет т. Троцкому:

„Мартов защищает воспитание крестьян (революционно боровшихся с дворянством) либералами (которые продавали крестьян дворянам). Это и есть подмена марксизма либерализмом. Это и есть марксистскими фразами прикрашенный либерализм... Борьба большевизма и меньшевизма *неразрывно* связана с этой историей, как борьба из-за поддержки либералов (со стороны меньшевиков), из-за свержения гегемонии либералов над крестьянством (со стороны большевиков). Поэтому,—втолковывает т. Ленин тов. Троцкому,—об'яснять наши расколы влиянием интеллигенции, незрелостью пролетариата и т. п. есть ребячески наивное *повторение либеральных сказок*".

Как видим, Троцкий „шел к Ленину", рассказывая международному пролетариату либеральные сказки про ленинизм!...

„Между нашим взглядом и взглядом Мартова лежит пропасть, и эта пропасть между взглядами „интеллигентов" отражает только, вопреки Троцкому, пропасть, которая была на деле в конце 1905 года *между классами*, именно между революционным борющимся пролетариатом и изменнически ведущей себя буржуазией".

Вот чего не понял в большевизме Троцкий, на взгляд Ленина. Много ли он понял в нем в таком случае вообще?

„Троцкий извращает большевизм, ибо Троцкий никогда не мог усвоить себе сколько-нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции".

Охарактеризовав все изложение большевизма перед неосведомленными немецкими рабочими со стороны т. Троцкого, как „утонченное вероломство", т. Ленин закончил свою характеристику такими словами:

„Троцкий был в 1903 году меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 году, вернулся к меньшевикам в 1905 году щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 году опять отошел; в конце 1906 года защищал избирательное соглашение с кадетами [19]) (т. е. фактически опять был с меньшевиками), а весной 1907 года на лондонском с'езде говорил, что его различие от Розы Люксембург есть „скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений". Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра—другой, и поэтому об'являет себя стоящим *выше* обеих фракций. Троцкий в теории *ни в чем* не согласен с ликвидаторами и отзовистами, *а на практике во всем* согласен с голосовцами и впередовцами (т. е. проводниками либерального влияния на пролетариат. *Л. К.*). Мне приходится заявить, что Троцкий представляет лишь свою фракцию и пользуется некоторым доверием *исключительно* у отзовистов и ликвидаторов". (Собр. соч., том XI, ч. II, стр. 292, 293, 296, 307—8).

В дни под'ема.

1912 год. Этот—год перелома. В январе большевики окончательно рвут остатки организационных связей с меньшевиками, и на своей большевистской конференции (в Праге) создают свой чисто большевистский ЦК, исключают из партии ликвидаторов и провозглашают революционную программу действий. В апреле, после Ленского расстрела [20]) бурной волной вновь, впервые после 1905 года, вздымается пролетарское движение. Оно целиком усваивает программу и тактику большевиков. Среди рабочих масс начинает расти и вскоре окончательно побеждает „большевистское поветрие", по злобному выражению тогдашних меньшевиков. Воспрянувшее рабочее движение систематически „снимает с постов" тех ликвидаторов, которые успели захватить эти посты в контр-революционных потемках предшествующих лет. Это начало революционного наступления—

под лозунгами большевиков, под руководством большевиков—наступления, которое к середине 1914 года приводит уже к баррикадным боям в Ленинграде.

Какова была позиция т. Троцкого перед лицом этих решающих событий? Быть может, эта волна революционного под'ема, этот новый рост рабочего движения увлек т. Троцкого с той позиции агента меньшевизма, на которой он стоял в предшествующие годы упадка и разложения? Быть может, его архилевая теория „перманентной революции", лежавшая годами без употребления, теперь поможет ему разорвать пуповину, связывающую его с контр-революционным меньшевизмом?

Нет! Тов. Троцкий остается верен себе и... меньшевикам-ликвидаторам.

На организационное оформление и укрепление большевистской партии (январьская конференция большевиков) он отвечает укреплением своего союза с меньшевиками для борьбы с большевизмом. Его усилиями создается так называемый августовский блок,—блок, союз, организационное об'единение всех небольшевистских и противобольшевистских групп и группочек. Этот блок,—пишет Ленин,—„построен на беспринципной, пустой и лицемерной фразе". „Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести по-прежнему свою линию, *а т. Троцкий прикрывает их революционной фразой*, которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает". (Ленин, собр. соч. т. XII, ч. 1, стр. 94, апрель 1912 г.). По поручению этого блока, т. Троцкий усиленно грязнит большевиков, как руководителей начинающегося пролетарского под'ема, перед Интернационалом. Эту его работу т. Ленин характеризует, как „обман и введение в заблуждение немецких рабочих". По поводу его статей, обращенных к немецким рабочим, т. Ленин писал, что „они отдают таким букетом беспардонного хвастовства и фразистой лжи, что не допускают сомнения в том, что ликвидаторский заказ на эти статьи попал в опытные руки". (Там же, стр. 93).

Но, быть может, тов. Троцкий был заодно с врагами большевиков только в их борьбе с большевистской *организацией*, может быть, в вопросах об оценке, задачах целях, тактике поднимавшегося пролетарского движения, в оценке задач, целей, тактики *новой революции* он отходил от контр-революционных меньшевиков, служивших либералам? Послушаем опять Ленина:

Троцкий, проклиная на все лады конференцию, [21]), уверял добряков, что „борьба за свободу коалиций“ [22]) является *основой* Ленских событий и их отголосков, что „это требование стоит и будет стоять в *центре* революционной мобилизации пролетариата“. Прошла какая-нибудь неделя, и эти жалкие фразы подголоска ликвидаторов были сметены, как пыль“.

Только либеральные болтуны и либеральные рабочие политики,—продолжал Ленин,—могут ставить „в центре революционной мобилизации“ свободу коалиций“. Политике ликвидаторов и т. Троцкого т. Ленин тут же противопоставляет революционно-большевистскую политику питерского пролетариата: „Пролетариат Петербурга,—писал Ленин,—понял, что не во имя одного из прав (свободы коалиций. *Л. К.)*, а во имя свободы всего народа должна быть начата новая революционная борьба. Пролетариат Петербурга понял... что надо бить в центр, нападать на источник зла, разрушать всю систему, весь строй царски-черносотенной России. Пролетариат Петербурга понял, что смешно и глупо пред'являть требование свободы коалиций“... „Нет ничего более лживого, как *либеральная* выдумка, повторяемая вслед за ликвидаторами Троцким, будто „борьба за свободу коалиций является основой как Ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране“. (Собр. соч., т. XII, ч. I, стр. 183—185).

Разница в самом подходе к *основным* задачам второй (после 1905 г.) революции большевиков, с одной стороны, и меньшевиков и Троцкого,—с другой, совершенно ясна. Но Ленин еще и еще поясняет антиреволюционный подход Троцкого к этим основным задачам. Троцкий тогда, вслед за меньшевиком Аксельродом, носился с идеей „европеизировать“ борьбу русских рабочих, т. е., как пояснял тот же Аксельрод, „коренным образом изменить характер партии, как он сложился в до-революционную и дальше развился в революционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской социал-демократии“. Троцкий плелся за Аксельродом. Он видел свое преимущество перед „некультурными“, „варварскими“, „сектантски-неистовыми“ азиатами-большевиками в том, что он, Троцкий,—„европеец“ и борется „под тактическим знаменем европейской социал-демократии“. Но что обозначало это противопоставление „европеизма“, „европейской тактики“—большевизму? Только одно:

отказ от непосредственно-революционных задач рабочего движения в царско-помещичьей России ради парламентской тактики европейских социалистов II Интернационала. О „пресловутой европеизации,—писал Ленин,—на все лады говорят и Дан, и Мартов, и Троцкий, и Левицкий, и все ликвидаторы. Здесь—один из главных гвоздей их оппортунизма. Их оппортунизм в том,—пояснял Ленин,—что они хотят придать „европейский" парламентско-пропагандистский характер партии как раз тогда, когда перед ней стоят не европейские, а непосредственно-революционные боевые задачи, они хотят, таким образом, *обойти* задачи революции, подменить революционную тактику тактикой парламентской. В устах ликвидаторов и Троцкого—в период 1910—1914 г.г.—словечки о „европеизме", дополняемые словечками о „варварстве" большевиков, прикрывали *отказ* от революционных задач и революционной тактики пролетариата в России. Вот что писал Ленин по поводу одного такого „европейского" выступления т. Троцкого: „Мечтание оппортунистического интеллигента, который в обход трудных не-европейских условий рабочего движения в России (Ильич эту статью писал для легальной „Звезды" и потому употреблял легальные слова: читать следовало: в обход революционных задач рабочего движения в России) сочинил отменно хороший европейский план и по случаю сочинения такого плана хвастался на весь мир своим „европеизмом". (Собр. соч., том XII, ч. I, стр. 222—223, июль 1912 г.).

Эта тактика, сводившаяся фактически к проповеди перехода партии с революционных путей на путь тогдашних мирных европейских социалистов, проповедывалась как раз тогда, когда новая волна революционного под'ема после Ленского расстрела требовала именно революционного руководства. Быть может, кто-либо задаст себе вопрос: как же теория „перманетной революции" не удержала т. Троцкого от подобной нереволюционной тактики, как мог он, придерживаясь этой архи-левой теории в явно-революционной обстановке 1912—14 г.г., проповедывать—рядом с меньшевиками—подобную антиреволюционную тактику.

Но тот, кто задал бы подобный вопрос, лишь доказал бы, что он и теперь еще не усвоил ленинской характеристики троцкизма: „прикрывание левой (несуразно левой, архи-звонкой,—писал Ленин) фразой правой политики".

„Взгляните на платформу ликвидаторов,—раз'яснял наивным людям т. Ленин еще в 1913 г.—ее ликвидаторская суть искусно прикрыта революционными фразами Троцкого. Наивных и совсем неопытных людей это прикрытие может иногда ослепить... Но самое небольшое внимание рассеет такой самообман".

Всесоюзная ... библиотека ...

Канун войны.

Мы подошли *к 1914 году*. Революционное движение пролетариата идет все вперед, волны революционного прибоя бьют все выше. Позиция Троцкого в основных вопросах революции и тактики пролетарского движения остается все той же. Вот что пишет т. Ленин в 14-м году:

„Никогда еще ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда перебегая от одной стороны к другой". (Ленин. Собрание сочинений, том XII, часть 2-я, страницы 536—537).

„У ликвидаторов есть своя физиономия, либеральная, а не марксистская. Всякий, знакомый с писаниями Ф. Дана, Л. Мартова, Потресова и К°, знает эту физиономию. У Троцкого же никогда никакой „физиономии" не было и нет, а есть только перелеты, переметывание от либералов к марксистам и обратно, обрывки словечек и звонких фраз, надерганных отсюда и оттуда... На деле, под прикрытием особенно звонких, пустых и туманных фраз, Троцкий проводит, запутывая несознательных рабочих, защиту ликвидаторов своим замалчиванием вопроса о подполье (т. е. о революционной организации и политике рабочего класса. *Л. К.*) уверениями, что у нас нет либеральной рабочей политики (т. е. стремления меньшевиков подчинить рабочее движение кадетам. *Л. К.*) и т. д... К семерке депутатов с Чхеидзе[23]) во главе Троцкий обращается с специальными, длинными поучениями о том, как *похитрее* надо проводить отрицание подполья и партии. (Ленин, т. XII, ч. 2, стр. 410—413).

Наступили переломные месяцы 1914 года. Рабочее движение переходило от массовых политических и экономических стачек к вооруженным демонстрациям, которые были прерваны только военной мобилизацией. В июле рабочий класс Петербурга был уже на баррикадах. Надо было подводить итоги, надо было предупредить рабочий класс, какие политические течения и фигуры выйдут перед ним из подполья, из заграничной эмиграции для того, чтобы руководить его дальнейшим

движением. Ленин пишет итоговую статью и печатает ее в мае 1914 г. в большевистском журнале „Просвещение". Он подводит итог 10-летней борьбе большевизма с троцкизмом, борьбе, которую мы пересмотрели на различных ее стадиях:

„Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это типичная фигура. Во времена старой „Искры" [24]) (1901—1903) для этих колеблющихся и перебегающих от „экономистов" к „искровцам" и обратно была кличка: „тушинский перелет" (так звали в смутное время на Руси воинов, перебегавших из одного лагеря к другому).

Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выраставшее, связанное корнями с „меньшевизмом" и „экономизмом" в 20-летней истории марксизма, связанной с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.

„Тушинские перелеты" об'являют себя выше фракций на том единственном основании, что они „заимствуют" идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым „искровцем" в 1901—1903 г.г., и Рязанов назвал его роль на с'езде 1903 года ролью „ленинской дубинки". В конце 1903 г. т. Троцкий—ярый меньшевик, т. е. от „искровцев" перебежавший к „экономистам": он провозглашает, что „между старой и новой „Искрой" лежит пропасть". В 1904—1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым („экономистом"), то провозглашая несуразно-левую „перманетную революцию". В 1906—1907 году он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

В эпоху распада, после долгих „нефракционных" колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 г. входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по *сути дела*, их же идейки.

Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало...

Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело, когда с невероятными претензиями выступают люди, не желающие абсолютно считаться ни с пар-

тийными решениями... ни с опытом современного рабочего движения в России...“ (Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 462).

Вот что, как итог большевистской десятилетней борьбы не только с меньшевизмом, но и с троцкизмом, считал необходимым сказать Ленин молодому поколению рабочих накануне нового под'ема революционного движения рабочего класса.

Не подумайте, что здесь подобраны специально те места из работ Ленина, где Ленин порезче высказывался о т. Троцком, - это было бы недостойно. Нет, я взял все то, что есть у Ленина о т. Троцком, все не в том смысле, что взял все цитаты,—количество цитат можно было бы увеличить в десяток раз,—но в том смысле, что эти слова характеризуют полностью то, что т. Ленин считал необходимым сказать о т. Троцком русским рабочим до 1914 г. Каждый понимает, что если эти характеристики делаются из года в год, не по поводу той или другой ошибки, а по поводу общей линии т. Троцкого, то они делаются не из каких-либо посторонних соображений, а только потому, что т. Ленин видел в этой фигуре воплощение такой струи, такой политической тенденции, которая была вредна для дела большевизма. Поэтому и только поэтому Ленин считал необходимым предостерегать партию против троцкизма.

В дни войны.

Наступила война, которую Ильич правильно назвал всемирно-историческим событием в жизни человечества и величайшим испытанием для международного социализма, которое выявило непроходимую пропасть между оппортунистами и революционными коммунистами. Наступил момент, когда каждый должен был выбрать свою позицию. Наступил момент, когда раз навсегда должны были быть покончены всякие колебания, и когда то, что Ленин назвал мелкой дипломатией, перебеганием из одного лагеря в другой, должно было кончиться.

Так ли это было? Заставила ли война т. Троцкого раз навсегда порвать с оппортунизмом, порвать с поддержкой правых, отказаться от той роли защитника и прикрывателя меньшевиков, которую десять лет разоблачал т. Ленин?

С того времени, когда т. Троцкий вступил в нашу партию и стал верой и правдой служить ей и этим вписал славные страницы и в свою биографию, и в историю партии, мы не считали

возможным останавливаться на этих вопросах. И это было правильно. Но когда он вступает на путь фальсификации истории и идей большевизма, когда он пытается экспроприировать идейный багаж партии, когда он тщится подменить ленинизм троцкизмом в качестве идеологии русского и международного пролетариата, тогда он сам заставляет нас поставить эти вопросы.

Что же, развела ли война т. Троцкого с оппортунистами? Была ли прекращена перед грандиозностью событий политика мелкой дипломатии? Увы! Нет. Так же, как и в 1905 г., он сумел сочетать архиреволюционную, „несуразно-левую" фразу с сотрудничеством с меньшевиками, так и в эпоху войны т. Троцкий сумел сочетать свой интернационализм с поддержкой оппортунизма.

Уже летом *1915 года* т. Ленин пишет: „Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству Это—аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов... К числу вторых принадлежит—Троцкий"... Приведя возражения т. Троцкого против взглядов большевиков, т. Ленин продолжает: „Вот образец надутых фраз, какими Троцкий всегда оправдывает оппортунизм... Если бы Троцкий подумал, то увидел бы, что он стоит на точке зрения войны правительств и буржуазии, т. е. раболепствует перед „политической методологией социал-патриотизма", говоря вычурным языком Троцкого". „Троцкий,—говорит тогда же Ленин,—который, как и всегда, ни в чем принципиально не согласен с социал-шовинистами, но *во всем практическом* согласен с ними". Тогда же: „Троцкий, также отвергая эту идею, равным образом отстаивает единство с оппортунистической и шовинистической группой „Нашей Зари" [25]), т. е. меньшевиков... Все это—проявление того зла, которое голландские марксисты назвали „пассивным радикализмом" и которое сводится к замене революционного марксизма эклектицизмом [26]) в теории и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике". Тогда же: „(Такие-то) и Троцкий, по моему, вреднейшие „каутскианцы" [27]) в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах прикрашивают оппортунизм, все проводят (по разному) эклектицизм вместо революционного марксизма". Тогда же: „Мартов

и Троцкий желают совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства с „Нашей Зарей", О. К. (Центр. Комитет меньшевиков) или фракцией Чхеидзе".

Конец 1915 года: „Троцкизм на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под отрицанием роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию".

Тогда же: „Чхеидзе и К⁰ явно виляют: они верные друзья „Нашего Дела" (орган оборонцев [28]), ими доволен Алексинский, и они же „играют" в левизну при помощи Троцкого... Думаю, сознательных правдистов (большевиков) не проведут".

Тогда же: „Троцкий и К⁰ заграничных лакеев оппортунизма напрягают все усилия, чтобы „замазать" разногласия и спасти оппортунизм „Нашей Зари" при посредстве обеления и превознесения фракции Чхеидзе".

Начало 1916 года: „Бессильные дипломаты или „болото", в роде Каутского в Германии, Лонгэ [29]) во Франции, Мартова и Троцкого в России, приносят величайший вред рабочему движению, отстаивая *фикцию* единства и этим мешая назревшему, насущному об'единению оппозиции всех стран, созданию III Интернационала".

Март 1916 г.: „А Троцкий? Он горой за самоопределение, но у него это пустая фраза, ибо он не требует отделения наций, угнетенных „отечеством" данного национального социалиста; он молчит о лицемерии Каутского и каутскианцев".

Октябрь 1916 г.—12 месяцев до нашего Октября: Каковы бы ни были суб'ективные „благие" намерения Троцкого и Мартова (они—для Ленина—все еще едины суть!), об'ективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-империализм".

Декабрь 1916 г.: „Гобсон [30]) превосходно подошел еще в 1902 г. к вопросу о значении „Соединенных Штатов Европы" (к сведению каутскианца Троцкого!) и всего того, что затушевывают лицемерные каутскианцы разных стран, именно: что оппортунисты (социал-шовинисты) работают вместе с империалистической буржуазией как раз в направлении создания империалистической Европы на плечах Азии и Африки... На эту экономическую, наиболее глубокую связь именно империалистической буржуазии с победившим ныне (на долго ли?) рабочее движение оппортунизмом мы указывали неоднократно,

не только в статьях, но и в резолюциях нашей партии. Отсюда выводили мы, между прочим, неизбежность раскола с социал-шовинизмом. Наши каутскианцы предпочитали обходить вопрос".

17 февраля 1917 г. (февраль 1917 года!): „Троцкий—левые фразы и блок с правыми против цели левых!!". Еще через месяц и через две недели после февральской революции, 17 марта 1917 года: „По-моему, главное теперь—не дать себя запутать в глупые „об'единительные" попытки с социал-патриотами или, еще опаснее, колеблющимися вроде организационного комитета (меньшевиков), Троцкого и К⁰ и продолжать работу *своей* партии в последовательно-интернациональном духе".

К этому следует, пожалуй, добавить только одно: за весь этот период т. Троцкий был решительным противником „Циммервальдской левой"[31]), во главе которой стоял т. Ленин, и которая являлась именно тем зерном, из которого развился III Интернационал. III Интернационал родился не только в борьбе с Шейдеманами и Вандервельдами, он родился и окреп в борьбе с циммервальдским „центром", с Каутским и с Троцким. Практическая политика этого „центра" сводилась к тому, чтобы не рвать окончательно со II Интернационалом, не основывать III Интернационала, чего добивался Ленин во главе „циммервальдской левой".

Вот политическая линия т. Троцкого, охарактеризованная словами т. Ленина, на протяжении почти двух десятков лет. Тов. Ленин не изменяет своей характеристики и своего отношения к линии т. Троцкого ни в момент величайшего под'ема революции, ни в момент ее глубочайшего падения. „Тушинский перелет", „левые фразы и блок с правыми против целей левых", реальная служба экономизму, меньшевизму, ликвидаторству, каутскианству в их борьбе против большевизма под прикрытием особенно звонкой левой фразы, вот общий итог характеристики—не личности тов. Троцкого, а „троцкизма", как течения.

Ни один ленинец, всерьез приемлющий это имя, не допустит и мысли о том, что систематическое—на протяжении десятков лет—разоблачение т. Лениным позиции т. Троцкого могло быть вызвано какими-либо индивидуальными причинами. Систематическая, страстная борьба т. Ленина против троцкизма

подсказывалась тем, что т. Ленин видел в троцкизме определенное течение, враждебное идеологии и организации большевистской партии, течение, на практике служившее меньшевизму. Эта борьба против троцкизма не была случайным элементом на том или другом повороте истории, при том или другом событии, она была неизбежной составной частью выковывания подлинной пролетарской партии и подлинной пролетарской идеологии. С меньшевизмом бороться сравнительно легко,—как бы говорил т. Ленин,—потому что его антипролетарский облик, откровенный, до конца идущий, не прячущий своей либеральной сущности, становится через маленький опыт понятным каждому рабочему, и рабочий его отвергает. Нужно бороться с наиболее прикрытыми формами меньшевизма, с теми формами, которые прикрывают оппортунистическую политику левой, революционной фразой, с той формой меньшевизма, которая приспособляет меньшевизм к революционному настроению масс. Врагом является не только тот, кто с открытым забралом борется против большевизма, но также и те группки, которые прикрывают борьбу этих откровенных врагов революционными фразами и, пользуясь доверием к этим фразам, облегчают дело врагов партии.

Ленин лишь формулировал то отношение к троцкизму, которое характеризовало всю большевистскую партию в целом, хотя в особенно трудные моменты жизни партии—т. Троцкому иногда удавалось пленить своей фразой и своей „мелкой дипломатией", правда, всегда на очень короткий срок, отдельных большевиков.

Вот именно этот последний факт особенно рельефно подчеркивает те обстоятельства, которые из „троцкизма", как из исторического явления, делали препятствие в строительстве большевистской партии, как идейного руководителя и организатора пролетарского движения. Троцкизм был навсегда наиболее благовидной, наиболее прикрытой, наиболее приспособленной к обману именно революционно-настроенной части рабочих *формой меньшевизма.* Там и тогда, где и когда меньшевизм в его оголенной форме, в его либердановской [32]) форме, оказывался уже явно неприемлемым, там и тогда мог еще пользоваться некоторым политическим кредитом троцкизм, Так было в 1905 г., так было в 1912—14 г.г., так было и в эпоху войны. Во все эти моменты гибкая фраза т. Троц-

кого прикрывала и спасала банкротившийся меньшевизм. В мелкобуржуазной стране, где еще недавно чуть ли не каждый интеллигент почитал себя „марксистом", где рабочий класс испытывает на себе громаднейшее влияние мелко-буржуазной стихии, программа и тактика коммунистической партии могла быть выработана только в систематической, ожесточенной, непримиримой борьбе со всеми формами буржуазного влияния на пролетариат. Наиболее опасными формами этого влияния являлись, естественно, именно те, которые наиболее „тонко", наиболее „дипломатично", наиболее беспринципно маскировали, прикрывали свою антикоммунистическую сущность, которым ничего не стоило в любой момент прикрыть свои „правые дела" особенно „левой фразой". Воплощением этого типа антибольшевистских влияний и был троцкизм. Когда ход классовой борьбы вышибал из сознания пролетариата всякое доверие к Дану, Дан оставлял за собой свою тень: этой тенью был Троцкий. Вот почему во все времена партийной истории троцкизм с его „левой фразой", прикрывавший „правые дела", с его беспринципной проповедью примирения большевизма и меньшевизма, с его критикой ленинской „грубости", „варварства", „прямолинейности", „догматизма" и „сектантства"— всегда очаровывал около-партийную и внутри-партийную интеллигенцию.

Вот почему т. Ленин на протяжении десятков лет считал троцкизм опаснейшим препятствием для построения большевистской партии, вот почему он не уставал разоблачать троцкизм и предостерегать от него партию. Вот почему борьба с троцкизмом, как борьба с меньшевизмом, входит в самое понятие большевизма. Без понимания опасностей троцкизма— нет большевизма.

2. Тов. Троцкий вступает в партию.

Описанные выше отношения между большевизмом и троцкизмом сам т. Троцкий предпочитает характеризовать словами: „Я шел к Ленину с боями". Сказано это не только кокетливо, но и красиво. Тов. Троцкий—мастер на красивые фразы. Партия, ЦК, Ленин всегда знал и это достоинство т. Троцкого и не раз—с пользой для партии—поручали ему устные и письменные выступления, в которых требовалась особая красота фразы. К сожалению, вопрос, загронутый т. Троцким

в вышеприведенных словах, слишком серьезен, чтобы удовлетвориться красивой фразой.

Во-первых, эта фраза неверна, во-вторых,—она рассчитана на то, чтобы, очаровав читателя красотой, скрыть истинную мысль Троцкого. Чтобы сказать правду в ее неприкрашенной форме, нужно выразиться так: эта красивая фраза лицемерна.

Действительно. Правда ли, что всю ту историю, которую мы с вами рассмотрели с 1903 года вплоть до февральских дней, можно охарактеризовать словами Троцкого: „Я шел к Ленину с боями"? Троцкий, видимо, очень доволен историей своих отношений с большевизмом; по крайней мере, в своей книжке „Новый курс", всего только несколько месяцев назад, он писал: „Я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути". Это очень утешительно для Троцкого. Но может ли партия, не изменяя себе, считать надежным и прочным тот путь Троцкого к нашей партии, который мы только что с вами, под руководством Ленина, просмотрели. Если этот путь есть действительно „путь к Ленину", то, следуя словам тов. Троцкого, каждый бывший меньшевик, каждый бывший с.-р., которых немало в нашей партии, может сказать: „Я, собственно, не был меньшевиком или эсэром, я просто шел к большевикам с боями".

Во всяком случае ясно одно: партия не может никому рекомендовать тот путь к большевизму, который прошел Троцкий; она, во-вторых, не может этот путь считать ни „надежным", ни „прочным".

Неужели же в партии, кроме тов. Троцкого, найдется хотя один человек, который полагает, что 15-летняя попытка дискредитировать идейные и организационные основы большевизма, что 15-летний, временами прикрытый, временами открытый блок со злейшими врагами партии есть „прочный и надежный" путь к Ленину? Товарищи, которые вступали в нашу партию из рядов других партий, обычно заявляли, что они ошибались, что, по своему понимая интересы рабочего класса и по своему служа им, они ныне убедились, что их путь неправильный, что они признают большевистскую идеологию и отказываются от прежних заблуждений. Партия не требовала подобного признания у Троцкого и, конечно, поступала правильно: Троцкий сдал экзамен и сдал его превосходно. Но это отнюдь не значит,

что партия может разрешить Троцкому его 15-летнюю борьбу против большевиков и Ленина именовать прочным и надежным путем к ленинизму, не может примириться с тем, что блестящими и эффектными фразами прикрываются искажения партийной истории.

Но эта фраза не только неверно описывает то, что было до вхождения Троцкого в партию. Она неверно описывает и тот идейный багаж, с которым Троцкий вошел в партию: она неискренна, ибо скрывает то, что подлинно думает Троцкий. Придти к Ленину, хотя бы с боями, не значит ли отказаться от своих заблуждений, от того, что считал ошибкой Ленин, и признать ленинскую правду во всех основных вопросах революции? Я утверждаю, что Троцкий понимает свой приход к Ленину наоборот, что он не думает, что большевизм оказался более прав, чем троцкизм. Троцкий вступил в партию с убеждением, что не он должен учиться большевизму у партии, а он должен учить партию троцкизму, подправлять ленинизм троцкизмом. В книге Троцкого „Война и Революция" значится *):

„Были три пункта, где „Наше Слово" (газета Троцкого. *Л. К.*)—и после того, как оно окончательно перешло в руки левого крыла редакции,—не сходилось с „Социал-Демократом" (органом ЦК большевиков, руководимым Лениным и Зиновьевым. *Л. К.*). Эти пункты касались пораженчества, борьбы за мир и характера грядущей русской революции. „Наше Слово" отвергало пораженчество (которое Ленин с самого начала войны считал основным признаком подлинного

*) Т. I, стр. 27. Эта книга есть сборник статей Троцкого за эпоху войны, по поводу которых я выше привел отзывы Ленина. Очень жаль, что редактор сочинений тов. Троцкого, собравший в примечаниях к „1917 году" все то, что говорили о выступлениях т. Троцкого Суханова, „Новая Жизнь" [33]) и др., не приложил к этому сборнику статей, на которых т. Троцкий хочет учить партию, отзывы т. Ленина. Может быть, это было бы лучше в целях воспитания той молодежи, к которой обращаются эти книги. Ведь, книга Троцкого о войне и революции не может быть воспринята в нашей партии, особенно молодыми членами партии, в частности, учащейся частью нашей партии, иначе, как изложение взглядов коммунизма. Поскольку же наша партия не говорит, что это не так, что это не ленинизм, что по этой книжке коммунизму учиться нельзя, поскольку Троцкий сам не побеспокоился приложить к ней отзывы тов. Ленина, постольку она может быть воспринята, как учебник. А мы все должны немножечко заботиться о тех, кто придет завтра к нам на смену.

революционного интернационализма. *Л. К.*). „Социал-Демократ" отвергал лозунг борьбы за мир... противопоставляя ему гражданскую войну (которую отвергал Троцкий. *Л. К.*). Наконец, „Наше Слово" стояло на той точке зрения, что задачей нашей партии должно быть завоевание власти во имя социалистического переворота. „Социал-Демократ" продолжал оставаться на позиции демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Несколькими строками выше этого немаловажного признания Троцкий сообщает, что „разногласия между „Социал-Демократом" и „Нашим Словом", казавшиеся вначале очень значительными, уменьшались..." В редакции „Нашего Слова" рядом с Троцким был Мартов, затем, под влиянием беспощадной критики со стороны Ленина и роста революционных коммунистических элементов, Мартов вышел из редакции. В редакции „Нашего Слова" остался Троцкий. И вот уже после этого, после того, как разногласия „уменьшились", когда газета основательно перешла в руки левого крыла редакции, т. е. в руки Троцкого, остались именно эти три разногласия: по вопросу о пораженчестве, по вопросу о гражданской войне и мире и по вопросу о характере русской революции.

Вот описание разногласий, разделявших большевиков и Троцкого накануне революции 17-го года, данное самим Троцким; разногласия, как видит всякий, не какие-либо второстепенные, не чисто теоретические или узко-организационные. Нет, сам Троцкий должен признать, что его разногласия с большевиками накануне революции обнимали основные, коренные, решающие вопросы. Если, по словам Троцкого, разногласия, уменьшившись, касались вопросов о пораженчестве, гражданской войне и характере русской революции, то интересно было бы узнать, в чем же, собственно, Троцкий сходился с Лениным.

Ленин был за поражение „своей" буржуазии в империалистской войне, Троцкий—против!

Ленин был за гражданскую войну, Троцкий—*против!*

Ленин был за демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, Троцкий—против! (усиленно путая—по выражению Ленина—в этом вопросе при помощи левой фразы о перманентной революции).

Здесь, в этом последнем пункте, Троцкий кажется левее Ленина. Каким образом это происходит? Будучи в вопросах

конкретных, которые стояли тогда на очереди дня, в вопросе за поражение или *против* поражения своей буржуазии в войне, *за* призыв к гражданской войне или *против* призыва к гражданской войне, фактически на точке зрения меньшевиков—или в лучшем случае центра,—он в вопросе о ходе грядущей революции кажется гораздо левее Ленина, не удовлетворяется диктатурой пролетариата и крестьянства, а требует обязательно перманентной революции. В чем тут дело? Да в том же самом, о чем все время в продолжении десяти лет твердил нам тов. Ленин, когда соприкасался с вопросами троцкизма: правая политика сегодняшнего дня, прикрытая несуразно левой фразой. Итак, вот позиция Троцкого накануне революции, охарактеризованная его собственными словами. К этим трем разногласиям, впрочем, следует прибавить упущенное Троцким разногласие по вопросу о II и III Интернационалах. Ленин во главе циммервальдской левой был за немедленный разрыв со II Интернационалом и с Каутским и за создание таким путем III Интернационала. Троцкий в рядах каутскианского центра был против этого.

Но всего только через несколько месяцев после того, как четко и ясно были констатированы эти разногласия, Троцкий примкнул к большевистской партии. Что же при этом стало с разногласиями Троцкого с Лениным? В данной статье Троцкий ограничивается кокетливо-жеманным умолчанием. „Мартовская революция,—пишет он,—ликвидировала эти разногласия". Все?—Все! Но как?—Троцкий кокетливо молчит! Но все-таки как же были ликвидированы эти немаловажные разногласия? Партия имеет право поставить этот вопрос, раз сам т. Троцкий заставил ее заняться своей историей. Следует ли понимать его заявление о том, что революция ликвидировала разногласия между Троцким и большевизмом в том смысле, что Троцкий, убедившись, что его позиция во всех этих немаловажных пунктах неправильна, перешел на точку зрения большевиков? Так сделал один из виднейших теоретиков меньшевизма тов. Мартынов, сказавший: „Я 30 лет по своему служил рабочему классу, теперь вижу, что путь мой был неправилен. История подтвердила правильность взглядов Ленина на русскую революцию, я к ним присоединяюсь". Такого ответа тов. Троцкий партии не дал.

Троцкий о себе и о ленинизме.

Однако, ответ у него есть. В своей книге „1905“ (стр. 4—5) Троцкий пишет: „В промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г.[34]) сложились у автора (т. е. у Троцкого) те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории „парманентной революции“... *Хотя и с перерывом в 12 лет, эта оценка подтвердилась целиком* (написано в 1922 г.! *Л. К.*). Такова, на взгляд Троцкого, счастливая судьба его, Троцкого, теории.

Но этой теории противостояла в течение всех этих 12 лет другая теория, теория Ленина, нашедшая свое выражение в формуле: „Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“. „Эту мысль,—пишет в 1908 и повторяет без оговорок в 1922 году т. Троцкий,—Ленин неутомимо повторяет, начиная с 1904 г. Но от этого она не становится правильнее“.

Троцкий свидетельствует, что через 12 лет после ее зарождения, т. е. в революцию 1917 г., его теория „оправдалась целиком“. Как же быть с теорией Ленина? Она, значит, не оправдалась? Не могли две теории, которые десяток лет друг другу противостояли, по поводу одной из которых Ленин утверждал, что это не теория русской революции, а революционная фраза, прикрывающая мешанину из меньшевизма и большевизма, оправдаться одновременно. Если теория Троцкого и оправдалась, то, значит, с ленинской теорией, под знаменем которой он собирал партию, случилась какая-то беда. Так и есть,—беда действительно случилась. Мы узнаем это от Троцкого. В той же книге („1905“) Троцкий, характеризуя основную идею Ленина, как голую абстракцию, пишет, что большевики „приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть“. „Правда,—продолжает Троцкий,—разница между ними (меньшевиками и большевиками) в этом вопросе весьма значительная: в то время, как антиреволюционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, *антиреволюционные черты большевизма* (подчеркнуто ради важности этого сообщения мной. *Л. К.*) грозят огромной опасностью только в случае революционной победы“. Даже оказывается, что „большевики (как и меньшевики) пугаются последствий классовой борьбы“.

Итак, мы узнаем здесь сразу несколько чрезвычайно любопытных вещей. Во-первых, оказывается, что ленинская теория русской революции продиктована испугом перед последствиями классовой борьбы пролетариата. Это уже недурно и прекрасно подтверждает, как много понял Троцкий в большевизме. А во-вторых,—и это наиболее существенно,—мы узнаем, что у большевизма, как и у меньшевизма, есть антиреволюционные черты и что эти антиреволюционные черты большевизма особенно опасны в случае революционной победы. Ясно, что с теорией, которая имеет в себе антиреволюционные черты, особенно опасные тем, что они сказываются в случае революционной победы, нельзя вести пролетариат в бой, хотя бы с некоторой надеждой на победу.

Перепечатывая *и подтверждая* в 1922 г. эту характеристику большевизма, Троцкий снабдил фразу об опасностях антиреволюционных черт у большевизма примечанием: „Этого, как известно, не случилось, так как под руководством Ленина большевизм совершил... свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весною 1917 года, т. е. до завоевания власти". (Л. Троцкий, „1905", стр. 285).

Теперь мысль Троцкого ясна: взгляды Ленина и большевистской партии на характер революции, как они развивались им с 1904 г. до весны 1917 г., не только не верны, но и контр-революционны по отношению к социалистической революции.

Взгляды Троцкого на тот же вопрос „подтвердились целиком". В виду этого Ленин и большевизм весной 1917 г., до завоевания власти и *для завоевания власти*, должны были „перевооружиться", т. е. заменить контр-революционное оружие большевизма подлинно-революционным оружием, заготовленным уже за 12 лет до того Троцким. В этом смысле „революция ликвидировала разногласия".

После этого Троцкий вступил в партию большевиков.

„Я пришел к Ленину потому, что Ленин привел партию ко мне",—вот что лежит в основе всего построения Троцкого, вот на что он намекает, вот к чему он хочет подвести доверяющего ему читателя. Эффектная фраза „я пришел к Ленину с боями" лицемерна потому, что Троцкий убежден, что на деле, в области основных вопросов революции, *Ленин пришел к Троцкому* в 1917 г. после того,

как полтора десятка лет строил партию на идеях „антиреволюционных".

Во всей своей идейной борьбе с большевизмом и Лениным до 1917 г. прав оказался Троцкий,—вот содержание всех последних книг Троцкого („1905" и „1917"). Ленин прав лишь с весны 1917 г., и прав лишь постольку и потому, поскольку он отбросил оружие *своей* теории и вооружился теорией Троцкого.

Не правда-ли, теперь картина совершенно ясна? 12 лет назад Троцкий выставил теорию перманентной революции. Эта теория в 1917 году подтвердилась, по его свидетельству, целиком. Теория же Ленина, на которой основывалась и собиралась партия в течение десятков лет, обладала антиреволюционными чертами, и поэтому раньше, чем идти в бой, и *для того, чтобы победить*, надо было большевизму перевооружиться. Каким образом? Да ясное дело,—откинуть оружие большевизма с его антиреволюционными чертами и взять новое оружие, которое стояло бы на уровне тех задач, которые развернулись перед пролетариатом. Старое оружие, оружие большевистской идеологии, оказывается, октябрьские задачи разрешить не могло. Надо было перевооружиться и, конечно, за новым оружием надо было обратиться в тот арсенал, в котором это оружие заранее, за 12 лет, было подготовлено,—и без единой антиреволюционной червоточинки: надо было обратиться к оружию тов. Троцкого. Вот подлинная мысль тов. Троцкого, *вот история нашей партии по Троцкому*. Теория Ленина, которая с самого начала обладала антиреволюционными чертами, крахнула, как только пролетариат вступил в настоящий бой. Она должна была быть отброшена, должна была быть заменена. Большевизм оказался способным организовать пролетариат, вести его к Октябрю, одержать октябрьскую победу, только потому, что он *во-время* отбросил большевистское оружие и позаимствовал оружие у т. Троцкого.

Если это так, это надо сказать открыто. Если в большевизме есть антиреволюционные черты, если перед решительным боем надо это оружие менять, то какое же право имеем мы учить наш пролетариат и пролетариат всего мира большевизму без поправок? Почему нигде, ни в одном нашем учебнике мы не говорим пролетариату и нашей страны, и всего мира:

товарищи, мы учим вас большевизму, но помните, в большевизме есть антиреволюционные черты; когда настанут бои, тогда с оружием большевизма вам не сдобровать, вам надо тогда это оружие заменить другим, надо заменить его троцкизмом. Если это так, то мы не имеем права, хотя бы из уважения к Ленину, идейно вооружать пролетариат таким оружием, которое придется бросить перед боем. Отдельный писатель может жертвовать исторической истиной, действительной ролью Ленина, идейным багажом нашей партии, накопленным борьбой всего рабочего класса; он может всем этим пренебречь для того, чтобы сказать: когда дошло до боя, партии пришлось брать оружие у меня, а свое оружие отбросить; но партия не может быть бесчестной, она должна учить пролетариат или ленинизму, или троцкизму, или должна сказать: „надо подправить ленинизм троцкизмом". Но она не может учить ленинизму—всему, целиком, без поправок, как теории и практики мировой революции, и — одновременно — намекать, что теория и практика пролетарской революции в действительности входят своими корнями не в ленинизм, а в идеи, зародившиеся у Троцкого „между 9 января и октябрьской стачкой 1905 года" (какое внимание к датировке рождения собственных идей! Какое внимание к своим собственным биографам!).

Или мы учим большевизму, ленинизму полностью, целиком, без поправок, как подлинной теории пролетарской революции, или, если кто-либо считает, что это не подлинная теория пролетарской революции, нужно немножко подправить ее троцкизмом, он должен сказать открыто, ясно, какие поправки он в нее вносит. Если есть антиреволюционное в учении большевизма о революции,—нельзя сочинения Ленина до весны 1917 года делать предметом науки пролетарской войны и пролетарской стратегии против буржуазии. Надо, по крайней мере, сказать: это есть историческая древность, которую можно изучать, но по которой нельзя учиться, как нужно делать революцию. А учиться, как делать пролетарскую революцию, надо не по Ленину до 1917 года., а по Троцкому, начиная с 1905 года.

Или Октябрьская революция была сделана под знаменем ленинизма без поправок, или же она была сделана под знаменем троцкизма и его поправок к Ленину, ибо большевизм оказался негодным орудием для решения тех задач, которые встали

перед ним с февраля по октябрь. Тут надо выбирать. Тут идейный стержень спора, тут Троцкий заставляет партию сказать: чем мы были и чему мы будем учить не только наш, но и международный пролетариат, который хочет знать и имеет право знать, кто же прав—партия, которая говорит: ленинизм не нуждается в поправках со стороны троцкизма для того, чтобы быть теорией пролетарской войны с буржуазией, или тов. Троцкий, который говорит: ленинизм надо было пересмотреть, чтобы идти на приступ капиталистических твердынь с открытыми глазами. Своего читателя Троцкий искусно подводит к этой своей основной мысли: идеологически Октябрь оказался не ленинизмом, а троцкизмом, теория последнего оправдалась целиком. Октябрь шел, Октябрь об'ясним и Октябрь может быть охвачен только его теорией, а не теорией Ленина; теория перманентной революции должна быть реабилитирована и признана тем идейным оружием, которое дало нам октябрьскую победу.

Вот после этого я спрашиваю себя,—что же значит фраза: „я шел к Ленину с боями"? Она обозначает: я, Троцкий, пришел к Ленину потому, что в основных вопросах о характере русской революции Ленин привел партию к троцкизму. Действительно, если теория Троцкого „целиком оправдалась" в Октябрьскую революцию, а Ленин должен был пересматривать большевизм и откидывать присущие ему „антиреволюционные черты", то надо сказать, что в идейной области Ленин пришел к Троцкому, а не наоборот. Тут надо выбирать, тут происходит подмен тонкий и отменно лицемерный.

Можно заранее предсказать, что для того, чтобы дать облагодетельствованной им партии какое-либо удовлетворение, Троцкий охотно признает, что он в прошлом делал кое-какие организационные ошибки. Что стоит признание в организационных ошибках прошлого, если этой ценой можно легализовать подмену ленинизма троцкизмом, если это признание должно прикрыть признание, что именно Троцкий снабдил партию большевиков остроотточенным оружием подлинно-революционной теории, стоящей на уровне мировых задач русского пролетариата, если под прикрытием этого признания можно безнаказанно от имени партии доказывать, что антиреволюционные черты искони присущи большевизму — ленинизму? Париж стоит мессы! Роль идейного вдохновителя и теоретика

большевиков в Октябрьской революции стоит того, чтобы признать за собой в прошлом несколько даже крупных, даже очень крупных организационных промахов.

В своих „Уроках Октября" Троцкий и делает эту „уступку" партии. „Свои действительные и большие организационные ошибки я признал", — пишет он, — для того, чтобы затем, прикрывшись этой фразой, целиком всю статью посвятить доказательству того, что зато в области *основных* не организационных, а принципиально-политических вопросов революции он оказался целиком прав против большевизма и против Ленина.

Но разве об организационных вопросах шел 15 лет спор между Лениным и большевиками, с одной стороны, и троцкизмом, с другой стороны? Это—пустяки, отвод глаз. Спор был именно об основных вопросах революции, о соотношении классов в революции, ибо вопрос — „перманентная революция" или теория тов. Ленина?—это вопрос о роли крестьянства в революции, вопрос о путях к социализму в аграрной стране, вопрос о способах и условиях осуществления диктатуры пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением. Это не спор об абстрактных формулах. Это спор о том, как, какими путями может пролетариат взять и *удержать* власть в крестьянской стране. Это спор не только о вчерашнем, но и о сегодняшнем и о завтрашнем дне. Теория и практика Ленина есть ответ на этот вопрос. „Теория перманентной революции", теория Троцкого, целиком построенная на недооценке роли крестьянства, отвечает лишь на один вопрос: как нельзя взять и нельзя удержать власть в этих условиях. Вот основа спора и вот почему решительный протест должна вызвать попытка Троцкого подменить ленинизм троцкизмом.

Поскольку из-под кучи искажений, самовосхвалений и посторонних делу изучения Октября соображений, наполняющих „Уроки Октября", можно извлечь некий принципиальный стержень, некоторую принципиальную мысль Троцкого,—она вся целиком выражена в следующих его словах: „Ленин дал еще накануне 1905 года своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап",

и дальше следует литературное описание, смысл которого: „лишь как этап" к формуле Троцкого. Вот полностью и целиком сказанное признание. Сама по себе формула Ленина, *„как показало все дальнейшее развитие"*, могла иметь значение лишь как этап к Троцкому! И тов. Троцкий прекрасно знает, это он хотел сказать и сказал именно это! Вот, если партия с этим согласится, тогда она должна сказать это прямо, тогда она должна перенести это на международную арену и сказать это Коминтерну. Учитесь-де у Ленина за первые 15 лет его деятельности, но помните, что это есть лишь этап к Троцкому, *„как показало все дальнейшее развитие"*.

Это—идейная суть всей последней книги Троцкого. Этот подмен ленинизма троцкизмом проведен Троцким со всем умением, со всем тем литературным искусством, которым он обладает. А искусство у него большое. Эта книга написана не для широких масс, не для всей партии, она написана для молодого, подрастающего поколения, для тех, кто будет в дальнейшем, завтра, через год — два, определять судьбы партии. Взять реванш за те 12 лет, когда Ленин доказывал всю мизерность политики Троцкого, показать, что революция подтвердила его (Троцкого) теорию и этим подменом большевизма троцкизмом отравить головы будущих руководителей партии, сидящих в коммунистических университетах, совпартшколах, рабфаках, вузах и т. д., вот цель последнего выступления Троцкого, цель его книги „1917". Мы этого позволить не можем. Мы должны поставить вопрос ясно: или мы учим Ленину и ленинизму, или нам нужно свернуть знамя и выставить в качестве идеолога большевистской партии в самый критический момент революции Троцкого. Тут надо выбирать. Тут кокетничаньем, умалчиванием, фразами, что „мартовская революция ликвидировала разногласия" и „я пришел к Ленину с боями", ничего не поделаешь.

В этой книге („1917") ругают Зиновьева, Каменева, Рыкова и других. Я буду об этом говорить и буду говорить о своих ошибках, но не думайте, что здесь ругают только их. *Здесь Каменевым, Зиновьевым бьют Ленина.* Ведь, вопрос о судьбах большевизма можно поставить так: у Ленина была правильная теория, но ученики Ленина не сумели ее применить, во-время не разобрались, не поняли обстоятельств времени и места; формула правильная, лозунг правильный, а такие-то

большевики плохо их осуществляли. Можно так поставить, а можно поставить и так: если из ленинской формулы сделать логически все выводы, тогда неизбежно попадешь в болото и трясину. Формула неправильная, а люди-то логически-правильно применяли неправильную формулу. В первом случае это—оправдание большевистской теории и указания на ошибки отдельных большевиков. Во втором случае, когда говорится: ближайшие ученики Ленина взяли его формулу и, применяя ее буквально, попали в трясину,—после всего, что мы уже знаем от Троцкого относительно антиреволюционных черт ленинизма, после того, как мы знаем, что „подтвердилась целиком" теория Троцкого, а не Ленина,—во втором случае мы видим, что бьют не столько Каменева и Зиновьева, сколько Каменевым и Зиновьевым бьют основную формулу Ленина. Вот на чем построены эти „Уроки Октября". Они представляют лишь продолжение, обоснование, развитие цитированных выше заявлений Троцкого *1908 г.*, и лишь в чуть-чуть замаскированном виде продолжают тогдашнюю полемику Троцкого с Лениным. „Уроки Октября" имеют более глубокую цель, чем это на поверхности кажется. На поверхности кажется, что это разоблачение Зиновьева и Каменева. Там это есть, но там есть больше,—там есть то, что ошибками Каменева и Зиновьева дискредитируют основные ленинские формулы и рекламируют троцкизм.

Партия не может и не должна пройти мимо этого подмена ленинизма троцкизмом, совершаемого под флагом Ленина. Что-нибудь одно из двух: или в ленинизме есть „антиреволюционные черты" и большевизм должен был отказаться от своего прошлого, чтобы сделать Октябрь,—и тогда это должно быть сказано, это должно быть внесено в те учебники ленинизма, по которым партия воспитывает миллионы своих членов, об этом должно быть ясно и точно рассказано коммунистам Европы,—или это ложь, идейная путаница. Тогда почему она имеет право жить, распространяться под флагом ленинизма, под прикрытием восхвалений Ленина, восхвалений, которые приобретают в этих условиях очень „странный", чтобы не сказать лицемерный—характер? Партия должна защищать основные формулы Ленина против подмены их троцкизмом. Каковы же эти основные формулы и как Ленин их проводил?

Ленин в апреле 1917 г.

Мы видели, каким образом тов. Троцкий изображает ту теорию, которой мы были вооружены, вступая в период Октябрьской революции. Мы видели, что его изображение заключается в том, что старая большевистская теория, основные черты которой Ленин создал на основе опыта массового движения пролетариата и крестьянства в 1905 г., на основе практики первых Советов Рабочих Депутатов 1905 г., что эта теория потерпела крах весной 1917 года, что большевизм должен был перевооружаться, чтобы оказаться способным решать новые задачи, что, по существу дела, он должен был откинуть старую большевистскую теорию и обратиться к Троцкому. Так представляет дело тов. Троцкий, с этой мыслью он входил в партию и с ней оставался в ней.

Правда ли, что большевизму, чтобы решить проблемы революции, нужно было отказаться от своего прошлого? Правда ли, что теорию революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьянства нужно было отбросить, как явно обойденную жизнью? Как же было дело в действительности и как понимал его Ленин? Дело было так,—и так, и только так, понимал его Ленин,—что большевистская идея революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства *осуществилось целиком* в русской революции и, *осуществившись*, начала перерастать, переростала и переросла в большевистскую идею диктатуры пролетариата. Этот рост вполне соответствовал и шел *параллельно* изменению соотношения классов в ходе русской революции. Тот, кто этого не понимает, не понял ничего ни в ленинизме, ни в истории партии, ни в истории революции.

Для того, чтобы ответить на поставленные выше вопросы, нужно обратиться к моменту, когда, по мнению Троцкого, Ленин совершал перевооружение, т. е. к весне 17-го года и к той программе и тактике революции, которые тогда Ленин выдвинул. Я беру самое кардинальное произведение Ленина тех дней—„Письма о тактике“, в которых он комментирует, об'ясняет, разжевывает партии свои знаменитые тезисы 4 апреля. Что же говорит Ленин о революционно-демократической

диктатуре пролетариата и крестьянства? Действительно ли он должен был признать, что эта теория оказалась неправильной?

Ленин пишет: „Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась в русской революции"... Совет Р. и С. Деп.—вот вам уже осуществленная жизнью „революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства". (Собр. соч. Ленина, том XIV, ч. I, стр. 29). „Советы Депутатов есть осуществление диктатуры пролетариата и солдат; среди последних большинство крестьян. Это и есть диктатура пролетариата и крестьянства". „Мы еще в меньшинстве, мы сознаем необходимость завоевать большинство" (в этих органах диктатуры).

Значит, не в том дело, по мнению Ленина, что эта формула оказалась негодной для революции и несоответствующей ходу классовой борьбы. Нет, первыми его словами было то, что наша теория осуществлена в ходе революции, в живых учреждениях, созданных движением подлинных масс пролетариата и крестьянства. Из того факта, что большевистская теория насчет революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства осуществилась, Ленин делает единственный—и, конечно, правильный—вывод: раз наша теория осуществлена, нужно идти дальше. Каким же путем? Тем, чтобы на почве осуществленной уже диктатуры пролетариата и крестьянства об'единять и сплачивать пролетарские элементы города и деревни против элементов мелко-буржуазных. Не останавливайтесь на осуществленной уже в революции большевистской формуле, идите дальше, говорил Ленин тем большевикам, которые запнулись об осуществленную уже стадию революции. Он не говорит, что большевистская формула диктатуры пролетариата и крестьянства оказалась негодной и несоответствующей классовым интересам пролетариата. Он говорит: вы не замечаете, что она осуществилась, осуществилась „своеобразно, как и всякая теория",—добавляет Ленин,—„но осуществилась; а раз она осуществилась, двигайтесь дальше". А что значит двигаться дальше от формулы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Это значит на почве этой диктатуры собирать и организовывать пролетарские элементы, чтобы от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства двигаться дальше к диктатуре

пролетариата, к чисто-социалистическому перевороту. Вот каково представление Ленина о том, соответствует или нет ход русской революции старой большевистской формуле. Но Ленин, подлинный реальный политик, подлинный вождь масс, понимал, что переход от диктатуры пролетариата и крестьянства к социалистическому перевороту вещь очень сложная, к которой надо идти, но идти, все время оглядываясь на крестьянство, осуществляя диктатуру пролетариата так, чтобы на всех стадиях этого перехода она поддерживалась крестьянством. Поэтому Ленин все время применяет свою тактику к тому, как разворачивается массовое крестьянское движение, специально изучая то „своеобразие" осуществляемой диктатуры пролетариата и крестьянства, что последнее на данной стадии революции сохранило в виде „оборончества" доверие к буржуазному правительству. Излагая взгляды споривших с ним большевиков, мои в том числе, и жестоко нападая на нас, Ленин пишет:

„Марксист должен не сходить с точной почвы анализа классовых отношений. У власти буржуазия. А масса крестьян разве не составляет тоже буржуазии иного слоя, иного рода, иного характера? Откуда следует, что этот слой не может придти к власти, „завершая" буржуазно-демократическую революцию? Почему это невозможно? Так рассуждают часто старые большевики. Отвечаю—это вполне возможно... Возможно, что крестьянство возьмет всю землю и всю власть..." Когда крестьянство перестанет через эсэровско-меньшевистские советы поддерживать правительство, „когда,—продолжает Ленин,—крестьянство отделится от буржуазии, возьмет землю против нее, возьмет власть против нее,—тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции, и о нем будет идти речь особо".

Это много сложнее, чем теория Троцкого, которая прямолинейна, как полет вороны. У Троцкого с его лозунгом: „Без царя, а правительство рабочее" все очень просто, потому что он игнорирует крестьянство и не понимает условий осуществления диктатуры пролетариата не в Англии, не в Америке, не в Германии, а в аграрной капиталистически отсталой стране.

В чем величие Ленина? Не в том только, что он поднял знамя диктатуры пролетариата, а в том, что он не только хотел говорить о рабочем правительстве, а хотел строить его.

Величие Ленина в том, что он начал и провел осуществление диктатуры пролетариата в данных условиях данной аграрной страны, постоянно учитывая те реальные элементы, на которых эту диктатуру можно не только провозгласить, но и построить. Именно поэтому он еще в апреле 17 года вводил в свои рассчеты и такую возможность, как „новый этап буржуазно-демократической революции" в результате разрыва крестьянства с временным правительством и эсэрами.

„Неизвестно, — писал он, — может ли теперь быть еще в России особая „рев.-дем. диктатура пролетариата и крестьянства", оторванная от буржуазного правительства. И действительно, в апреле было неизвестно, будет ли в ходе русской революции такой момент, когда крестьянство, оставив эсэровские и меньшевистские советы, выступит, не доходя до диктатуры пролетариата,—но уже против временного правительства. Ильич, как реальный политик и вождь масс, знавший, что мы осуществляем политику пролетариата в своеобразных условиях аграрной страны, строил тактику на оба случая: „и на случай, что Россия переживет еще особую, самостоятельную, не подчиненную буржуазии, „диктатуру пролетариата и крестьянства", и на случай, что мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии и будет вечно (т. е. до социализма) колебаться между ней и нами". (Собр. сочинен., т. XIV).

Вы видите, как подходит Ленин к классовым отношениям в революции, к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, как он представлял себе переход от буржуазной революции, завершающейся диктатурой пролетариата, к социалистической революции. Для Ленина перерастание рев.-дем. диктатуры в диктатуру пролетариата совсем не представлялось таким простым и прямолинейным, как это представлялось и представляется до сих пор автору перманентной революции. Ленин не был бы Лениным, т. е. не был бы практическим руководителем миллионных масс в ходе классовой борьбы, если бы он действительно перевооружился по Троцкому, ибо теория Троцкого вела неизбежно к крушению и пролетариат, и крестьянство. В своем чистом виде линия Троцкого — это игнорирование крестьянства, игнорирование переходов, в ходе которых крестьянство сначала доверяет правящей буржуазии, потом разочаровывается и выступает против нее, но еще в целом не присоединяется

Всесоюзное ... БИБЛИОТЕКА ... ВКП(б) ... ссе поселов...

к пролетариату, и наконец—последний этап—когда пролетариат на почве крестьянского восстания, ведя крестьянство за собой, осуществляет диктатуру, пробуя и меняя разные формы союза рабочих и крестьян.

Вся эта реальная политика рабочего класса, которая единственно могла привести к диктатуре пролетариата, для Троцкого — грамота за семью печатями, совершенно недоступная с точки зрения его теории, которую он теперь—задним числом—пытается навязать и партии, и революции.

Ленин очень хорошо знал, что отстать от хода революции—значит принести великий вред и революции, и партии. Но он очень хорошо знал также, что „недооценка крестьянства", лежащая в основе троцкизма, есть величайшая опасность для революции и для партии. Поэтому-то именно, категорически настаивая на том, что надо двигаться от рев.-демократической диктатуры *вперед*, он в то же время старательно предупреждал партию от того, чтобы она не попала при этом на рельсы троцкизма.

Нужно идти вперед — говорил Ленин весной 1917 г., когда он будто бы „перевооружал большевизм", но, идя вперед, начиная переход от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к диктатуре пролетариата, к социалистическому перевороту, не попадите на рельсы Троцкого, ибо троцкизм насквозь нежизненен, порожден недооценкой крестьянства, непониманием, как осуществляется диктатура пролетариата в крестьянской стране.

В этой же брошюре, где Ленин полемизирует со старыми большевиками, он пишет: „Но не грозит ли нам опасность впасть в субʻективизм, в желание „перепрыгнуть" через незавершенную, неизжившую еще крестьянского движения революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической? Если бы я сказал „без царя, а правительство рабочее", эта опасность мне бы грозила, но я сказал не это,—пишет и подчеркивает Ленин,—я сказал иное...

Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелко-буржуазное движение, от всякой „игры в захват власти" рабочим правительством"... И, продолжая, якобы, „перевооружаться", на петербургской конференции в те же дни Ленин

не забывает предостеречь: „Троцкизм—без царя, а правительство рабочее. Это неверно. Мелкая буржуазия (т. е. крестьянство. *Л. К.*) есть, ее выкинуть нельзя".

Разве это не есть буквальное повторение в разгар революции (в разгар „перевооружения" по Троцкому) того, от чего Ленин предупреждал партию задолго вперед? „Основная ошибка т. Троцкого... отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой (буржуазной) революции к революции социалистической", писал Ленин в 1910 г.

„Выяснить соотношение классов в предстоящей революции—главная задача революционной партии. Эту задачу неправильно решает Троцкий, повторяющий свою „оригинальную" теорию 1905 года и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории".

Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков—„отрицание" роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось, дифференцировалось; его возможная революционная роль все убывала... Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это будет завершением „национальной буржуазной революции" в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства (писано в октябре 1916 года, в канун революции). И после этого у Троцкого хватает смелости сказать, что его теория „целиком оправдалась" в 1917 г., и в то же время называть себя ленинцем... Нет, тут надо выбирать.

Вот чего опасался Ленин: не отстать от хода развития революционного движения; и он жестоко полемизировал с теми (со мной в том числе), которые не видели, что революция уже перешла из одной фазы в другую. Но, идя вперед, он больше всего опасался, как бы не попасть на рельсы абстрактной теории Троцкого, которого он здесь в десятый раз упрекает в перепрыгивании через неизжившее себя крестьянское движение.

Таким образом, Ленину не было никакой необходимости перевооружаться. Старая ленинская теория, старое ленинское

большевистское представление о характере русской революции и о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства целиком, по словам Ленина, оправдались. На почве этого оправдания надо было идти дальше. Но, идя дальше, надо было ни в коем случае не попасть на ложные рельсы Троцкого, который вел к гибели и диктатуру, и пролетариат, потому что не умел, как не умеет никогда Троцкий, строить диктатуру пролетариата, учитывая реальное соотношение сил между крестьянством и пролетариатом.

Ленин все в той же брошюре, все той же весной 1917 г., когда он, якобы, „перевооружался", напоминает, что еще за 12 лет, в июле 1905 года, выдвигая лозунг „революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства", он писал следующее (Ленин цитирует свою статью): „У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее... Ее будущее— борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм".

Зачем же Ленину и большевизму перевооружаться и учиться у Троцкого, у „перманентной революции", если за 12 лет до 17 года Ленин предсказал, что, когда революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства будет осуществлена, надо будет идти вперед к диктатуре пролетариата, но идти вперед, считаясь с крестьянством, создавая такие условия, при которых крестьянство шло бы за пролетариатом, а не перепрыгивая через крестьянство, как это предлагает Троцкий. Заимствовать оружие из арсенала Троцкого большевизму не было нужды.

Вот как было дело, как в действительности большевизм подходил к решению тех задач, которые были поставлены в 1917 году. Это было не „перевооружение", не отсекание „антиреволюционных черт", не залатывание расползавшегося большевизма троцкизмом, а предсказанное большевиками, лежавшее в основе большевизма *разворачивание* большевистского лозунга, разворачивание, сообразованное во времени и темпе с ходом революции и, в первую очередь, с ходом и со своеобразием этого хода под влиянием войны—крестьянского движения.

При этом некоторые большевики не так быстро, как того требовал ход революции, бешено ускоренный гигантским давлением войны, перешли со ступеньки на ступеньку. Тому, кто

смотрит на историю большевизма, как на чужое ему дело, можно по поводу этого плясать и радоваться. Но из этого факта, что некоторые большевики не так быстро шагали по начертанному большевизмом маршруту революции, никак не следует, что маршрут большевизма был неправилен, что он вел не к победе, а в трясину, что его надо было в ходе революции изменить. А, ведь, это именно пытается доказать Троцкий своими фразами об антиреволюционных чертах большевизма, о его перевооружении, о том, что правильной оказалась не ленинская „рев.-дем. диктатура", а троцкистская „перманентная революция".

Ленин строил тактику, как я сказал, и на случай самостоятельного крестьянского движения, которое вырвется из-под ига меньшевиков и эсэров, которые тащили его к буржуазии, и на случай, если крестьянство окажется не в состоянии вырваться из-под власти буржуазии. И кто не понимает того, что вся тактика большевиков и специально Ленина, от февраля до октября, все время считалась с этими двумя возможностями, что Ленин все время маневрировал так, чтобы крестьянство увлечь за пролетариатом и обосновать власть рабочего класса на союзе с крестьянством, тот ничего не поймет в истории большевизма за эти месяцы.

И Троцкий тут ничегошеньки не понял, потому что не понял основного зерна ленинской теории о соотношении рабочего класса и крестьянства в русской революции. Он не понял этого и после Октября, не понимал при каждом повороте, который делала наша партия, маневрируя так, чтобы осуществлять диктатуру пролетариата, не отрываясь от крестьянства. Ему мешала понять это та теория, которая, по его мнению, „целиком оправдалась". Если бы теория Троцкого оказалась правильной, то это обозначало бы, что никакой Советской власти в России уже давно не существовало. Игнорируя крестьянство, не давая никакого подхода к решению вопроса о союзе пролетариата и крестьянства, эта теория „перманентной революции" ставит рабочее правительство в России в исключительную и полную зависимость от немедленной пролетарской революции на Западе. Согласно этой теории, „став у власти, пролетариат окажется перед глубочайшими противоречиями": передего властью будут стоять об'ективные социалистические задачи,—„разрешение их столкнется с хозяйственной

отсталостью страны; в рамках национальной революции выхода из этого противоречия нет" *). При таких условиях задержка или затяжка мировой пролетарской революции обозначала бы немедленное крушение правительства рабочей диктатуры в России. Вот почему для „перманентщиков" неизбежны судорожные переходы от припадков отчаяния и глубокого пессимизма к попытке властною рукою — в порядке военного приказа—расправиться с экономической отсталостью страны.

Действительная большевистская политика, которую Ленин с февраля по Октябрь проводил, не имеет ничего общего ни с этой политикой, ни с этой психологией. Тот, кто не понимает этого, лишает себя возможности понимать смену лозунгов в истории большевистского движения от февраля до Октября,—„власть советов",—когда в советах было большинство меньшевиков и эсэров, а мы в меньшинстве: снятие лозунга „власть советов", как предлагал Ленин после июльских дней, предложение меньшевикам компромисса и мирного соревнования в советах в сентябре... [35]). Конечно, мы никогда не поймем этого, если не поймем, что политика ленинизма глубочайшим образом отличается от политики троцкизма.

А в момент Октября и непосредственно после Октября? Разве — с точки зрения марксизма, с точки зрения анализа классовых сил революции, принятие, по предложению Ленина, II с'ездом Советов эсэровского декрета о земле, разве включение—по предложению Ленина — в состав советского правительства левых эсэров, разве наименование—по предложению Ленина—правительства, созданного Октябрьской революцией, „рабоче-крестьянским правительством" [36]),—разве это не было, выражаясь термином, характеризующим в биологии перерастание одной формы в другую, „переживанием" „диктатуры пролетариата и крестьянства" в системе, сущность которой уже состояла в „диктатуре пролетариата". Можно перескочить через эти факты Октябрьской революции, но это не будет научным анализом ленинской политики. А переход от военного коммунизма к нэпу, от комитетов крестьянской бедноты к речи Ленина о „среднем крестьянине"? Как это увязывается с „вполне оправдавшейся" теорией перманентной революции?

*) См. Л. Троцкий, 1905, стр. 286.

Никак не увязывается. Понять политику рабочего класса, стоящего у власти в России, можно только с учением ленинизма в руках. В нем об'яснение всех различных методов и подходов и переходов от одного метода борьбы к другому, начиная с февраля до Октября и далее.

В 1916 году Ленин писал, что жизнь десять лет шла мимо прекрасной теории Троцкого, теперь мы можем прибавить к этим 10-ти годам еще ровно 8 лет. Дает ли то обстоятельство, что жизнь в течение 18 лет шла мимо теории Троцкого, право последнего претендовать на поправку ленинизма троцкизмом?

Так как жизнь шла помимо теории Троцкого, то Троцкий в своих книжках пытается подправить не только ленинизм, но и жизнь, чтобы всячески доказать, что она все-таки шла по Троцкому. Но жизнь шла по Троцкому только в моменты наибольших провалов революции, а в те моменты, когда она вырывалась из этого подавленного состояния, когда разворачивалось подлинное классовое рабочее и массовое крестьянское движение, жизнь шла не по Троцкому, а по Ленину. Вот почему Троцкому понадобилось извращать факты, вот почему Троцкий обрек себя на то, чтобы во всей дальнейшей истории партии, на всяком более или менее крутом повороте, всякий раз, когда хотел сказать „свое" слово, неизбежно попадать впросак.

Ленинизм целостно и полностью, без поправок, есть теория пролетарской революции. А фраза „я пришел к Ленину с боями" есть просто фраза, лицемерная дань ленинизму, маскирующая подлинную мысль Троцкого. Скитавшийся полтора десятилетия по меньшевистским литературным предприятиям политик, прибитый волнами народной революции к большевистским берегам, вошел в большевистскую партию с тайной мыслью, что прав-то был и остался он, вошел не с тем, чтобы учиться у партии, а с тем, чтобы партию учить, не с тем, чтобы вложиться всеми своими силами в общую коллективную массовую работу годами и десятилетиями складывавшейся рабочей организации, а с тем, чтобы парадировать перед ней в роли провиденциального спасителя. Его снедала мысль „отроцкистить большевизм". Перед партией по отношению к Троцкому, как по отношению к каждому своему новому члену, стояла прямо противоположная задача: „обольшевичить Троцкого". Удалась ли она?

3. Троцкий в партии. Наша ошибка. Октябрь по Троцкому.

Рассмотрев „надежный“ и „прочный“ путь тов. Троцкого к большевикам, перехожу к пребыванию т. Троцкого в партии. В этой его деятельности мы должны отличать две струи. Первая,—когда тов. Троцкий точно и строго выполнял директивы партии, когда он, наряду с другими, опираясь на весь коллективный, политический опыт партии, на всю партийную массовую организацию, выполнял те или иные задания и поручения партии. Тогда тов. Троцкий делал славные дела, тогда он, наряду с другими, вписывал в свою личную историю и в историю партии славные страницы. Но именно потому, что тов. Троцкий вошел в нашу партию, как индивидуалист, который думал и думает, что в основных вопросах революции права не партия, а прав он, тов. Троцкий, что партия должна троцкизмом подправлять ленинизм, — рядом с этой первой струей идет у тов. Троцкого другая струя, та струя, которая доказывает, что тов. Троцкий не большевик.

Четыре попытки тов. Троцкого поправить партию.

Партия помнит четыре момента, когда тов. Троцкий хотел научить партию, дать ее политике свой, троцкистский уклон. В первый раз это сказалось через несколько месяцев после того, как тов. Троцкий вступил в партию. Это было во время Брестского мира. Партия знает с достаточной степенью точности и ясности, чем на самом деле была подсказана тогда позиция тов. Троцкого. Это была недооценка роли крестьянства, прикрытая революционной фразой. Тов. Троцкий хотел поправить и направить партию, исходя из недооценки роли крестьянства. Это был путь поражения пролетариата и революции. Если вспомнить те аргументы, которые тов. Ленин выставил тогда против тов. Троцкого, то легко убедиться, что тов. Ленину не пришлось искать новых аргументов сверх тех, которыми он опровергал общую позицию тов. Троцкого в течение десятка предшествующих лет. Тов. Ленин упрекал его в двух политических грехах: непонимание соотношения между пролетариатом и крестьянством, увлечение якобы левой, якобы революционной фразой. Эти два аргумента в устах т. Ленина против тов. Троцкого не новы, но не новы они только потому,

что недооценка крестьянства и увлечение революционной фразой в эпоху Бреста были не новыми грехами тов. Троцкого. Напрасно думать, что есть два Троцких: один до 1917 года, другой после 1917 г. Тогда тов. Троцкий служил меньшевикам, теперь он перешел к большевикам, но, входя в партию, он не счел нужным во имя общей идеологии отказаться от своей собственной идеологии в основных принципиальных вопросах русской революции. Именно потому тов. Троцкий в партии систематически повторяет *тип* своих ошибок того времени, когда он был вне партии.

Тов. Ленин на VII с'езде партии утверждал, что политика тов. Троцкого фактически под прикрытием эффектной фразы ведет дело к поражению революции. Тов. Троцкий на самом же с'езде подал заявление о выходе из ЦК. Но тов. Ленин не дал тов. Троцкому „направить" партию. Наступила гражданская война, эпоха военного коммунизма. Тов. Троцкий делал порученное ему дело. В направлении общей политики партии его участие было меньшим, чем когда-либо. Но вот революция подходит к новому повороту. В соотношении классов произошла передвижка. В форме дискуссии о профсоюзах партийная мысль предвосхищает вопрос, который через несколько недель был поставлен Кронштадтом, вопрос о переходе от военного коммунизма к эпохе новой экономической политики. Чего искал тогда тов. Ленин? Он искал новых форм союза пролетариата с крестьянством, новых форм руководства партией широких рабочих масс путем применения в более широком размере,—взамен методов принуждения,—методов убеждения. Именно на этом пути искала—и нашла—партия под руководством тов. Ленина способы укрепить диктатуру пролетариата в новую эпоху. В чем видел тогда спасение тов. Троцкий? Он советовал тогда потуже завинтить гайки военного коммунизма. Это была опять и опять недооценка крестьянства, увлечение внешними формами, методами „подтягивания" и „администрирования сверху". Лишенный возможности понять изменение соотношения между пролетариатом и крестьянством и значение этого изменения, тов. Троцкий вновь рекомендовал партии такие пути и такие методы, усвоив которые, диктатура пролетариата неизбежно крахнула бы, запнувшись о деревню. Партия и тов. Ленин опять не дали тов. Троцкому себя „поправить". Ну, а дальнейшие—еще при жизни Владимира Ильича—

попытки тов. Троцкого поставить вопрос о „плане“ в его своеобразном понимании, свойственном тов. Троцкому, его „формулы“ о „диктатуре промышленности“, разве это не были опять-таки попытки увязать мелко-буржуазную стихию сверху надетыми железными обручами, разве в этом опять-таки не сказывалось непонимание конкретных условий, при которых только и возможно осуществление диктатуры в аграрной стране с подорванной промышленностью в момент, когда международная революция затянулась? Не было ли и здесь попытки *обойти* реальные трудности осуществления диктатуры пролетариата в данных условиях при помощи эффектных формул, которые на самом деле реальных трудностей во взаимоотношениях пролетариата и крестьянства не облегчали, а обостряли? И здесь под эффектными формулами тов. Троцкого нетрудно нащупать неизбежно связанные с его оригинальной теорией: с одной стороны—отчаяние, пессимизм, неверие, а с другой стороны—преувеличенные надежды на методы переадминистрирования (ленинское словечко!), властного преодоления сверху реальных экономических трудностей.

Последняя дискуссия у всех еще в памяти. Она наглядно демонстрировала перед партией всю сумму ошибок тов. Троцкого, которые мы рассмотрели выше. Но она выявила с особой наглядностью—сверх уже ранее демонстрированных ошибок—еще одну черту троцкизма, тоже, впрочем, далеко не новую. Это—попытка подорвать и ослабить основной костяк диктатуры в виде партии. Сюда вело и дискредитирование „кадров“, и возрожденное меньшевистское представление о партии, как о сумме „групп и течений“, и ликвидаторский по сути дела подрыв авторитета руководящих учреждений („ведут страну к гибели“!). И разве под флагом тов. Троцкого не шло тогда представление о большей свободе внепартийных организаций от влияния партии? Разве все это в сумме не вело на деле к ослаблению диктатуры пролетариата, не основано было на недооценке тех условий, в которых мы—в крестьянской стране—должны осуществлять диктатуру, не демонстрировало мелкобуржуазный уклон?

У тов. Троцкого в тот момент, когда он входил в партию, осталось глубокое убеждение, что в основных вопросах революции и диктатуры пролетариата прав он, а не Ленин. Партия этого не думает. В этом разгадка внутрипартийной позиции

тов. Троцкого. Когда партия здорова, когда все идет хорошо, тов. Троцкий выполняет спокойно ту работу, которая ему поручается, но как только партия натыкается на какие нибудь затруднения, как только партии нужно повернуть руль, тов. Троцкий попытается парадировать перед партией в роли спасителя и поучителя, он всегда указывает неправильный путь, потому что в основных вопросах он не усвоил большевизма, в основных вопросах остался на точке зрения противопоставления троцкизма большевизму. Именно поэтому и Ленину, и партии всякий раз приходилось давать решительный отпор попыткам тов. Троцкого поправить партию. Партия знала и на опыте все более и более убеждалась, что поступить по Троцкому—значит подменить большевизм троцкизмом, что во всяком его предложении более или менее широкого характера, касающемся основных вопросов пролетарской диктатуры, оказывается та основная фальшь, что он вошел в партию с убеждением, что прав-то оказался он, что „целиком оправдалась" его, а не ленинская оценка основных сил революции, что он должен ленинскую партию „подправить".

Наша ошибка.

У тов. Троцкого есть еще один козырь в борьбе против большевизма. Этот козырь—ошибки некоторых большевиков (моя и Зиновьева в первую голову, затем Рыкова, Ногина) в октябре 1917 года. Конечно, ошибки большевиков всегда используются врагами нашей партии против большевизма. Тов. Троцкий не прибегал к этому козырю, который известен партии, известен самому тов. Троцкому столько же лет, сколько мы живем после Октябрьской революции, но он не прибегал к нему, пока надеялся заставить партию пойти по своему, троцкистскому пути, путем обсуждения тех или других практических вопросов. Но когда четыре попытки—Брест, профсоюзы, дискуссия о плане и последняя дискуссия—показали ему, что большевистскую партию свернуть с ее пути путем открытого обсуждения очередных практических вопросов невозможно, когда на XIII с'езде он увидел партию, которая ему сказала, что мы, ленинцы, не нуждаемся в том, чтобы наша теория поправлялась в сторону троцкизма, он пустил в ход этот последний козырь. Не он первый, конечно. Эта ошибка была уже неоднократно использована нашими врагами: чем больше ошибка

большевика,—а ошибка была громадной, хотя острые разногласия и продолжались только несколько дней,—и чем более ответственные большевики ее сделали,—а сделали ее очень ответственные большевики—тем, конечно, соблазнительнее для каждого противника большевизма этими ошибками дискредитировать большевизм. Эту ошибку, как только она была сделана, использовали против большевизма наши тогдашние враги.

Но так же, как и сама ошибка, это использование было тогда просто похоронено в грохоте пролетарской революции. Ни сама ошибка, ни ее использование врагами не имели никаких реальных последствий: движение пролетарских масс буквально в несколько дней „поправило" колебавшихся большевиков, сняло разногласия и смело со сцены наших врагов. Ее затем злостно „использовали" *против большевизма* все, кто уходил от коммунизма: Леви [37]), Балабанова [38]), Фроссар [39]). Ни один из них, порывая с коммунизмом, не упустил этой возможности, надеясь ошибкой большевиков дискредитировать большевизм. Теперь, после Леви и Фроссара—тов. Троцкий.

Колебания были недопустимы. Против них Ленин ополчился со всей силой и страстью вождя, заметившего, что в решительный момент его сотрудники своими колебаниями способны внести смущение в ряды. Он обличал колебания беспощадно и в горячую решающую минуту не останавливался ни перед одним самым „свирепым" словом и предложением. И он был прав, прав до конца и безоговорочно. Тов. Ленин не был бы Лениным, если бы в такой момент останавливался на полдороге, если бы позволил каким бы то ни было соображениям удержать себя от предложения самых крайних, до конца идущих мер. А мы не были бы „ленинцами" и учениками товарища Ленина, если бы хоть на минуту усомнились, что эти меры тогда действительно вытекали из обстановки момента.

Но когда наступил момент для спокойного обсуждения и именно для того, чтобы предупредить повторение подобных ошибок в других коммунистических партиях, Ленин дал точную характеристику этой ошибки. Именно тогда, когда Серрати [40]) попытался этой ошибкой Каменева и Зиновьева прикрыть свой уход от коммунизма, тов. Ленин писал: „Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделал ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно?

Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены". Я прошу прислушаться к тому, как Ленин формулирует наши ошибки: „Они проявили колебания в указанный мною период в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части „меньшевиков" и „социалистов-революционеров". Конфликт дошел до того, что названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны ЦК нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель, самое большее через несколько месяцев, все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты"*).

Вот точное, ясное, четкое, Лениным данное определение пределов наших колебаний и наших разногласий с ЦК.

*) Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр 373. Я не могу здесь останавливаться на восстановлении действительной картины октябрьских и предоктябрьских дней и извращении моей роли в них, сделанных Троцким. Я вернусь к этому в подготовляемом к печати сборнике моих статей и речей за 1917 год. Пока ограничусь парой фактов: в апреле я открыто, согласно постановления ЦК, на страницах „Правды" дискуссирую с Лениным, дискуссия продолжается на заседаниях петроградской и всероссийской апрельских конференций. Ленин в апреле же — после дискуссии — ставит, поддерживает и проводит мою кандидатуру в ЦК. После июльских дней Ленин письменно поручает мне, в случае какого-либо несчастия с ним, отредактировать и издать незаконченную его рукопись: „Государство и революция" (для чего вряд ли годится представитель „правого крыла"). 10-го октября ЦК решает вопрос о восстании. Несмотря на разногласия, и я, и Зиновьев выбираемся—вместе с Лениным, Сталиным и др.—в созданное на этом заседании политическое бюро для руководства восстанием. 11-го мы с Зиновьевым пишем свое письмо. 16-го октября на заседании ЦК мы совместно обсуждаем вновь вопросы восстания. 24-го октября на заседании ЦК я докладываю ЦК о некоторых технических сторонах подготовки восстания. 25-го и 26-го октября я, по поручению ЦК, конечно, председательствую на II С'езде Советов, об'явившем Советскую власть. 27-го октября—опять-таки согласно постановления ЦК—избираюсь председателем ВЦИК. 2-го и 3-го ноября, по поручению ЦК, веду переговоры от имени ЦК с представителями других партий. 4 ноября—в связи с разногласиями ЦК по поводу этих переговоров — я вместе с Зиновьевым, Рыковым, Ногиным и др. выходим из ЦК. 7-го ноября передаю председательствование в ВЦИК Я. М. Свердлову, а 18-го ноября получаю поручение от ЦК войти в состав брестской делегации, для переговоров о мире с Германией. Таковы факты.

Похоже ли это ленинское описание на злопыхательскую—и смешную по своему злопыхательству—попытку Троцкого создать из этого „правое“ чуть ли не меньшевистское „крыло“ в нашей большевистской партии. Троцкому обязательно надо, ради всей своей теории об „антиреволюционных чертах“ ленинизма, для дискредитирования идей ленинизма — создать *внутри большевизма* „правое крыло“ с чуть ли не меньшевистским уклоном! Как бы это хорошо доказывало необходимость лечить ленинизм и ленинцев троцкизмом! Как бы это облегчало распространение дорогих для Троцкого идей о „перерождении кадров“! Как же ради этих „достойных“ целей не использовать ошибок Каменева и Зиновьева? Правда, и тут Ленин и его сочинения несколько мешают. Но такова уж судьба тов. Троцкого: для достижения своих целей он всякий раз должен „преодолевать“ *Ленина, ленинизм и ленинцев.*

Троцкий еще раз о себе и о Ленине.

Одни ли мы ошибались, на взгляд Троцкого, в момент Октябрьской революции? Нет, не одни мы. Был еще один большевик, который глубоко ошибался в момент Октября. Действительно ли задача этой книги т. Троцкого только в том, чтобы предостеречь от ошибок Каменева и Зиновьева? Увы, товарищ Троцкий целит дальше, или, чтобы придать наиболее выгодное для тов. Троцкого освещение, он попадает дальше. Как описывает Октябрь т. Троцкий?

В этой книжке очень много сенсаций. Но, пожалуй, самым сенсационным является в этой книжке фраза, которая касается именно Октябрьской революции. На стр. 50 своих „Уроков“ Троцкий пишет: „Восстание 25-го октября имело только дополнительный характер“. Тут много, вероятно, участников октябрьских событий, и я думаю, что все они с удивлением узнают через 8 лет после 25-го октября 1917 года, что восстание 25-го октября носило „только дополнительный характер“. К чему? Оно, оказывается, носит „дополнительный“ характер к событиям, которые разыгрались 9-го октября. Мы знаем основные даты революции. Но если я говорю: „события 9-го октября“, то многие себя спросят, какое же такое событие было 9-го октября, по отношению к которому октябрьское восстание было только дополнением? 9-го октября—об этом напечатано в книге Троцкого—по предложению тов. Троцкого

в Петроградском Совете, под председательством тов. Троцкого, была принята резолюция, которая кончалась такой фразой: „Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не может брать перед армией никакой ответственности за такого рода стратегию временного правительства и, в частности, за вывод войск из Петрограда".

Конечно, это важная резолюция; она связала гарнизон, не желавший идти на фронт, с Петроградским Советом. В том деле, которое Ленин, вслед за Марксом, называет „искусством восстания", установление связи между Советом и петроградским гарнизоном играло большую роль. Но послушайте, как этот момент 9-го октября описывает и оценивает Троцкий: „С этого момента (9-го октября) мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания... Исход восстания 25-го октября был уже на три четверти предопределен в тот момент... По существу дела мы имели здесь вооруженное восстание... Мы имели *здесь „тихое", почти „легальное"* вооруженное восстание, которое было на три четверти, если не на девять десятых, совершившимся фактом... Мы имели с этого момента в столице победоносное восстание". (Л. Троцкий, „Уроки Октября", „1917", стр. 59—60). Оказывается, 25-го октября действительно является только небольшой дополнительной черточкой к тому, что произошло 9-го октября, когда „мы имели" не только предрешенный на три четверти исход, но и фактическое состояние вооруженного восстания, причем восстания „тихого" и почти „легального", но зато — победоносного. Но тогда возникает вопрос: если 9-го октября на девять десятых „победоносное" восстание было уже совершившимся фактом, то как оценить умственные способности тех, кто сидел в ЦК большевиков и 10-го октября в горячих спорах решал, идти ли на восстание, или нет, и если идти, то когда? Что сказать о людях, которые собирались 16-го октября под именем ЦК с местными работниками, с работниками Военной Организации и еще и еще судили о шансах восстания, о силах восстания, о сроках восстания. Да, ведь, оказывается, оно было устроено еще 9-го октября „тихо" и „легально". И настолько тихо, что ни партия, ни ЦК этого не узнали. Но это еще туда-сюда: что такое партия, ПК, ЦК, когда Троцкий умудрился написать историю Октябрьской революции, в которой вообще ни ЦК, ни ПК нет, как живых

действительных сил, как коллективных организаторов массового движения. А уж о том, что было в Москве, что не только в Петрограде, но и в Москве, и в Иваново-Вознесенске был пролетариат, что он тут кое-что делал,—об этом никто ничего не узнает из „Уроков Октября". Конечно, надо суметь так написать историю Октября, но Троцкий очень ловкий, блестящий публицист, он может и так написать. Оставим поэтому в стороне ЦК, ПК, Военную Организацию. Ну, а Ленин? О Ленине тов. Троцкий сообщает тут же, на этой же странице так: „Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этого факта во всем значении... Ленин не имел возможности из своего подполья оценить коренной перелом..." и т. д. (Л. Троцкий, „1917", „Уроки Октября", стр. 59—60). Видите, какие мы с вами невежды на счет Октябрьской революции. Мы до сих пор представляли себе, что именно Ленин вел Октябрьскую революцию, а организовали ее ЦК, ПК, Военная Организация партии... Оказывается, ни ЦК, ни ПК не играли тут никакой роли. Их нет на сцене. Может быть, Троцкий, проводя революцию 9-го октября, действовал по директивам руководящего центра, который подготавливал восстание? Такой центр был, но из „Уроков" Троцкого об этом узнать ничего нельзя. Есть на сцене Троцкий, который „легально" и „тихо" решает победоносное восстание 9-го числа, в то время как состоящий, видимо, из не очень сообразительных людей ЦК обсуждает еще вопрос, нужно ли это восстание. Оказывается, вместе с тем, что Ленин сидел в подполье, обстановки не учел, соотношения сил не знал... Но мало того: не учтя и не зная обстановки, Ленин,—сообщает Троцкий,—давал советы: советы начать революцию в Москве.

Чтобы вполне выяснить роль Ленина, Троцкий сообщает следующее: „если бы восстание началось (по совету Ленина. *Л. К.*) в Москве, до переворота в Петрограде, оно неизбежно получило бы еще более затяжной характер, с весьма сомнительным исходом, а неудача в Москве тяжело отразилась бы и на Петрограде". (Л. Троцкий. „Уроки Октября", стр. 60).

Пока Ленин подает подобного рода „советы", Троцкий, имея уже у себя в кармане „тихое", но „победоносное восстание", производит „широкий обволакивающий маневр": „нам удалось, — пишет он с торжеством, — завлечь в ловушку советской легальности наших врагов..." „Наша „хитрость"

удалась на сто процентов..." „Соглашатели оказались... целиком и полностью пойманы"... Троцким.

Правда, Ленин, имея в виду именно это увлечение т. Троцкого „широким обволакивающим маневром" и расчитывая гораздо больше на рабочих, матросов и солдат, чем на „хитрость" тов. Троцкого, писал тогда: „Медлить—преступление, ждать с'езда советов—ребяческая игра в формальность, предательство революции". Но Троцкий, заканчивая описание роли своей и Ленина в октябрьские дни, победоносно отражает эти слова Ленина: „Устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом захвата власти партией—это одно,—поучает Троцкий Ленина,—а подготовлять и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав с'езда советов—это совсем другое".

Вот расстановка фигур: Ленин сидит в подполье, не оценивает обстановки, не учитывает того, что $^{9}/_{10}$ восстания уже сделано, дает совет начать восстание в Москве, явно обрекая революцию на неуспех, нервничает, ведет дело под явно нелепым простецким „голым лозунгом захвата власти партией" (в чем, впрочем, исстари обвиняли Ленина буквально все меньшевики и Троцкий),—а с другой стороны, Троцкий уже 9-го октября устраивает „победоносное восстание", твердо, но выдержанно проводит „широкий обволакивающий маневр", „завлекает врагов в ловушку", „подготовляет и потом осуществяет" победу под широким массам понятным лозунгом „защиты прав с'езда советов". Кто же сделал восстание, кто им руководил, кто определил его ход, благодаря кому спасена Октябрьская революция? — Троцкий очень хороший литератор, но, как ни искусно перо тов. Троцкого, смысла его рассказа об Октябре нельзя не видеть. ЦК сидел в трясине, ЦК не существовал на свете, тов. Троцкий в качестве председателя Совета своей политикой связывает гарнизон с Советом, умно маневрирует и оставляет 25-му Октября сделать лишь несколько дополнительных шагов, чтобы вручить пролетариату умно и тонко подготовленную победу. А Ленин в это время сидит в подполье, не знает обстановки, дает советы устроить восстание в Москве, горячится и кипятится, что оттягивается уже совершонное собственно восстание, и сбивается в сторону голого „захвата власти партией".

О чем же говорят эти „Уроки Октября"? О том, что *весною* Ленин должен был перевооружиться идейно, отбросить

старую теорию и взять оружие из арсенала Троцкого, а в *октябре* неудачно пытался руководить восстанием, привести которое к победе суждено было тов. Троцкому.

Вот и надо выбирать, чему нужно учиться и учить: этой ли истории Октября или же какой-то другой, истории ли Троцкого, или же той, которая имеется в сочинениях тов. Ленина.

Я уже сказал вначале, что не могу разбирать отдельных ошибок Троцкого. Достаточно сказанного. Я не стану говорить об извращении событий в связи с апрельской конференцией [41]), об извращении событий в связи с демократическим совещанием [42]), но еще два места я укажу для того, чтобы показать, что опытный политик и литератор — тов. Троцкий действительно попадает своими стрелами дальше... видимой цели.

Вот вопрос об Учредительном Собрании. Тов. Троцкий цитирует письмо мое и Зиновьева от 11 октября. Мы пишем так: „Советы, внедрившиеся в жизнь, не смогут быть уничтожены... Только на Советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное Собрание. Учредительное Собрание и Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем".

Это мы писали 11-го октября. Троцкий комментирует так: „Чрезвычайно любопытно для характеристики всей линии правыми, что теория „комбинированной" государственности, сочетающей Учредительное Собрание с Советами, была $1^1/_2$—2 года позже повторена Рудольфом Гильфердингом в Германии, также боровшимся против захвата власти пролетариатом" (Л. Троцкий. 1917 год. „Уроки Октября", стр. 37).

Ну что может быть убедительнее? Мы писали о „комбинированном типе Учредительного Собранияи Советов",—а через полтора года Гильфердинг [43]) повторяет это,—и вот т. Троцкий пользуется случаем сказать, что эти, мол, люди похожи на Гильфердинга и „также борются против захвата власти пролетариатом". Но прием, употребленный здесь автором, прямо позорен.

Мое и Зиновьева письмо было написано 11-го октября; я беру статью Ленина, написанную 6-го октября, т. е. за 5 дней до нашего письма. Вот, что пишет Ленин: „Возможны, при переходе от старого к новому, временные „комбинированные типы" (как справедливо указал „Рабочий Путь"

на-днях), например, и Республика Советов, и Учредительное Собрание" (Собр. соч. Ленина, т. XIV, стр. 167 *).

Что же выходит? Выходит, что в данном случае и Ленин был похож на этого Гильфердинга. Или нас надо развести с Гильфердингом, или Ленина повенчать с Гильфердингом. Но Ленина повенчать на Гильфердинге—это не пойдет, а вот Каменева с Зиновьевым повенчать на Гильфердинге—авось найдутся дурачки, которые этому поверят. Но оставим Каменева и Зиновьева, а как быть с Лениным? Ведь, остается, что социал-предателя Гильфердинга Троцкий, чтобы побольнее ударить того, кого он хотел, но не умел ударить,—поместил где-то около Ленина. Троцкому не важна историческая правда. Изменение тактики в моменты, когда ситуация менялась изо дня в день, его не интересует,—его интересует дискредитировать всеми средствами большевизм.

Последний пример, тоже в двух словах. Все в том же письме мы в октябре 1917 года говорили: „Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира... Если мы, взявши власть сейчас одни, придем в силу всего мирового положения к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет" (Л. Троцкий. 1917 г. „Уроки Октября", стр. 38). Пускай историк разберется, сколько тут было неправильной оценки. Но что делает тов. Троцкий? „Мы видим здесь,—говорит он,—основные доводы в пользу подписания Брест-Литовского мира". Итак, при Брест-Литовском мире, подписанном партией по настоянию и под железным давлением Ленина и против Троцкого, основные доводы были даны нами „правыми" гильфердинговцами". Так излагается история Брест-Литовского мира. В кого целится т. Троцкий, в нас или в Ленина? Можно ли после этого удивляться, что наши враги, у которых на гнилье очень тонкий нюх, по поводу некоторых книжек о Ленине пишут, что трудно сказать, написаны ли они „сотрудником или соперником Ленина".

Ленинизм против троцкизма.

Теперь можно подвести итоги. Какой общий смысл этого выступления тов. Троцкого? Оно есть, конечно, продолжение

*) Статья, на которую сослался Ленин, написана тов. Зиновьевым.

всех его предыдущих выступлений. Партия дала решительный отпор его попыткам повернуть партию с линии большевизма на линию троцкизма, и Троцкий прибег к своему последнему отравленному оружию.

Мы—партия монопольная в стране. Мы в своих рядах собираем все, что есть в стране организованного, но мы не должны ни на минуту забывать, что мы окружены стихией, нам классово чуждой, что эта стихия не будет падать, она будет расти, будет становиться политически осмысленнее. Формы легальной организации у нее нет. На почве развития промышленности, фабрик, заводов и торговли будет расти и мелкобуржуазная интеллигенция. Все эти мелко-буржуазные элементы, не находя себе открытого выражения в какой-либо общественной организации, неизбежно стремятся прорваться, проявить свои стремления через саму нашу партию. И, конечно, при этом нажиме мелко-буржуазной стихии на нашу партию она ищет в ней самого слабого звена, а самое слабое звено, конечно, там, где люди, вошедшие в партию, не ассимилировались с ней, затаили, как тайну, не дающую им покоя, мысль, что они более правы, чем партия, что партия только по своему узколобию, по своему консерватизму, по традициям, потому, что во главе ее стоит тот или другой кружок, не хочет учиться у настоящих спасителей партии, вроде Троцкого.

Я говорю это с горечью, и вся наша партия скажет это с горечью, но это надо сказать: т. Троцкий стал тем каналом, по которому мелко-буржуазная стихия проявляет себя внутри нашей партии. Весь характер его выступлений, все его историческое прошлое показывают, что это так. В своей борьбе с партией он стал уже в стране символом для всего, что направлено против нашей партии. Это нужно понять прежде всего тов. Троцкому. Если он поймет это и сделает из этого необходимые выводы, все поправимо. Хочет он этого или не хочет (наверное *этого* он *не* хочет), но для всех, кто видит в коммунизме своего главного врага, является символом высвобождения из-под ферулы коммунистической партии. Это печальный, но совершенно неизбежный вывод для того, кто привык рассматривать политические явления не с точки зрения сплетен, а с точки зрения действительных классовых соотношений. Перед нами товарищ с историей 20-летней, не очень давно явившийся в партию, который вошел в партию, не отказавшись

от своих заблуждений, который пытался внутри партии на каждом повороте провести свою точку зрения, который создал в партии такое отношение к себе, которое заставляло партию неоднократно призывать его к порядку, и неизбежно, что для мелко-буржуазной стихии, желающей найти для себя какое-нибудь знамя, эта политическая фигура, постоянно находящаяся в оппозиции к партии, систематически подрывающая авторитет большевизма, авторитет его руководящих центров, авторитет Ленина, становится мало-по-малу символом и надеждой.

Вот та идейная опасность, перед которой ставит нас тов. Троцкий и мимо которой мы пройти не можем. Я знаю, что в Москве, в городе специальном в смысле особой падкости до всяких слухов, уже передаются „вполне достоверные" сведения, во-первых, о том, что книжка тов. Троцкого запрещена, что тов. Троцкий уже исключен из партии, что Троцкого собираются исключить из партии и что Троцкого даже уже нет в Москве. Это, конечно, все сплетни. Никому в голову не приходило запрещать книжку тов. Троцкого, ни один из членов ЦК не поднимал и не поднимает вопроса о каких-либо партийных репрессиях против тов. Троцкого. Репрессии, исключение и т. п. не помогли бы, раз'яснению, а, наоборот, затруднили бы раз'яснение и в то же время дали бы возможность смутьянам, которые хотели бы внести раскол в партию, помешать выяснению истинных основ большевизма в отличие от троцкизма; а это именно сейчас основное. Мы должны принять все меры, чтобы охранить от заразы этого небольшевистского учения те слои партии, на которые оно рассчитывает, именно—нашу молодежь, тот будущий состав, который должен взять в руки судьбы партии. И поэтому усиление всяческого рода раз'яснений о неправильности позиции т. Троцкого, о том, что надо выбрать между троцкизмом и ленинизмом, что нельзя сочетать того и другого,—это должно быть очередной задачей нашей партии. Должно быть ясно для каждого сознательного члена партии, что есть троцкизм и есть ленинизм, что для нас, большевиков, и для международного пролетариата, идущего к своей победе, достаточно ленинизма, и нам не нужно ленинизм ни подменять, ни подправлять троцкизмом.

РЕЗОЛЮЦИЯ,

принятая на собрании МК с активными работниками.

(18 ноября 1924 года).

Заслушав доклад тов. Каменева, собрание МК и активных работников, обсудив выступление т. Троцкого со статьей „Уроки Октября", считает своим партийным долгом заявить свое убеждение, что это выступление является грубым извращением истории большевизма и истории Октябрьской революции. Собрание не может не выразить своего негодования в особенности по поводу извращения тов. Троцким истинных отношений между тов. Лениным, с одной стороны, и партией и ЦК—с другой. Этого извращения тов. Троцкий добивается не только неправильным, противоречащим фактам партийной истории изложением событий, но и извращением идейного содержания большевизма, вводя в заблуждение партию, Коминтерн и всю страну насчет отношений Ленина и ЦК в период Октября.

Будучи по своему идейному содержанию попыткой подменить ленинизм троцкизмом (который является не чем иным, как одним из видов меньшевизма), статья тов. Троцкого является продолжением зимней дискуссии, продолжением начатой т. Троцким борьбы против руководящих учреждений партии и Коминтерна.

Собрание не может не видеть в этом выступлении — и по содержанию, и по форме—нарушения со стороны тов. Троцкого, обещаний, данных им XIII с'езду, и подрыва единства партии.

Своим выступлением тов. Троцкий вновь ставит партию перед опасностью дискуссии, которую совещание считает абсолютно нежелательной и вредной в данный момент.

Партия не хочет дискуссий, но она, несомненно, хочет и добьется того, чтобы извращению большевизма был дан решительный отпор.

Собрание, поэтому, обращается к ЦК с просьбой обсудить весь вопрос на ближайшем пленуме ЦК и

а) принять решительные и исчерпывающие меры к тому, чтобы под флагом партии не извращались основные идеи большевизма, история партии и история революции,

б) принять меры к широкому распространению среди членов партии правильных сведений об истории нашей партии, ее борьбы с троцкизмом, действительной истории Октября и пр.

Предисловие М. Ольминского к выходящей на-днях книге: „Ленин о Троцком и троцкизме“.

Три года назад я получил следующее письмо от тов. Троцкого:

„Дорогой Михаил Степанович!

Простите, что запоздал с ответом. Эта неделя была у меня очень хлопотливой. Вы спрашиваете о печатании моих писем к Чхеидзе. Я не думаю, чтоб это было уместно. Время для истории еще не пришло. Письма писались под впечатлением минуты и ее потребностей, тон писем этому соответствовал. Нынешний читатель не поймет этого тона, не установит необходимых исторических поправок и только собьется с толку. Из-за границы должен получиться архив партии и заграничные марксистские издания. Там большое количество писем всех тех, кто участвовал в числе „драки“. Неужели вы собираетесь их сейчас печатать? Это создало бы совершенно излишние политические затруднения, ибо вряд ли в партии есть два старых эмигранта, которые круто не обругали бы друг друга в переписке под влиянием идейной борьбы, минутного раздражения и пр.

Писать к моим письмам пояснения? Но это значило бы рассказывать о том, в чем я тогда расходился с большевиками. В предисловии к своей брошюрке „Итоги и перспективы“ я об этом вкратце сказал. Повторять это по случайному поводу нахождения в делах департамента полиции писем не вижу надобности. К этому надо прибавить, что ретроспекция фракционной борьбы и сейчас могла бы дать повод к полемике, ибо—каюсь в этом чистосердечно—я вовсе не считаю, чтоб в несогласиях своих с большевиками я был во всем неправ. Не прав я был—и коренным образом — в оценке меньшевистской фракции, переоценивая ее революционные возможности и надеясь на то, что удастся изолировать в ней и свести на-нет правое крыло. Эта фундаментальная ошибка вытекала, однако, из того, что к обеим фракциям—и большевистской, и меньшевистской—

я подходил с точки зрения идей перманентной революции и диктатуры пролетариата, тогда как и большевики, и меньшевики стояли в тот период на точке зрения буржуазной революции и демократической республики. Я считал, что разногласия между обеими фракциями принципиально не так глубоки, и надеялся (надежду эту я высказывал не раз в письмах и на докладах), что самый ход революции приведет обе фракции к позиции перманентной революции и завоеванию власти рабочим классом, что отчасти и произошло в 1905 г. (Предисловие т. Ленина к статье Каутского о движущих силах русской революции и вся линия газеты „Начало").

Считаю, что моя оценка движущих сил революции была безусловно правильна, выводы же, какие я из нее делал в отношении обеих фракций, были безусловно неправильны. Только большевизм сосредоточил в своих рядах, благодаря своей непримиримой линии, действительно революционные элементы как старой интеллигенции, так и передового слоя рабочего класса. Только благодаря тому, что большевизму удалось создать эту революционно-сколоченную организацию, оказался возможным столь быстрый поворот от революционно-демократической позиции к революционно-социалистической.

И сейчас я мог бы без труда разбить мои полемические статьи против меньшевиков и большевиков на две категории: одни, посвященные анализу внутренних сил революции, ее перспективам (теоретический польский орган Розы Люксембург „Neue Zeit"), и другие, посвященные оценке фракций русских социал-демократов, их борьбе и проч. Статьи первой категории я и сейчас мог бы дать без поправок, так как они вполне и целиком совпадают с позицией нашей партии, начиная с 17 г. Статьи второй категории явно ошибочны и переиздавать их не стоило бы. Два присланные письма относятся к статьям второй категории, опубликование их несвоевременно. Предоставим кому-нибудь сделать это лет через десять, если тогда станут этим интересоваться.

С коммунистическим приветом *Л. Троцкий.*

6 декабря 1921 года".

Многое можно было бы сказать по поводу этого письма. Сейчас я остановлюсь только на одной его стороне. Письма тов. Троцкого к Чхеидзе, как может видеть читатель, явились

не результатом минутного настроения их автора, а были одним из этапов политической борьбы между большевиками и ликвидаторами (т. е. соглашателями). Большевики в то время издавали газету „Правда", руководимую т. Лениным, а ликвидаторы (соглашатели) — газету „Луч". Тов. Троцкий был одним из основателей и вдохновителей соглашательской газеты, боровшейся и против „Правды", и против революционных форм рабочего движения. Приравнивать эту борьбу к заграничной „драке" (хотя бы и в кавычках) означает лишь то, что для тов. Троцкого и партия являлась лишь об'ектом, из-за которого дерутся „вожди". Не вожди обслуживают движение и партию, а партия и революционное рабочее движение являлись, по представлению тов. Троцкого, результатом инициативы или интриг вождей. Одним словом, скажу прямо, в маленьком письме ко мне по случайному поводу сквозит довольно явственное презрение к партии.

Случайность ли это? Из книги о 1917 годе читатель увидит, как этот революционный год отразился в глазах тов. Троцкого: опять—почти только „вожди" и минимум—о партии.

В последнее время мне пришлось перечитать литературу, появившуюся после начала раскола в партии, — литературу 1904 года. Уже тогда бросалось в глаза презрение меньшевистских „вождей" к „галерке", к партийной массе,—презрение, идущее параллельно с демагогией и с почтительным отношением к буржуазному „обществу", — ныне „попутчикам". Для параллели вспомните, например, фельетоны тов. Троцкого в защиту „попутчиков" в „Правде", в сентябре 1923 года,—горячие до того, что тов. Троцкий заговорил даже жаргоном меньшевистской „Искры" 1904 года.

Откуда же это презрение к партии? Мы знаем, что меньшевики все время были соглашателями. Большевики же боролись с соглашательством. А тов. Троцкий? Он шел с одними, теперь идет с другими, т. е. стоял вне тех и других, переходил из стана в стан. Куда тов. Троцкий повернет в будущем,— пока неясно. А что повернет, к этому надо быть готовым.

Настоящая книга дает сводку по возможности того, что писал и говорил о Троцком тов. Ленин. Сводка эта неполна. Ведь то, что говорил т. Ленин о меньшевиках и о правом крыле меньшевиков—о ликвидаторах, относилось, само собой разумеется, и к тов. Троцкому. С другой стороны, то, что печа-

талось в органах, выходивших под редакцией т. Ленина, хотя бы и написанное другими авторами, выражало мнение т. Ленина, так как он не пропускал ни одной статьи, с которой не был согласен.

Необходимо „изучать“ тов. Троцкого не только по собранию его сочинений, но и по тому, что он не найдет нужным включить в это собрание, чтобы быть настороже по отношению к поворотам тов. Троцкого.

М. Ольминский.

БЫЛ ЛИ ЛЕНИН ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВОЖДЕМ ПРОЛЕТАРИАТА И РЕВОЛЮЦИИ?

Партия должна горячо поблагодарить тов. Ольминского за опубликование письма т. Троцкого. И прежде всего должны поблагодарить тов. Ольминского те члены партии, у которых остались еще сомнения в правильности позиции партии по отношению к последним выступлениям тов. Троцкого. Пусть эти сомневающиеся и колеблющиеся еще и еще перечитают письмо тов. Троцкого: мы уверены, что оно окончательно освободит их от сомнений и колебаний.

В самом деле, что утверждали мы по поводу последних выступлений тов. Троцкого?

1) Тов. Троцкий считает, что в основных вопросах революции, в оценке и предвидении ее характера, ее развития, ее движущих сил прав оказался он, Троцкий, а не большевистская партия, не учение Ленина, не Ленин.

2) Тов. Троцкий считает, что для того, чтобы вести пролетариат к Октябрю и к победе в Октябре, большевизм (=ленинизм) должен был „перевооружиться", совершить крутой перелом в своих взглядах, отказаться от того, чему он учил в течение предшествующих 15 лет.

3) Тов. Троцкий проповедует более или менее открыто, что партия в этих основных вопросах пришла к нему, к Троцкому, стала на почву его теории революции, и что с 1917 г. ее политика „совпала" с этой теорией.

4) Тов. Троцкий полагает, что его теория о движущих силах революции, неоднократно разоблачавшаяся Лениным, как полуменьшевистская теория, основанная на недооценке роли крестьянства, должна и в дальнейшем определять практическую политику партии.

5) Тов. Троцкий называет себя „ленинцем", не будучи таковым и проповедуя на деле, под видом ленинизма, подмену ленинизма троцкизмом.

Верно ли это определение позиции т. Троцкого? Мы вывели это определение путем изучения книг и политики т. Троцкого, но полтора миллиона членов партии и комсомола, десятки миллионов трудящихся, желающих и обязанных знать, совпадает ли политика Троцкого с политикой Ленина или не совпадает с ней, — не могут проделать этой работы изучения книг тов. Троцкого.

Заслуга т. Ольминского в том, что он *заставил т. Троцкого говорить* (хотя бы путем письма 1921 года) по этим основным вопросам и тем *помог* и *поможет* всем разобраться, верны ли выставленные нами против т. Троцкого утверждения.

Письмо написано тов. Троцким в декабре 1921 г., т. е. тогда, когда тов. Троцкий мог вполне спокойно и хладнокровно, независимо от всяких разногласий в партии, взвешивать свои слова. Что же он пишет? *„Я,*— пишет тов. Троцкий,—*вовсе не считаю, чтобы в несогласиях своих с большевиками я был во всем неправ“*. Неправ он был, соглашается Троцкий, в оценке меньшевистской фракции. Но, зато,—продолжает он: *„Считаю, что моя оценка движущих сил революции была безусловно правильна“*. Чтобы еще более подчеркнуть свою непоколебимую уверенность в том, что в своей десятилетней борьбе против ленинизма по основным вопросам революции прав был он, а не Ленин, Троцкий продолжает: *„Статьи первой категории* (т. е. свои полемические статьи против большевиков с 1905 по 1916 г.г. *Л. К.*), *посвященные анализу внутренних сил революции, ее перспективам, я и сейчас мог бы дать без поправок“*. Это достаточно ясно. Но тов. Троцкому этого мало.

Как, действительно, могло случиться, что, вступивши в партию большевиков, тов. Троцкий может *„без поправок“* переиздавать свои статьи *против большевиков?* Тов. Троцкий отвечает: *„Так как они вполне и целиком совпадают с позицией нашей партии, начиная с 1917 г.“*. Яснее выразиться трудно. Позиция большевиков в революции *„вполне и целиком“* совпадает со статьями Троцкого *против большевиков* до революции. Так как ради этого „совпадения“ тов. Троцкому не понадобилось вносить в свои статьи никаких поправок, то, очевидно, *поправки* пришлось вносить Ленину. Яснее, нагляднее, вразумительнее трудно было тов. Троцкому выразить свою смешную претензию заменить Ленина в качестве вождя пролетариата и революции. Чтобы быть подлинным вождем рабочего класса в трех

революциях, надо же, по меньшей мере, иметь правильное представление о движущих силах революции и ее перспективах. Этого-то у Ленина и не было вплоть до 1917 г., до того момента, когда его позиция *„совпала"* с тем представлением, которое Троцкий развивал 12 лет *против Ленина.* Так утверждает Троцкий. Как же не поблагодарить тов. Ольминского, который дал возможность партии выслушать тов. Троцкого по немаловажному вопросу о том, была ли правильна теория ленинизма до 1917 г. и существует ли *один ленинизм* или *два ленинизма:* ошибочный ленинизм (когда Ленин не „совпадал" с Троцким) и ленинизм правильный (после того, как Ленин „совпал" с Троцким).

Претензия тов. Троцкого подорвать, расчленить и подменить ленинизм для того, чтобы выставить себя самого создателем единственно правильной теории революции, — настолько явно выступает в этом письме, ее смехотворность настолько ясна, она носит в конце концов настолько обнаженно-личный характер, что после опубликования письма тов. Троцкого спорить о ней не стоит. Спорить не о чем. Спор кончен письмом Троцкого, которое подтвердило до конца худшие из возможных предположений.

Но стоит вдуматься и в те строки письма т. Троцкого, где он говорит о том, в чем он был неправ. Неправ, — признается Троцкий,—он был в оценке меньшевистской фракции, *„переоценивая ее революционные возможности и надеясь на то, что удастся изолировать в ней и свести на-нет правое крыло". „Я считал, что разногласия между фракциями принципиально не так глубоки, и надеялся, что самый ход революции приведет обе фракции на позицию"*... тов. Троцкого.

Тов. Троцкий, как видим, *переоценил* революционные возможности меньшевиков и *не дооценил* революционные возможности большевиков. Эта *переоценка* меньшевиков и *недооценка* большевиков у тов. Троцкого продолжалась с 1904 по 1917 г. *„Эта фундаментальная ошибка,*—сообщает т. Троцкий в своем письме,—*вытекала, однако, из того, что к обеим фракциям— и большевистской, и меньшевистской—я подходил с точки зрения идей перманентной революции".* Тов. Троцкий думает, вероятно, что здесь он сделал большой комплимент „точке зрения перманентной революции", не заметив, что он нечаянно буквально убил ее. Хороша, действительно, „точка зрения", которая

15 лет обрекала тов. Троцкого *переоценивать* меньшевиков и *недооценивать* большевиков, которая заставляла его косить и на правый, и на левый глаз! Многого ли стоит эта „точка зрения"? Нужно ли ее рекомендовать партии? Если поверить тов. Троцкому,—а не верить ему здесь нельзя, —что он действительно применял к обеим фракциям—и меньшевистской, и большевистской—„точку зрения идей перманентной революции", и вспомнить, что благодаря этому он 10 лет помогал меньшевикам против большевиков, то поневоле скажешь: опыт т. Троцкого доказал, как дважды два=четыре, что эта „точка зрения" никуда не годится. Но сам-то Троцкий вместо того, чтобы сделать этот вывод из своего десятилетнего печального опыта, тут же пишет: „Моя оценка движущих сил революции была безусловно правильна". Это поистине замечательно! Все правильно оценил тов. Троцкий в революции, кроме малости: кроме роли большевиков и меньшевиков, их принципиальных разногласий, их борьбы и исторического и классового значения этой борьбы. Все остальное в революции тов. Троцкий, став на точку зрения перманентной революции, оценил, по его уверению, „безусловно правильно", но правильно оценить большевиков и меньшевиков эта прекрасная, вполне и целиком оправдавшаяся, безусловно правильная „точка зрения" ему... помешала. На подобной „точке зрения" стоял, вероятно, и тот крыловский персонаж, который „все видел, высмотрел", но должен был признаться, что слона-то он „и не приметил". „Точка зрения" этого персонажа никогда не признавалась, насколько известно, образцом проницательности. Как же опять-таки не поблагодарить т. Ольминского, который помог партии из слов самого автора „перманентной революции" узнать ее великие достоинства в деле познания и оценки „движущих сил революции".

Грешно было пройти мимо еще одного „откровения" в письме тов. Троцкого. Раз различия между меньшевизмом и ленинизмом („старым"!) в основных вопросах революции были не столь глубоки, то каким образом ленинизм оказался во главе революции? Тов. Троцкий отвечает: потому, что *„только большевизм* (в отличие от меньшевизма. *Л. К.) сосредоточил в своих рядах, благодаря своей непримиримой линии, действительно революционные элементы, создал революционно-сплоченную организацию*". Иначе говоря: теория-то у ленинцев-

большевиков была немногим лучше, чем у меньшевиков, и, с „точки зрения идей перманентной революции", так же мало годилась для революционного пролетариата, как и меньшевистская теория, но... ленинцам удалось „сосредоточить в своих рядах действительно революционные элементы", „создать организацию".

До сих пор мы думали, что ленинцы, и только ленинцы, сосредоточили в своих рядах действительно революционные элементы пролетариата *именно потому*, что обладали *правильной теорией*, создали и сплотили пролетарскую организацию *именно потому*, что создавали и сплачивали ее вокруг *определенной*—и оправдывавшейся на всех этапах трех революций—*программы и тактики*. Рассуждая так, мы оставались марксистами. Но это марксистское рассуждение не годится „с точки зрения идей перманентной революции". Ведь, „с точки зрения" этой „идеи" у большевиков до 1917 года не было „правильной теории", а их программа и тактика хотя и были „непримиримы", но историей не оправданы, а опровергнуты. И приходится тов. Троцкому „с точки зрения идей перманентной революции" утверждать, что большевики и *только* большевики, „сосредоточили в своих рядах действительно революционные элементы" и „создали революционно-сплоченную организацию" вокруг... неправильной теории революции и неоправданной историей программы и тактики. Это, может быть, очень гладко „с точки зрения идей перманентной революции", но это никуда не годится с точки зрения марксизма. Кроме того, остается неясным: почему же тов. Троцкому, который, не в пример Ленину, уже лет за 12 до 1917 года имел и „безусловно правильную" теорию, и „вполне" оправдавшуюся программу революции, не привелось ни сосредоточить вокруг „идей перманентной революции" действительно революционные элементы пролетариата, ни создать вокруг них „сплоченной организации". Нет, негладко выходит у тов. Троцкого!

Ясно одно: „с точки зрения идей перманентной революции" нельзя ни понять революции, ни об'яснить историю партии, ни руководить политикой партии.

* * *

Мы поставили во главе нашей заметки вопрос: был ли Ленин действительно вождем пролетариата в революции? Мы его поставили потому, что весь смысл выступления т. Троцкого

сводится к утверждению, что *до 1917 года* ответы Ленина на основные вопросы революции были неверны, а *после 1917 г.* Ленин отвечал на них *по-троцкистски*. Ленин и партия большевиков нераздельны. Ленинизм и большевизм—одно и то же. Выступление т. Троцкого сводится к утверждению, что партия была права в основных вопросах политики только тогда, и только постольку, когда и поскольку ее линия в этих вопросах совпадала с линией т. Троцкого. Это утверждение могло показаться чудовищным, невероятным (невероятным по невероятному вниманию к своему „я", к своей собственной роли). Опубликованное тов. Ольминским письмо тов. Троцкого целиком подтверждает, что и в 1921 году он стоял на этой же точке зрения. С неоставляющей желать ничего лучшего ясностью, письмо это отрицает роль Ленина и ленинизма в исторической подготовке пролетарской революции 1917 года, утверждает правильность троцкизма *против* ленинизма, прокламирует безусловную правильность идей перманентной революции, заявляет, что тов. Троцкому нет необходимости вносить какие бы то ни было поправки в свои статьи дореволюционного десятилетия против Ленина, касающиеся основных вопросов революции. Над этими смешными претензиями можно было бы только посмеяться и пройти мимо к практической работе сегодняшнего дня, если бы... если бы эти претензии ограничивались вчерашним днем истории. Но тов. Троцкий хватает дальше. Подмена ленинизма троцкизмом в прошлом нужна для того, чтобы пред'явить право давать партии „уроки" сегодня и завтра. Оправдание теории перманентной революции в прошлом, доказательство ее правильности, рядом с доказательством краха ленинской теории в прошлом нужно для того, чтобы сделать эту теорию руководящим принципом сегодняшней и завтрашней политики партии и Коминтерна. Тов. Троцкий—не историк. Мы—тоже. Спор о том, Ленин или Троцкий были правы *вчера*, есть спор о том, вести ли революцию *завтра* путем Ленина или путем Троцкого. Троцкий утверждает, что Ленин мог стать вождем Октября, лишь приняв „перманентную революцию" Троцкого. Мы утверждаем, что Ленин мог стать вождем Октября и построить диктатуру пролетариата, лишь отбросив прочь троцкизм с его перманентной недооценкой крестьянства. Вот суть спора. Сегодня он ведется в форме спора о роли той или другой теории, организации, наконец,

личности *вчера,* завтра он примет форму спора о конкретных политических и экономических мероприятиях. Теория перманентной революции, противопоставленная ленинизму, обрекает своих сторонников на постоянные переходы от отчаяния к авантюрам; в своем практическом выражении она ведет к срыву союза рабочих с крестьянством: она основана вся целиком на недооценке крестьянства, на недооценке значения для пролетариата союза с крестьянством, на теоретическом и практическом пренебрежении к крестьянству.

Путь Ленина, ленинизма, ленинцев—союз с крестьянством, величайшее внимание к крестьянству, внимательнейшее изучение форм сотрудничества рабочего и крестьянина, укрепление диктатуры пролетариата путем укрепления доверия крестьянства к рабочему.

Это—путь Ленина. Это и путь партии. Только на этом пути мы можем окончательно победить.

Письмо тов. Троцкого подтверждает, что свой путь он старательно отделял и отделяет от пути Ленина. Зачем?

Л. Каменев.

УРОКИ ОКТЯБРЯ.

Нужно изучать Октябрь.

Если нам повезло в Октябрьской революции, то Октябрьской революции не повезло в нашей печати. До сих пор еще у нас нет ни одной работы, которая давала бы общую картину Октябрьского переворота, выделяя его важнейшие политические и организационные моменты. Более того, даже сырые материалы, непосредственно характеризующие отдельные стороны подготовки переворота, или самого переворота—и притом важнейшие документы,—не изданы до сих пор. Мы много издаем историко-революционных и историко-партийных документов и материалов, относящихся к до-октябрьскому периоду, мы не мало издаем материалов по-октябрьской эпохи. Но Октябрю уделяется гораздо меньшее внимание. Совершив переворот, мы как бы решили, что повторять его нам все равно не придется. От изучения Октября, условий его непосредственной подготовки, его совершения, первых недель его закрепления мы как бы не ждали прямой и непосредственной пользы для неотложных задач дальнейшего строительства.

Однако, такая оценка, хотя бы и полусознательная, представляется глубоко ошибочной, да к тому же еще и национально-ограниченной. Если нам не предстоит более повторять опыт Октябрьской революции, то это вовсе не значит, что нам нечему учиться на этом опыте. Мы—часть Интернационала, а пролетариат всех других стран только еще стоит перед разрешением своей „октябрьской“ задачи. И мы имели за последний год достаточно убедительные доказательства того, что наш октябрьский опыт не только не вошел в плоть и кровь хотя бы только наиболее зрелых коммунистических партий Запада, но и прямотаки неизвестен им с фактической стороны.

Можно, правда, указать на то, что нельзя изучать Октябрь и даже издавать октябрьские материалы, не вороша при этом старые разногласия. Но такой подход к вопросу был бы слишком уже ничтожным. Разумеется, разногласия 1917 г. были очень глубоки и отнюдь не случайны. Но было бы слишком мизерно пытаться делать из них теперь, спустя несколько лет, орудие борьбы против тех, кто тогда ошибался. Еще недопустимее, однако, было бы из-за третьестепенных соображений персонального характера молчать о важнейших проблемах октябрьского переворота, имеющих международное значение.

Мы имели в прошлом году два жестоких поражения в Болгарии: сперва партия, по соображениям доктринерски-фаталистического характера, упустила исключительно благоприятный момент для революционного действия (восстание крестьян после июньского переворота Цанкова); затем, стремясь исправить ошибку, партия бросилась в сентябрьское восстание, не подготовив для него ни политических, ни организационных предпосылок. Болгарская революция должна была явиться вступлением к немецкой революции. К несчастью, дурное болгарское вступление нашло еще худшее развитие в самой Германии. Мы наблюдали там во второй половине прошлого года классическую демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения. Опять-таки ни болгарский, ни даже германский опыты прошлого года до сих пор не нашли достаточно полной и конкретной оценки. Автор этих строк дал общую схему развития немецких событий в прошлом году (см. книжку „Восток и Запад", в главах „На повороте" и „Через какой этап мы проходим"). Все, что произошло с того времени, целиком и полностью подтвердило эту схему. Никакого другого об'яснения никто другой не пытался представить. Но схемы нам мало, нам необходима конкретная, насыщенная фактическим материалом картина развития прошлогодних немецких событий, которая выяснила бы во всей конкретности причины жесточайшего исторического поражения.

Но трудно говорить об анализе событий в Болгарии и в Германии, когда мы до сих пор не дали политически и тактически проработанной картины Октябрьского переворота. Мы сами для себя не уяснили того, что совершили и как совершили. После Октября казалось сгоряча, что события в Европе развернутся сами собой и притом в такой короткий срок, который не оставит времени для теоретического усвоения октябрьских уроков. Но оказалось, что при отсутствии партии, способной руководить пролетарским переворотом, самый этот переворот становится невозможным. Стихийным восстанием пролетариат не может взять власть: даже в высоко-индустриальной и высоко-культурной Германии стихийное восстание трудящихся (в ноябре 1918 года) оказалось способно лишь передать власть в руки буржуазии. Имущий класс способен овладеть властью, выбитой из рук другого имущего класса, опираясь на свои богатства, на свою „культурность", на свои неисчислимые связи со старым государственным аппаратом. Пролетариату же ничто не может заменить его партии. С середины 1921 года только и начинается по-настоящему период оформленного строительства коммунистических партий („борьба за массы", „единый фронт" и пр.). „Октябрьские" задачи отодвинулись. Вместе с тем отодвинулось и изучение Октября. Прошлый год снова

поставил нас лицом к лицу с задачами пролетарского переворота. Пора собрать все документы, издать все материалы и приступить к их изучению!

Разумеется, мы знаем, что каждый народ, каждый класс и даже каждая партия учатся, главным образом, на собственной спине. Но это вовсе не значит, что опыт других стран, классов и партий имеет маловажное значение. Без изучения Великой Французской революции, революции 48 года и Парижской Коммуны мы никогда бы не совершили Октябрьского переворота, даже имея опыт 1905 года: ведь и этот наш „национальный" опыт мы проделывали, опираясь на выводы прежних революций и продолжая их историческую линию. А затем весь период контр-революции был заполнен изучением уроков и выводов 1905 года. Между тем, в отношении победоносной революции 1917 года нами не проделано такой работы хотя бы и в одной десятой части. Конечно, мы живем не в годы реакции и не в эмиграции. Зато и силы и средства, какимы мы располагаем ныне, не идут ни в какое сравнение с теми тяжкими годами. Надо лишь ясно и отчетливо поставить задачу изучения Октябрьской революции как в партийном масштабе, так и в масштабе всего Интернационала. Надо, чтобы вся партия и особенно ее молодые поколения проработали шаг за шагом опыт Октября, который дал величайшую, неоспоримую, безапелляционную проверку прошлого и открыл широкие двери будущему. Прошлогодний немецкий урок является не только серьезным напоминанием, но и грозным предостережением.

Можно, правда, сказать, что и самое серьезное знакомство с ходом Октябрьского переворота еще не давало бы гарантий победы нашей немецкой партии. Но такого рода огульное и по-существу филистерское резонерство неспособно ни на шаг подвинуть нас вперед. Конечно, одного изучения Октябрьской революции недостаточно для победы в других странах; но могут быть условия, когда все предпосылки для революции налицо, кроме дальнозоркого и решительного партийного руководства, основанного на понимании законов и методов революции. Таково именно было положение в прошлом году в Германии. Оно может повториться и в других странах. Для изучения же законов и методов пролетарской революции нет до настоящего времени более важного и глубокого источника, как наш октябрьский опыт. Руководители европейских коммунистических партий, которые не проработали бы критически и притом во всей конкретности историю Октябрьского переворота, походили бы на военачальника, который, готовясь в нынешних условиях к новым войнам, не изучал бы стратегического, тактического и технического опыта последней империалистской войны. Такой военачальник неизбежно обрек бы в будущем свои армии на поражение.

Основным инструментом пролетарского переворота служит партия. На основании нашего опыта, взятого хотя бы только на протяжении года (от февраля 1917 до февраля 1918), и на основании дополнительного опыта в Финляндии, Венгрии, Италии, Болгарии, Германии можно установить, почти что в качестве непреложного закона, неизбежность партийного кризиса при переходе от подготовительной революционной работы к непосредственной борьбе за власть. Кризисы внутри партии, вообще говоря, возникают на каждом серьезном повороте партийного пути, как преддверие поворота или как его последствие. Об'ясняется это тем, что каждый период в развитии партии имеет свои особые черты и пред'являет спрос на определенные навыки и методы работы. Тактический поворот означает большую или меньшую ломку этих навыков и методов: здесь непосредственный и ближайший корень внутрипартийных трений и кризисов. „Слишком часто бывало, писал Ленин в июле 1917 г.,—что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл „внезапно“ настолько же, насколько „внезапен“ был крутой поворот истории“ (т. XIV, ч. 2, стр. 12). Отсюда вырастает опасность: если поворот слишком крут или слишком внезапен, а предшествующий период накопил слишком много элементов инерции и консерватизма в руководящих органах партии, партия оказывается неспособной осуществить свое руководство в наиболее ответственный момент, к которому она готовилась в течение годов или десятилетий. Партия раз'едается кризисом, а движение идет мимо нее—к поражению.

Революционная партия находится под давлением других политических сил. В каждый данный период своего развития она вырабатывает свои способы противодействия и отпора им. При тактическом повороте и связанных с этим внутренних перегруппировках и трениях сила сопротивляемости партии ослабевает. Отсюда постоянная возможность того, что внутренние группировки в партии, вырастающие из необходимости тактического поворота, могут далеко перерасти свои исходные пункты и послужить опорой для различных классовых тенденций. Проще сказать: партия, которая не идет в ногу с историческими задачами своего класса, становится или рискует стать косвенным орудием других классов.

Если сказанное выше верно в отношении каждого серьезного тактического поворота, то оно тем более верно в отношении больших стратегических поворотов. Под тактикой в политике, по аналогии с военным делом, мы понимаем искусство ведения отдельных операций; под стратегией — искусство побеждать, т.-е. овладеть властью. Этого различения мы не делали обык-

новенно до войны, в эпоху Второго Интернационала, ограничиваясь только понятием социал-демократической тактики. И это не случайно: у социал-демократии была парламентская тактика, профессиональная, муниципальная, кооперативная и пр. Вопрос же о сочетании всех сил и средств—всех родов войск—для одержания победы над врагом, по существу, и не ставился в эпоху Второго Интернационала, поскольку не ставилась практически задача борьбы за власть. Только революция 1905 г. выдвинула впервые, после большого перерыва, основные или стратегические вопросы пролетарской борьбы. Этим самым она обеспечила огромные преимущества за русскими революционными социал-демократами, т.-е. за большевиками. Большая эпоха революционной стратегии начинается с 1917 г., сперва для России, а затем и для всей Европы. Стратегия, разумеется, не устраняет тактики: вопросы профессионального движения, парламентской деятельности и пр. не сходят с нашего поля зрения, но получают ныне новое значение, как подчиненные методы комбинированной борьбы за власть. Тактика подчиняется стратегии.

Если тактические повороты ведут обыкновенно к внутренним трениям в партии, то насколько же сильнее и глубже должны быть трения, вызываемые стратегическим поворотом! А самый крутой поворот—это тот, когда партия пролетариата от подготовки, от пропаганды, от организации и агитации переходит к непосредственной борьбе за власть, к вооруженному восстанию против буржуазии. Все, что в партии остается нерешительного, скептического, соглашательского, капитулянтского—меньшевистского,—поднимается против восстания, ищет для своей оппозиции теоретических формул и находит их готовыми—у вчерашних противников-оппортунистов. Это явление мы будем еще наблюдать не раз.

В период от февраля до октября, на основе широчайшей агитационной и организационной работы в массах, шел последний осмотр и отбор оружия партии перед решающим боем. В октябре и после октября это оружие было проверено в гигантском историческом действии. Теперь, несколько лет после Октября, заниматься оценкой разных точек зрения на революцию вообще, русскую в частности, и обходить при этом опыт 1917 г., значило бы заниматься бесплодной схоластикой, но никак не марксистким анализом политики. Это все ровно, как если бы мы стали упражняться в спорах о преимуществах разных систем плавания, но упорно отказывались бы повернуть глаза к реке, где эти самые системы применяются купающимися людьми. Не существует лучшей проверки точек зрения на революцию, как применение их во время самой революции,—совершенно так же, как система плавания лучше всего проверяется тогда, когда пловец прыгает в воду.

„Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства".—Февраль и Октябрь.

Октябрьская революция ходом и исходом своим нанесла беспощадный удар той схоластической пародии на марксизм, которая весьма широко распространена была в русских социал-демократических кругах, начиная, отчасти, еще с группы „Освобождение Труда", и которая наиболее законченное свое выражение нашла у меньшевиков. Сущность этого лже-марксизма состояла в том, что он условную и ограниченную мысль Маркса,—„передовые страны показывают отсталым образ их будущего развития,"—превратил в некоторый абсолютный, сверхисторический по выражению Маркса, закон, и на этом законе пытался обосновать тактику партии рабочего класса. При такой постановке вопроса не могло, разумеется, быть и речи о борьбе русского пролетариата за власть до тех пор, пока экономически более развитые страны не создали для этого „прецедента". Не подлежит, разумеется, спору, что каждая отсталая страна находит *некоторые* черты своего будущего в истории передовых стран, но о повторении развития в целом не может быть и речи. Наоборот, чем больше капиталистическое хозяйство принимало мировой характер, тем своеобразнее становилась судьба отсталых стран, которые сочетали элементы своей отсталости с последним словом капиталистического развития. Энгельс писал в предисловии к своей „Крестьянской войне": „На известном этапе—*который не везде должен наступить одновременно или на одинаковой ступени развития*—буржуазия начинает замечать, что ее пролетарский спутник перерастает через ее голову". Ходом исторического развития русской буржуазии пришлось сделать это наблюдение раньше и полнее всякой другой. Ленин дал еще накануне 1905 года своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап к социалистической диктатуре пролетариата, опирающегося на крестьянство. Ленинская постановка вопроса, насквозь революционная, динамическая, была целиком и полностью противопоставлена меньшевистской схеме, согласно которой Россия могла претендовать лишь на повторение истории передовых народов, с буржуазией у власти, с социал-демократией в оппозиции. Но у известных кругов нашей партии ударение в ленинской формуле ставилось не на *диктатуре* пролетариата и крестьянства, а на ее *демократическом* характере, который противопоставлялся социалистическому характеру. Это опять-таки означало: в России, как отсталой стране, мыслима только демократическая революция. Социалистический переворот должен начаться на Западе. Мы сможем

стать на путь социализма лишь вслед за Англией, Францией и Германией. Но такая постановка вопроса неизбежно сбивалась на меньшевизм, и это обнаружилось полностью в 1917 г., когда задачи революции встали не как вопросы прогноза, а как вопросы действия.

Становиться, в реальных условиях революции, на позицию доведенной до конца демократии *против* социализма, как „преждевременного", означало политически сдвигаться с пролетарской позиции на мелкобуржуазную, переходить на положение левого фланга национальной революции.

Февральская революция, если ее брать как самостоятельную революцию, была буржуазной. Но как буржуазная революция она явилась слишком поздно и не заключала в себе никакой устойчивости. Раздираясь противоречиями, сразу же нашедшими себе выражение в двоевластии, она должна была либо превратиться в непосредственное вступление к пролетарской революции — что и произошло, — либо под тем или другим буржуазно-олигархическим режимом, отбросить Россию в полуколониальное существование. Наступивший после февральского переворота период можно было, следовательно, рассматривать двояко: либо как период закрепления, развития, или завершения „демократической" революции, либо как период подготовки пролетарской революции. На первой точке зрения стояли не только меньшевики и эсэры, но и известная часть руководящих элементов нашей собственной партии. Разница была та, что они действительно стремились толкнуть демократическую революцию как можно дальше влево. Но метод, по существу, был тот же: „давление" на правящую буржуазию—с таким расчетом, чтобы это давление не выходило за рамки буржуазно-демократического режима. Если бы эта политика воспреобладала, развитие революции пошло бы в обход нашей партии, и мы получили бы, в конце концов, восстание рабочих и крестьянских масс без партийного руководства, другими словами — июльские дни гигантского масштаба, т. е. уже не как эпизод, а как катастрофу.

Совершенно очевидно, что непосредственным последствием такой катастрофы явился бы разгром партии. Этим дается мера всей глубины разногласий.

Влияние меньшевиков и эсэров в первый период революции не было, разумеется, случайным; оно отражало собою обилие мелко-буржуазных, т. е. прежде всего крестьянских, масс в народе и незрелость самой революции. Именно незрелость революции, при совершенно своеобразных условиях, созданных войною, вручала мелко-буржуазным революционерам руководство или, по крайней мере, видимость руководства, состоявшего в том, что они защищали исторические права буржуазии на власть. Но это вовсе не значит, что русская революция могла идти

только тем путем, каким она пошла с февраля по октябрь 1917 г. Этот последний путь вытекал не только из классовых отношений, но и из тех временных условий, какие создала война. Благодаря войне, крестьянство оказалось организовано и вооружено в виде многомиллионной армии. Прежде, чем пролетариат успел организоваться под своим знаменем, чтобы повести за собою массы деревни, мелко-буржуазные революционеры нашли естественную опору в возмущенной войной крестьянской армии. Весом этой многомиллионной армии, от которой ведь все непосредственно зависело, мелко-буржуазные революционеры давили на пролетариат и вели его первое время за собой. Что ход революции мог бы быть и другим на тех же классовых основах, об этом лучше всего свидетельствуют события, предшествовавшие войне. В июле 1914 г. Петроград сотрясался революционными стачками. Дело доходило до открытых уличных столкновений. В этом движении безусловное руководство принадлежало подпольной организации и легальной печати нашей партии. Большевизм укреплял свое влияние в прямой борьбе против ликвидаторства и мелко-буржуазных партий вообще. Дальнейший рост движения означал бы прежде всего рост большевистской партии. Советы рабочих депутатов 1914 г.— если бы дело дошло до Советов—были бы, по всей вероятности, уже на первых порах большевистскими. Пробуждение деревни пошло бы под прямым и косвенным руководством городских Советов, руководимых большевиками. Это не значит непременно, что эсэры сразу были бы обречены в деревне на исчезновение; нет, по всей вероятности, первый этап крестьянской революции прошел бы под народническим знаменем. Но при намеченном нами развитии событий сами народники оказались бы вынуждены выдвинуть вперед свое левое крыло, ища смычки с большевистскими Советами в городах. Непосредственный исход восстания зависел бы, разумеется, и в этом случае прежде всего от настроения и поведения армии, связанной с крестьянством. Невозможно, да и нет нужды гадать задним числом, привело ли бы движение 1914—15 г.г. к победе, если бы не грянула война, включившая в цепь развития новое гигантское звено. Но многое говорит за то, что, если бы победоносная революция развернулась по тому пути, началом которого были июльские события 1914 г., низвержение царизма означало бы, по всей вероятности, непосредственный приход к власти революционных рабочих Советов, которые через посредство (на первых порах!) левых народников, вовлекали бы в свою орбиту крестьянские массы.

Война прервала развертывавшееся революционное движение, отсрочила, а затем чрезвычайно ускорила его. Через посредство многомиллионной армии война создала для мелко-буржуазных партий совершенно исключительную, не только социальную,

но и организационную базу: ведь особенность крестьянства в том и состоит, что его, при всей его многочисленности, даже когда оно революционно, трудно превратить в организационную базу! Встав на плечи готовой организации, армии, мелко-буржуазные партии импонировали пролетариату, обволакивая и его оборончеством. Вот почему Ленин сразу неистово выступает против старого лозунга „демократической диктатуры пролетариата и крестьянства", означавшего в новых условиях превращение большевистской партии в левый фланг оборонческого блока. Ленин видел главную задачу в том, чтобы вывести пролетарский авангард из оборонческого болота на чистое место. Лишь при этом условии пролетариат мог стать—на следующем этапе—стержнем группировки трудящихся масс деревни. Но как же быть при этом с демократической революцией, или, точнее, с демократической диктатурой пролетариата и крестьянства? Ленин дает беспощадный отпор тем „старым большевикам", которые „не раз уже,—говорит он,—играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно *заученную* формулу, вместо *изучения* своеобразия новой, живой действительности". „Надо равняться не по старым формулам, а по новой действительности"[1]. Ленин спрашивает: „Охватывается ли эта действительность старо-большевистской формулой т. Каменева: „буржуазно-демократическая революция не закончена"? Нет,—отвечает он—формула устарела. Она никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее" [1]).

Правда, Ленин иногда говорил, что Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов в первую эпоху февральской революции осуществляли собою *до известной степени* революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. И это верно постольку, поскольку эти Советы вообще осуществляли власть. Но, как неоднократно раз'яснял Ленин, Советы февральского периода осуществляли лишь полувласть. Они поддерживали власть буржуазии, оказывая на нее полуоппозиционное „давление". Именно это их межеумочное положение и позволяло им не выходить из рамок демократической коалиции рабочих, крестьян и солдат. По формам властвования, эта коалиция, поскольку она опиралась не на урегулированные государственные отношения, а на вооруженную силу и непосредственное революционное усмотрение, тяготела к диктатуре, не доростая, однако, до нее на несколько голов. Именно в этой демократической неоформленности полувластной коалиции рабочих, крестьян и солдат заключалась неустойчивость соглашательских Советов. Они должны были либо сойти на-нет, либо взять в свои руки власть по-настоящему. А взять власть они могли не в качестве демократической коалиции рабочих и крестьян, представленных разными партиями,

[1]) Н. Ленин, собрание сочинений, том XVI, ч. I, стр. 28 и 33.

а в качестве диктатуры пролетариата, руководимого единой партией и ведущего за собой крестьянские массы, начиная с их полупролетарских слов. Другими словами, демократическая рабоче-крестьянская коалиция могла наметиться лишь как незрелая, не поднявшаяся до подлинной власти форма, — как тенденция, но не как факт. Дальнейшее движение в сторону власти должно было неизбежно взорвать демократическую оболочку, поставить большинство крестьянства перед необходимостью следовать за рабочими, дать пролетариату возможность осуществлять классовую диктатуру и тем самым поставить в порядок дня, на ряду с полной и беспощадно-радикальной демократизацией общественных отношений, чисто социалистическое вторжение рабочего государства в права капиталистической собственности. Кто продолжал в этих условиях держаться за формулу „демократической диктатуры", тот на деле отказывался от власти и вел революцию в тупик.

Основной спорный вопрос, вокруг которого группировались все остальные, был таков: бороться за власть или нет? брать ее или не брать? Уже одно это показывает, что мы имели перед собой не эпизодическое расхождение взглядов, а две тенденции исключительного принципиального значения. Одна из этих тенденций, основная, была пролетарской и выводила на дорогу мировой революции; другая была „демократической", т. е. мелко-буржуазной, и вела в последнем счете к подчинению пролетарской политики потребностям реформирующегося буржуазного общества. Тенденции эти сталкивались враждебно на всех сколько-нибудь существенных вопросах всего 1917 г. Именно революционная эпоха, т. е. такое время, когда накопленный капитал партии пускается в непосредственный оборот, должна была неизбежно вскрыть и обнаружить на деле такого рода разногласия. В большей или меньшей степени, с теми или другими отклонениями, эти две тенденции будут еще не раз проявляться в революционный период во всех странах. Если под большевизмом, выделяя самое в нем существенное, понимать такое воспитание, такой закал, такую организацию пролетарского авангарда, при которых он становится способен вооруженною рукою захватить власть; если социал-демократизм понимать в смысле реформистски-оппозиционной деятельности в рамках буржуазного общества и приспособления к его легальности, т. е. фактического воспитания масс в духе признания незыблемости буржуазного государства, — то совершенно ясно, что даже и внутри Коммунистической партии, которая, ведь, не выходит сразу готовой из печи истории, борьба между социал-демократическими тенденциями и большевизмом должна ярче, открытее, незамаскированнее всего обнаружиться в непосредственно-революционный период, когда вопрос о власти становится ребром.

Задача завоевания власти поставлена была перед партией только 4 апреля, т. е. после прибытия Ленина в Петроград. Но и с этого момента линия партии отнюдь еще не имеет целостного, неразрывного, для всех бесспорного характера. Несмотря на решения апрельской конференции 1917 года, сопротивление революционному курсу—то глухое, то открытое—проходит через весь подготовительный период.

Изучение хода разногласий между февралем и закреплением Октябрьского переворота представляет не только исключительный теоретический интерес, но и неизмеримое практическое значение. Разногласия, вскрывшиеся на II с'езде, в 1903 г., Ленин назвал в 1910 году „антиципацией", т. е. предвосхищением. Очень важно прослеживать эти разногласия, начиная с их истоков, т. е. с 1903 г. и даже ранее того, например с „экономизма". Но это изучение получает смысл лишь в том случае, если оно доводится до конца и проводится через тот период, когда разногласия подверглись решающему испытанию, т. е. через Октябрь.

Мы не можем ставить себе задачей, в пределах настоящих страниц, исчерпать все стадии этой борьбы. Но мы считаем необходимым хоть отчасти заполнить тот вопиющий пробел, который имеется в нашей литературе по отношению к наиболее важному периоду в развитии нашей партии.

В центре разногласий стоит, как уже сказано, вопрос о власти. Это вообще оселок, на котором определяется характер революционной (и не только революционной) партии. В тесной зависимости от вопроса о власти ставится и разрешается в этот период вопрос о войне. Мы рассмотрим оба эти вопроса по главнейшим хронологическим вехам: позиция партии и партийной печати в первый период после низвержения царизма, до прибытия Ленина; борьба вокруг тезисов Ленина; апрельская конференция; последствия июльских дней; корниловщина; Демократическое Совещание и Предпарламент; вопрос о вооруженном восстании и захвате власти (сентябрь—октябрь); вопрос об „однородном" социалистическом правительстве.

Изучение этих разногласий позволит нам, как мы надеемся, сделать выводы, могущие иметь значение и для других партий Коммунистического Интернационала.

Борьба с войной и оборончеством.

Низвержение царизма в феврале 1917 года знаменовало, конечно, гигантский прыжок вперед. Но если взять февраль только в рамках февраля, т. е. не как ступень к Октябрю, он означал лишь, что Россия приблизилась к типу, скажем, буржуазно-республиканской Франции. Мелко-буржуазные революционные партии, как им и полагается, взяли февральскую

революцию не как буржуазную, но и не как ступень к социалистической, а как некоторую „демократическую“ самоценность. На этом они и построили идеологию революционного оборончества. Они защищали не господство того или другого класса, а „революцию“ и „демократию“. Но и в нашей собственной партии революционный февральский сдвиг породил на первых порах чрезвычайное нарушение политических перспектив. По существу дела, „Правда“ в дни марта была гораздо ближе к позиции революционного оборончества, чем к позиции Ленина.

„Когда армия стоит против армии, — читаем мы в одной из редакционных статей, — самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика не была бы политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд—снарядом. Это непреложно. Мы не должны допустить никакой дезорганизации военных сил революции“ („Правда“, № 9, 15 марта 1917 г., статья: „Без тайной дипломатии“). Речь идет не о классах, господствующих и угнетенных, а о „свободном народе“; не классы борются за власть, а свободный народ стоит „на своем посту“. Идеи, как и формулировки, насквозь оборонческие! И далее в той же статье: „Не дезорганизация революционной и революционизирующейся армии и не бессодержательное „долой войну“ — наш лозунг. Наш лозунг — давление (!) на Временное Правительство с целью заставить его открыто, перед всей мировой демократией (!), непременно выступить с попыткой (!) склонить (!) все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны. А до тех пор каждый (!) остается на своем боевом посту (!)“. Программа давления на империалистическое правительство с целью „склонить“ его к благочестивому образу действий была программой Каутского-Ледебура в Германии, Жана Лонгэ во Франции, Макдональда в Англии, но никак не программой большевизма. Статья заканчивается не только „горячим приветствием“ пресловутому манифесту Петроградского Совета „К народам всего мира“ (манифест этот полностью продиктован духом революционного оборончества), но и „с удовольствием“ отмечает солидарность редакции с явно оборонческими резолюциями двух петроградских митингов. Достаточно указать, что одна из этих резолюций заявляет: „Если германская и австрийская демократии не услышат нашего голоса (т. е. „голоса“ Временного Правительства и соглашательского Совета. *Л. Т.*), мы будем защищать нашу родину до последней капли крови“ („Правда“, № 9, 15 марта 1917 г.).

Цитированная статья—не исключение. Наоборот, она вполне точно выражает позицию „Правды“ — до возвращения Ленина

в Россию. Так, в следующем номере газеты, в статье „О войне", хоть и имеются кое-какие критические замечания по поводу „манифеста к народам", но в то же время заявляется: „Нельзя не приветствовать вчерашнее воззвание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде к народам всего мира с призывом заставить собственные правительства прекратить бойню" („Правда", № 10, 16 марта 1917 г.). На каком же пути искать выхода из войны? На этот счет дается ответ: „Выход — путь давления на Временное Правительство с требованием заявления своего согласия немедленно открыть мирные переговоры" (там же).

Таких и подобных цитат — скрыто-оборонческих, замаскированно-соглашательских — можно было бы привести не мало. А в то же самое время, даже неделей ранее, Ленин, еще не вырвавшийся из своей цюрихской клетки, громил в своих „Письмах издалека" (большинство их так и не дошло до „Правды") всякий намек на уступку оборончеству и соглашательству. „Абсолютно недопустимо,—писал он 8 (21) марта, улавливая облик революционных событий через кривое зеркало капиталистической информации,—скрывать от себя и от народа, что это правительство хочет продолжения империалистической войны, что оно — агент английского капитала, что оно хочет восстановления монархии и укрепления господства помещиков и капиталистов" („Пролетарская революция", № 7 (30), стр. 299). И затем, 12 марта: „Обращаться к этому правительству с предложением заключить мир—все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели" (там же, стр. 243). В то время как „Правда" призывает к „давлению" на Временное Правительство с целью заставить его выступить в пользу мира „перед всей мировой демократией", Ленин пишет: „Обращение к гучковско-милюковскому правительству с предложением заключить поскорее честный, демократический, добрососедский мир, есть то же самое, что обращение доброго деревенского „батюшки" к помещикам и купцам с предложением жить „по-божески", любить своего ближнего и подставлять правую щеку, когда ударят по левой" (там же, стр. 244—245).

4 апреля, на другой день после приезда в Петроград, Ленин решительно выступил против позиции „Правды" в вопросе о войне и мире: „Никакой поддержки Временному Правительству,—писал он,—раз'яснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии „требования", чтобы *это* правительство, правительство капиталистов *перестало* быть империалистским" (том XIV, ч. 1, стр. 18). Незачем говорить, что воззвание соглашателей от 14 марта, вызвавшее столь приветственные отзывы со стороны „Правды", Ленин называет не иначе, как „пресловутым" и „путанным". Величайшее лицемерие — призывать другие народы рвать

со своими банкирами и в то же время создавать с собственными банкирами коалиционное правительство. „Центр" весь клянется и божится, говорит Ленин в проекте платформы, — что они марксисты, интернационалисты, что они за мир, за всяческие „давления" на правительство, за всяческие „требования" к своему правительству о „выявлении им воли народа к миру" (том XIV, ч. I, стр. 52).

Но разве революционная партия—можно бы, на первый взгляд, возразить—отказывается от „давления" на буржуазию и ее правительство? Разумеется, нет. Давление на буржуазное правительство есть путь реформ. Марксистская революционная партия не отказывается от реформ. Но путь реформ пригоден в отношении к второстепенным, а не к основным вопросам. Нельзя путем реформ получить власть. Нельзя путем „давления" заставить буржуазию изменить свою политику в том вопросе, с которым связана вся ее судьба. Война тем именно и создала революционную ситуацию, что не оставила места для реформистского „давления": нужно было либо идти за буржуазией до конца, либо поднимать против нее массы с целью вырвать у нее власть. В первом случае можно было получать от буржуазии те или другие подачки во внутренней политике, под условием неограниченной поддержки внешней политики империализма. Именно поэтому социалистический реформизм с начала войны открыто превратился в социалистический империализм. Именно поэтому действительно революционные элементы оказались вынуждены приступить к созданию нового Интернационала.

Точка зрения „Правды" не пролетарски-революционная, а демократически-оборонческая, хотя и половинчатая в своем оборончестве. Мы низвергли царизм, мы оказываем давление на демократическую власть. Эта последняя должна предложить мир народам. Если германская демократия не сможет оказать надлежащее давление на свое правительство, мы будем защищать „родину" до последней капли крови. Перспектива мира не ставилась как самостоятельная задача рабочего класса, которую он призван осуществить через голову буржуазного Временного Правительства, потому что завоевание пролетариатом власти не ставилось как практическая революционная задача. Между тем, одно неотделимо от другого.

Апрельская конференция.

Речь Ленина на Финляндском вокзале о социалистическом характере русской революции произвела на многих руководителей партии впечатление взорвавшейся бомбы. Полемика между Лениным и сторонниками „завершения демократической революции" началась с первого же дня.

Предметом острого столкновения явилась вооруженная апрельская демонстрация, в которой раздался лозунг: „Долой

Временное Правительство!". Это обстоятельство дало повод отдельным представителям правого крыла обвинить Ленина в бланкизме: низвержение Временного Правительства, поддерживавшегося в тот период советским большинством, могло-де быть достигнуто только в обход большинства трудящихся. Формально упрек мог казаться не лишенным убедительности, но по существу в ленинской апрельской политике не было и тени бланкизма. Весь вопрос состоял для него как раз в том, в какой мере Советы продолжают отражать действительное настроение масс, и не обманывается ли партия, ориентируясь по советскому большинству. Апрельская манифестация, взятая „левее", чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством. Разведка привела к выводу о необходимости длительной подготовительной работы. Мы видим, как Ленин в начале мая сурово одергивает кронштадтцев, которые, зарвавшись, заявили о непризнании ими Временного Правительства... Совсем иначе подходили к этому вопросу противники борьбы за власть. На партийной конференции в апреле тов. Каменев жаловался: „В 19 номере „Правды" товарищами (речь идет, очевидно, о Ленине. *Л. Т.*) предложена была сперва резолюция о свержении Временного Правительства, напечатанная до последнего кризиса, а затем этот лозунг был отвергнут как дезорганизаторский, признан авантюристским. Это значит, что наши т.т. научились чему-то во время этого кризиса. Предложенная резолюция (т. е. резолюция, предложенная Лениным конференции. *Л. Т.*) повторяет эту ошибку"... Эта постановка вопроса в высшей степени знаменательна. Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения Временного Правительства, но снял его на недели или на месяцы, в зависимости от того, с какой скоростью будет нарастать возмущение масс против соглашателей. Оппозиция же считала самый этот лозунг ошибкой. Во временном отступлении Ленина не было и намека на изменение линии. Он исходил не из того, что демократическая революция еще не закончена, а исключительно из того, что масса сегодня оказалась еще неспособной свергнуть Временное Правительство и что нужно поэтому сделать все, чтобы рабочий класс оказался способен опрокинуть Временное Правительство завтра.

Вся апрельская конференция партии была посвящена этому основному вопросу: идем ли мы к завоеванию власти во имя социалистического переворота, или же помогаем (кому-то) завершить демократическую революцию. К сожалению, отчет об апрельской конференции не напечатан до сих пор, а между тем вряд ли в истории нашей партии были с'езды, которые имели бы столь исключительное и непосредственное значение для судьбы революции, как апрельская конференция 1917 г.

Позиция Ленина была: непримиримая борьба с оборончеством и оборонцами, овладение большинством в Советах, низвержение Временного Правительства, захват власти через Советы, революционная политика мира, программа социалистического переворота внутри и международной революции во-вне. В противовес этому, как мы уже знаем: оппозиция стояла на точке зрения завершения демократической революции путем давления на Временное Правительство, при чем Советы остаются органами „контроля" над буржуазной властью. Отсюда вытекает иное, несравненно более примирительное отношение к оборончеству.

Один из противников позиции Ленина возражал на апрельской конференции: „Мы говорим о Советах Рабочих и Солдатских Депутатов как об организующих центрах наших сил и власти... Одно название их показывает, что они представляют собой блок мелко-буржуазных и пролетарских сил, перед которыми стоят еще незаконченные буржуазно-демократические задачи. Если бы буржуазно-демократическая революция закончилась, то этот блок не мог бы существовать... а пролетариат вел бы революционную борьбу против блока... И однако мы признаем эти Советы, как центры организации сил... Значит, буржуазная революция еще не закончилась, еще не изжила себя, и я думаю, что все мы должны признать, что при полном окончании этой революции власть действительно перешла бы в руки пролетариата" (речь т. Каменева).

Безнадежный схематизм этого рассуждения совершенно ясен: в том-то и дело ведь, что „полного окончания этой революции" никогда не наступит без перемены носителя власти. В приведенной речи игнорируется классовый стержень революции: задачи партии выводятся не из реальной группировки классовых сил, а из формального определения революции как буржуазной или буржуазно-демократической. Мы должны идти в блоке с мелкой буржуазией и осуществлять контроль над буржуазной властью до тех пор, пока буржуазная революция не будет доведена до конца. Схема явно меньшевистская. Доктринерски ограничивая задачи революции ее наименованием („буржуазная" революция), нельзя было не придти к политике контроля над Временным Правительством, к требованию, чтобы Временное Правительство выдвинуло программу мира без аннексий и пр. Под завершением демократической революции подразумевался ряд реформ через Учредительное Собрание, при чем большевистской партии отводилась в Учредительном Собрании роль левого фланга. Лозунг „вся власть Советам" совершенно лишался при такой концепции реального содержания. Об этом лучше, последовательнее и продуманнее всех сказал на апрельской конференции покойный Нэгин, также принадлежавший к оппозиции: „В процессе развития самые важные функции

Советов отпадают. Целый ряд административных функций передается городским, земским и т. п. учреждениям. Если мы будем рассматривать дальнейшее развитие государственного строительства, мы не можем отрицать, что будет созвано Учредительное Собрание, а за ним Парламент... Таким образом выходит, что постепенно наиболее важные функции Советов отмирают; однако, это не значит, что Советы позорно кончают свое существование. Они только передают свои функции. При этих же Советах республика-коммуна у нас не осуществится".

Наконец, третий оппонент подошел к вопросу с той стороны, что Россия не готова для социализма: „Можем ли мы рассчитывать на поддержку масс, выкидывая лозунг пролетарской революции? Россия — самая мелко-буржуазная страна в Европе. Рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невозможно, и потому, поскольку партия будет стоять на точке зрения социалистической революции, постольку она будет превращаться в пропагандистский кружок. Толчок к социальной революции должен быть дан с Запада". И далее: „Откуда взойдет солнце социалистического переворота? Я думаю, что по всем условиям, обывательскому уровню, инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, об'ективных условий для этого. А на Западе этот вопрос ставится приблизительно также, как у нас вопрос о свержении царизма".

Не все противники ленинской точки зрения доходили на апрельской конференции до выводов Ногина,—но все они логикой вещей оказались вынужденными принять эти выводы несколькими месяцами позже, накануне Октября. Либо руководство пролетарской революцией, либо оппозиционная роль в буржуазном парламенте—вот как встал вопрос внутри нашей партии. Совершенно очевидно, что эта вторая оппозиция была по существу меньшевистской или, вернее сказать, той позицией, которую меньшевики оказались вынуждены очистить после февральского переворота. В самом деле, в течение долгого ряда лет меньшевистские дятлы долбили, что будущая революция будет буржуазной, что правительство буржуазной революции может выполнять только буржуазные задачи, что социал-демократия не может брать на себя задач буржуазной демократии и должна будет, „толкая буржуазию влево", оставаться на положении оппозиции. С особенно утомительным глубокомыслием эту тему развивал Мартынов. С наступлением буржуазной революции 1917 года меньшевики скоро оказались в составе правительства. От всей их „принципиальной" позиции остался только тот политический вывод, что пролетариат не смеет посягать на власть. Но совершенно очевидно, что те из большевиков, которые обличали меньшевистский министериализм и в то же время выступали против захвата пролета-

риатом власти, фактически сдвигались на до-революционные позиции меньшевиков.

Революция произвела политические сдвиги в двух направлениях: правые становятся кадетами, кадеты становятся республиканцами поневоле — формальный сдвиг влево; эсэры и меньшевики становятся правящей буржуазной партией — сдвиг вправо. Такими путями буржуазное общество пытается создать себе новый хребет власти, устойчивости и порядка. Но в то время, как меньшевики с формально-социалистической позиции переходят на вульгарно-демократическую, правое крыло большевиков сдвигается на формально-социалистическую, т. е. вчерашнюю меньшевистскую позицию.

Та же перегруппировка сил произошла в вопросе о войне. Буржуазия, за вычетом немногих доктринеров, уныло тянула ноту: без аннексий и контрибуций, — тем более, что на аннексии надежда была уже плоха. Меньшевики и эсэры-циммервальдцы, критиковавшие французских социалистов за защиту своего буржуазно-республиканского отечества, сами немедленно же стали оборонцами, как только почувствовали себя в буржуазной республике: с пассивно-интернационалистской позиции они передвинулись на активно-патриотическую. Одновременно с этим правое крыло большевиков заняло пассивно-интернационалистскую позицию—„давления“ на Временное Правительство в целях демократического мира, „без аннексий и контрибуций“. Таким образом, на апрельской конференции формула демократической диктатуры пролетариата и крестьянства теоретически и политически распалась и выделила две враждебные точки зрения: демократическую, прикрытую формальными социалистическими оговорками, и социально-революционную, или подлинно-большевистскую, ленинскую.

Июльские дни, корниловщина, демократическое совещание и предпарламент.

Решения апрельской конференции дали партии принципиально правильную установку, но разногласия наверху партии не были ими ликвидированы. Наоборот, им еще только предстояло, вместе с ходом событий, принять более конкретные формы и достигнуть величайшей остроты в наиболее решающий момент революции,—в дни Октября.

Попытка, по инициативе Ленина, устроить демонстрацию 10 июня подверглась обвинениям в авантюризме со стороны тех же товарищей, которые были недовольны характером апрельского выступления. Демонстрация 10 июня не состоялась вследствие запрета со стороны С'езда Советов. Но 18 июня партия получила реванш: общая питерская демонстрация, назначенная по довольно-таки неосторожной инициативе соглашателей, прошла почти сплошь под большевистскими лозунгами. Однако,

и правительство попыталось взять свое: началось идиотски-легкомысленное наступление на фронте. Момент решительный. Ленин предостерегает партию от неосторожных шагов. 21 июня он пишет в „Правде“: „Товарищи, выступление сейчас было бы нецелесообразно. Нам приходится теперь изжить целый новый этап в нашей революции“ (том XIV. ч. 1, стр. 276). Но наступили июльские дни, важная веха на пути революции, как и на пути внутрипартийных разногласий.

В июльском движении момент самочинного напора питерских масс играл решающую роль. Но несомненно, что Ленин в июле спрашивал себя: а не пришло ли уже время? Не переросло ли настроение масс свою советскую надстройку? Не рискуем ли мы, загипнотизированные советской легальностью, отстать от настроения масс и оторваться от них? Весьма вероятно, что отдельные чисто военные действия во время июльских дней происходили по инициативе товарищей, искренно считавших, что они не расходятся с ленинской оценкой обстановки. Ленин позже говорил: „В июле мы наделали достаточно глупостей“. Но по существу дело и на этот раз свелось к новой, более широкой разведке на новом, более высоком этапе движения. Нам пришлось отступить, и жестоко. Партия, поскольку она готовилась к восстанию и захвату власти, видела, вместе с Лениным, в июльском выступлении лишь эпизод, в котором мы дорого заплатили за глубокое прощупывание своих и неприятельских сил, но который не мог отклонить общую линию наших действий. Наоборот, те товарищи, которые относились враждебно к политике, направленной на захват власти, должны были видеть в июльском эпизоде вредную авантюру. Мобилизация правых элементов партии усилилась; критика их стала решительнее. В соответствии с этим изменился и тон отпора. Ленин писал: „Все эти хныканья, все эти рассуждения, что „не надо бы“ участвовать (в попытке придать „мирный и организованный“ характер архи-законному недовольству и возмущению масс!!),—либо сводятся к ренегатству, если исходят от большевиков, либо являются обычным для мелкого буржуа проявлением обычной его запуганности и запутанности“ (том XIV, ч. 2, стр. 28). Слово „ренегатство“, произнесенное в такой момент, освещало разногласия трагическим светом. В дальнейшем это зловещее слово встречается все чаще и чаще.

Оппортунистическое отношение к вопросу о власти и к войне определяло, разумеется, соответственное отношение к Интернационалу. Со стороны правых сделана была попытка привлечь партию к участию в Стокгольмской конференции социал-патриотов. Ленин писал 16 августа: „Речь т. Каменева в ЦИК 6 августа по поводу Стокгольмской конференции не может не вызвать отпора со стороны верных своей партии и своим принципам большевиков“ (том XIV, ч. 2, стр. 56). И далее, по поводу

фразы о том, будто над Стокгольмом начинает развиваться широкое революционное знамя: „это—пустейшая декламация в духе Чернова и Церетели. Это—вопиющая неправда. Не революционное знамя, а знамя сделок, соглашений, амнистии социал-империалистов, переговоров банкиров о дележе аннексий,—вот какое знамя на деле начинает развеваться над Стокгольмом“ (там же, стр. 57).

Путь в Стокгольм был, по существу, путем во II Интернационал, как участие в предпарламенте было путем к буржуазной республике. Ленин—за бойкот Стокгольмской конференции, как позже—за бойкот предпарламента. В огне борьбы он ни на минуту не забывает задач создания нового, коммунистического Интернационала.

Уже 10 апреля Ленин выступает за перемену названия партии. Все возражения против нового названия он отметает: „Это довод рутины, довод спячки, довод косности“. Он настаивает: „Пора отбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье“. И тем не менее, сопротивление верхов партии так сильно, что понадобился год времени, в течение которого вся Россия сбросила с себя грязное белье буржуазного господства, прежде чем партия могла решиться обновить свое название, вернувшись к традиции Маркса и Энгельса. В этой истории с наименованием партии находит свое символическое выражение роль Ленина в течение всего 1917 года: на самом крутом повороте истории он все время ведет внутри партии напряженную борьбу против вчерашнего дня во имя завтрашнего. И сопротивление вчерашнего дня, выступающее под флагом „традиции“, достигает моментами чрезвычайной остроты.

События корниловщины, создавшие резкий сдвиг обстановки в нашу пользу, временно смягчили разногласия: смягчили, но не устранили. В правом крыле обнаружилась в эти дни тенденция к сближению с советским большинством на почве обороны революции, а отчасти и родины. Ленин реагировал на это в начале сентября письмом в Центральный Комитет: „По моему убеждению,—писал он,—в беспринципность впадают те, кто скатывается до оборончества[1]) или (подобно другим большевикам) до *блока* с эсэрами, *до поддержки* Временного Правительства. Это архи-неверно, это—беспринципность. Мы станем оборонцами *лишь после* перехода власти к пролетариату...“. А затем далее: „Поддерживать правительство Керенского мы *даже теперь* не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да. Но это не одно и то же, тут есть грань, ее переходят другие большевики, впадая в „соглашательство“, давая *увлечь* себя потоку событий“ (том XIV, ч. 2, стр. 95).

[1]) Здесь опущена, очевидно, ссылка на имена, как явствует из дальнейшего построения фразы. Л. Т.

Следующим этапом в развитии разногласий явились Демократическое Совещание (14—22 сентября) и выросший из него Предпарламент (7 октября). Задача меньшевиков и эсэров состояла в том, чтобы, связав большевиков советской легальностью, безболезненно перевести эту последнюю в буржуазно-парламентскую легальность. Правые шли этому навстречу. Мы уже слышали выше, как они рисовали себе дальнейшее развитие революции: Советы отдают постепенно свои функции соответственным учреждениям—думам, земствам, профессиональным союзам, наконец Учредительному Собранию,—тем самым сходят со сцены. Путь через Предпарламент и должен был направлять политическую мысль масс от Советов, как отживающих свое время „временных" учреждений, к Учредительному Собранию, как увенчанию демократической революции. Между тем, большевики в Петроградском и Московском Советах были уже в большинстве: наше влияние в армии росло не по дням, а по часам. Дело шло уже не о прогнозе, не о перспективах, а о выборе пути буквально на завтрашний день.

Поведение в конец износившихся соглашательских партий на Демократическом Совещании являлось воплощением жалкой подлости. Между тем, вносившееся нами предложение демонстративно покинуть Демократическое Совещание, как явно гиблое место, наталкивалось на решительное сопротивление еще влиятельных в тот момент на верхах правых элементов фракций. Столкновения по этому вопросу были вступлением к борьбе по вопросу о бойкоте Предпарламента. 24 сентября, т. е. после Демократического Совещания, Ленин писал: „Большевики должны были уйти в виде протеста и для того, чтобы не поддаваться в ловушку отвлечения Совещанием народного внимания от серьезных вопросов" (том XIV, ч. 2, стр. 144).

Прения в большевистской фракции Демократического Совещания по вопросу о бойкоте Предпарламента имели, несмотря на сравнительную ограниченность своей темы, исключительное значение. В сущности, это была наиболее широкая и внешне-успешная попытка правых повернуть партию на путь „завершения демократической революции". Стенограммы прений, по-видимому, не велось, во всяком случае, она не сохранилась; не обнаружено до сих пор, насколько знаю, и секретарской записи. Некоторые материалы, крайне скудные, найдены редакцией этого сборника в моих бумагах. Тов. Каменев развил аргументацию, которая позже, в более резкой и отчетливой формулировке, составила содержание известного письма Каменева и Зиновьева к партийным организациям (от 11 октября). Наиболее принципиальную постановку придал вопросу Ногин: бойкот предпарламента есть призыв к восстанию, т. е. к повторению июльских дней. Некоторые товарищи исходили из общих

оснований парламентской тактики социал-демократии: „Никто не посмел бы,—так приблизительно говорили они,—предложить бойкотировать парламент; однако, нам предлагают бойкотировать такое же учреждение только потому, что ему дано имя *Предпарламента*".

Основное воззрение правых состояло в том, что революция ведет неизбежно от Советов к буржуазному парламентаризму, что „Предпарламент" является естественным звеном на этом пути и что незачем уклоняться от участия в Предпарламенте, раз мы собираемся занять левые скамьи в парламенте. Завершить демократическую революцию и „готовиться" к социалистической. А как готовиться? Через школу буржуазного парламентаризма: ведь передовые страны показывают отсталым образ их будущего. Низвержение царизма мыслится революционно, как оно и произошло; но завоевание власти пролетариатом мыслится парламентарно, на основах законченной демократии. Между буржуазной революцией и пролетарской должны пройти долгие годы демократического режима. Борьба за участие в Предпарламенте была борьбой за „европеизацию" рабочего движения, за скорейшее его введение в русло демократической „борьбы за власть", т. е. в русло социал-демократии. Фракция Демократического Совещания, насчитывавшая свыше 100 человек, ничем не отличалась, особенно по тем временам, от партийного с'езда. Большая половина фракции высказалась за участие в Предпарламенте. Уже сам по себе этот факт должен был вызвать тревогу; и Ленин действительно бьет с этого момента тревогу непрерывно.

В дни Демократического Совещания Ленин писал: „Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому Совещанию как к парламенту, ибо, даже *если бы* оно об'явило себя парламентом и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего *не решает*: решение лежит *вне его*, в рабочих кварталах Питера и Москвы" (том XIV, ч. 2, стр. 138). Как Ленин оценивал значение участия или неучастия в Предпарламенте, видно из многих его заявлений и, в частности, из его письма Центральному Комитету от 29 сентября, где он говорит о „таких вопиющих ошибках большевиков, как позорное решение участвовать в Предпарламенте". Для него это решение было проявлением тех же демократических иллюзий и мелко-буржуазных шатаний, в борьбе с которыми он развил и отточил свою концепцию пролетарской революции. Неправда, будто между буржуазной революцией и пролетарской должны пройти многие годы. Неправда, будто единственной, или основной, или обязательной школой подготовки к завоеванию власти является школа парламентаризма. Неправда, будто путь к власти лежит непременно через буржуазную демократию. Это все

голые абстракции, доктринерские схемы, политическая роль которых одна: связать пролетарский авангард по рукам и ногам, сделать его—через посредство „демократической" государственной механики — оппозиционной политической тенью буржуазии: это и есть социал-демократия. Политику пролетариата надо направлять не по школьным схемам, а по реальному руслу классовой борьбы. Не в Предпарламент идти, а организовать восстание и вырвать власть. Остальное приложится. Ленин предлагал даже созвать экстренный с'езд партии, выставив бойкот Предпарламента в качестве платформы. Отныне все его письма и статьи бьют в одну точку: не через Предпарламент, в качестве „революционного" хвоста соглашателей, а на улицы—для борьбы за власть!

Вокруг Октябрьского переворота.

Надобности в экстренном с'езде не оказалось. Давление Ленина обеспечило необходимую передвижку сил влево как в Центральном Комитете, так и во фракции Предпарламента. Большевики выходят из него 10 октября. В Петрограде развертывается конфликт Совета с правительством вокруг вопроса о выводе на фронт большевистски-настроенных частей гарнизона. 16 октября создан Военно-Революционный Комитет, легальный советский орган восстания. Правое крыло партии пытается задержать развитие событий. Борьба тенденций внутри партии, как и борьба классов в стране, входит в решающий фазис. Позиция правых полнее и принципиальнее всего освещается в письме „К текущему моменту", за подписью Зиновьева и Каменева. Написанное 11 октября, т.-е. за две недели до переворота, и разосланное важнейшим организациям партии, письмо это решительно выступает против вынесенного Центральным Комитетом решения о вооруженном восстании. Предостерегая против недооценки врага, а на самом деле чудовищно недооценивая силы революции и даже отрицая наличность боевого настроения масс (за две недели до 25 октября!), письмо говорит: „Мы глубочайше убеждены, что об'являть сейчас вооруженное восстание—значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции". Но если не восстание и не захват власти, тогда что же? Письмо довольно ясно и отчетливо отвечает и на этот вопрос. „Через армию, через рабочих мы держим револьвер у виска буржуазии", и под этим револьвером она не сможет сорвать Учредительное Собрание. „Шансы нашей партии на выборах в Учредительное Собрание превосходны .. Влияние большевизма растет... При правильной тактике мы можем получить треть, а то и больше мест в Учредительном Собрании". Таким образом, письмо открыто держит курс на роль „влиятельной" оппозиции в буржуазном Учредительном Собрании. Этот чисто социал-демо-

кратический курс как бы маскируется следующим соображением: „Советы, внедрившиеся в жизнь, не смогут быть уничтожены... Только на Советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное Собрание. Учредительное Собрание и Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем". Чрезвычайно любопытно, для характеристики всей линии правых, что теория „комбинированной" государственности, сочетающей Учредительное Собрание с Советами, была $1^1/_2$ — 2 года позже повторена Рудольфом Гильфердингом в Германии, также боровшимся против захвата власти пролетариатом. Австро-германский оппортунист не знал, что совершает плагиат.

Письмо „К текущему моменту" возражает против утверждения, что за нас уже большинство народа в России, оценивая при этом большинство чисто парламентски. „В России за нас большинство рабочих,—говорит письмо,—и значительная часть солдат. Но все остальное под вопросом. Вы все уверены, например, что если дело теперь дойдет до выборов в Учредительное Собрание, то крестьяне будут голосовать в большинстве за эс-эров. Что же это, случайность?". В этой постановке вопроса основная и коренная ошибка, вытекающая из непонимания того, что у крестьянства могут быть могущественные революционные интересы и напряженное стремление их разрешить, но не может быть самостоятельной политической позиции: оно может либо голосовать за буржуазию, через посредство эсэровской агентуры, либо примкнуть действенно к пролетариату. Именно от нашей политики зависело, какая из этих двух возможностей осуществится. Если мы идем в Предпарламент, чтобы иметь оппозиционное влияние („треть, а то и больше мест") в Учредительном собрании, то тем самым мы ставим крестьянство почти механически в такое положение, при котором оно должно искать удовлетворения своих интересов на путях Учредительного Собрания, следовательно, не через оппозицию, а через его большинство. Наоборот, захват власти пролетариатом немедленно же создавал революционные рамки для крестьянской борьбы против помещика и чиновника. Если говорить столь ходким у нас как раз в этом вопросе словами, то в письме сказываются одновременно и *недооценка, и переоценка* крестьянства: недооценка его революционных возможностей (под пролетарским руководством!) и переоценка его политической самостоятельности. Эта двойная ошибка, недооценка и переоценка крестьянства в одно и то же время вытекает, в свою очередь, из недооценки собственного класса и его партии, т.-е. из социал-демократического подхода к пролетариату. Здесь нет ничего неожиданного. Все оттенки опортунизма сводятся, в последнем счете, к неправильной оценке революционных сил и возможностей пролетариата.

Возражая против захвата власти, письмо пугает партию перспективами революционной войны. „Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира... Если мы, взявши власть сейчас одни, придем в силу всего мирового положения к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет". Эта аргументация в высшей степени поучительна. Мы видим здесь основные доводы в пользу подписания брест-литовского мира. Но здесь эти доводы направляются против захвата власти. Совершенно ясно, что позиция, нашедшая свое выражение в письме „К текущему моменту", чрезвычайно облегчала сторонникам выраженных в письме взглядов принятие брест-литовского мира. Нам остается здесь повторить то, что мы говорили об этом в другом месте: не временная брест-литовская капитуляция сама по себе, изолированно взятая, характеризует политический гений Ленина, а только сочетание Октября с Брестом. Этого не нужно забывать.

Рабочий класс борется и растет в непрестанном сознании того, что противник имеет над ним перевес. Это обнаруживается в повседневной жизни на каждом шагу. У противника — богатство, власть, все средства идейного давления, все орудия репрессий. Привычка к той мысли, что враг превосходит нас силой, является составной частью всей жизни и работы революционной партии в подготовительную эпоху. Последствия тех или других неосторожных или преждевременных действий самим жестоким образом напоминают каждый раз о силе врага. Но наступает момент, когда эта привычка считать врага более сильным превращается в главное препятствие на пути к победе. Сегодняшняя слабость буржуазии как бы укрывается под тенью ее вчерашней силы. „Вы недооцениваете сил врага!". По этой линии идет группировка всех элементов, враждебных вооруженному восстанию. — „Всякий, не желающий только говорить о восстании,—писали противники восстания у нас за две недели до победы,—обязан трезво взвесить и шансы его. И здесь мы считаем долгом сказать, что в данный момент всего вреднее было бы недооценивать силы противника и переоценивать свои силы. Силы противника больше, чем они кажутся. Решает Петроград, а в Петрограде у врагов пролетарской партии накоплены значительные силы: пять тысяч юнкеров, прекрасно вооруженных, организованных, желающих, в силу своего классового положения, и умеющих драться, затем штаб, затем ударники, затем казаки, затем значительная часть гарнизона, затем очень значительная часть артиллерии, расположенная веером вокруг Питера. Затем противники с помощью ЦИК почти наверняка попробуют привезти войска с фронта" („К текущему моменту").

Разумеется, поскольку в гражданской войне дело идет не о простом подсчете батальонов, а о предварительном учете их сознания, учет этот никогда не может отличаться полной достоверностью и точностью. Даже Ленин считал, что у врага имеются в Петрограде серьезные силы, и предлагал начинать восстание с Москвы, где, по его предположению, оно должно было пройти бескровно. Такого рода частные ошибки предвидения совершенно неизбежны даже при самых благоприятных условиях, и правильнее держать курс на менее благоприятную обстановку. Но что нас в данном случае интересует, это факт чудовищной переоценки сил врага, полного искажения всех пропорций при таких условиях, когда у врага уже не было по существу никакой вооруженной силы.

Вопрос этот, как показал опыт Германии, имеет колоссальное значение. Пока лозунг восстания имел для руководителей немецкой коммунистической партии преимущественно, если не исключительно, агитационное значение, они попросту игнорировали вопрос о вооруженных силах врага (рейхсвер, фашистские отряды, полиция). Им казалось, что непрерывно нараставший революционный прилив разрешит военный вопрос сам собой. Когда же задача придвинулась вплотную, те же товарищи, которые считали вооруженную силу врага как бы несуществующей, сразу впали в другую крайность: они брали на веру все цифры вооруженных сил буржуазии, тщательно складывали с силами рейсхвера и полиции, затем округляли сумму (до полумиллиона и выше) и получали, таким образом, компактную, до зубов вооруженную массу, совершенно достаточную для того, чтобы парализовать их собственные усилия. Несомненно, силы немецкой контр-революции были значительнее, во всяком случае лучше организованы и подготовлены, чем у наших корниловцев и полукорниловцев. Но и активные силы немецкой революции иные. Пролетариат составляет подавляющее большинство населения Германии. У нас вопрос, по крайней мере в первой стадии, решался Петроградом и Москвой. В Германии восстание имело бы сразу десятки могущественных пролетарских очагов. На этом фоне вооруженные силы врага выглядели бы совсем не так грозно, как в статистических выкладках с округлением Во всяком случае надо категорически отвергнуть те тенденциозные подсчеты, которые делались и делаются после провала немецкого Октября с целью оправдания политики, приведшей к провалу. Наш русский пример имеет в этом отношении незаменимое значение: за две недели до бескровной победы нашей в Петрограде,—а мы могли ее одержать и на две недели раньше,—опытные политики партии видели против нас и юнкеров, желающих и умеющих драться, и ударников, и казаков, и значительную часть гарнизона, и артиллерию, расположенную веером, и войска, надвигающиеся с фронта.

А на деле не оказалось ничего, ровным счетом нуль. Теперь представим себе на минуту, что в партии и в ее Центральном Комитете победили бы противники восстания. Роль командования в гражданской войне слишком ясна: революция в таком случае была бы заранее обречена на крушение, — если бы Ленин не апеллировал против Центрального Комитета к партии, что он собирался сделать и что, несомненно, выполнил бы с успехом. Но, ведь, не всякая партия будет располагать в соответственных условиях своим Лениным... Нетрудно себе представить, как писали бы историю если бы в ЦК победила линия уклонения от боя. Официозные историки стали бы, конечно, изображать дело так, что восстание в октябре 1917 года явилось бы чистейшим безумием, и давали бы читателю сногсшибательные статистические подсчеты юнкеров, казаков, ударников, артиллерии, расположенной веером и корпусов, двигавшихся с фронта. Непроверенные в огне восстания, эти силы представлялись бы несравненно грознее, чем оказалось на деле. Вот урок который нужно выгравировать в сознании каждого революционера!

Настойчивый, неутомимый, непрерывный напор Ленина на Центральный Комитет в течение сентября—октября вызывался постоянным опасением его, что мы упустим момент. Пустяки,— отвечали правые,—наше влияние будет расти и расти. Кто был прав? И что это значит: упустить момент? Здесь мы подходим к вопросу, где большевистская оценка путей и методов революции, активная, стратегическая, насквозь действенная, наиболее ярко сталкивается с социал-демократической, меньшевистской оценкой, насквозь проникнутой фатализмом. Что значит: упустить момент? Самая благоприятная обстановка для восстания дана, очевидно, тогда, когда соотношение сил максимально передвинулось в нашу пользу. Разумеется, здесь речь идет о соотношении сил в области сознания, т. е. о политической надстройке, а не о базисе, который можно принять как более или менее неизменный для всей эпохи революции. На одном и том же экономическом базисе, при одном и том же классовом расчленении общества, соотношение сил меняется в зависимости от настроения пролетарских масс, крушения их иллюзий, накопления ими политического опыта, расшатки доверия промежуточных классов и групп к государственной власти, наконец, ослабления доверия этой последней к себе самой. В революции это все быстротечные процессы. Все тактическое искусство состоит в том, чтобы уловить момент наиболее благоприятного для нас сочетания условий. Корниловское восстание окончательно подготовило эти условия. Массы, потерявшие доверие к партиям советского большинства, увидели воочию опасность контр-революции. Они считали, что теперь пришел черед большевиков найти выход из положения. Ни стихийный распад государственной власти, ни стихийный прилив

нетерпеливого и длительного доверия масс к большевикам не могли быть длительным состоянием; кризис должен был разрешиться либо в ту, либо в другую сторону. Теперь или никогда!— повторял Ленин.

На это правые возражали: „...глубокой исторической неправдой будет такая постановка вопроса о переходе власти в руки пролетарской партии: или сейчас, или никогда. Нет! Партия пролетариата будет расти, ее программа будет выясняться все более широким массам... И только одним способом может она прервать свои успехи, именно тем, что она в нынешних обстоятельствах возьмет инициативу выступления... Против этой губительной политики мы поднимаем голос предостережения“ („К текущему моменту“).

Этот фаталистический оптимизм нуждается в самом внимательном изучении. В нем нет ничего ни национального, ни тем более индивидуального. Еще только в прошлом году мы наблюдали ту же тенденцию в Германии. По существу под этим выжидательным фатализмом скрывается нерешительность и даже неспособность к действию, но она маскируется утешительным прогнозом: мы становимся, мол, все влиятельнее; чем дальше, тем больше наша сила будет возрастать. Грубейшее заблуждение! Сила революционной партии возрастает только до известного момента, после чего процесс может перейти в свою противоположность: надежды масс, вследствие пассивности партии, сменяются разочарованием, а враг тем временем оправляется от паники и пользуется разочарованием масс. Такого рода решающий перелом мы наблюдали в Германии в октябре 1923 года. Мы были не так далеки от подобного же поворота событий в России осенью 1917 года. Для этого достаточно было, может быть, упустить еще несколько недель. Ленин был прав: теперь или никогда!

„Но решающий вопрос, — выдвигают противники восстания свой последний и сильнейший довод, — заключается в том, действительно ли среди рабочих и солдат столицы настроение таково, что они сами видят спасение уже только в уличном бою, рвутся на улицу. Нет. Этого настроения нет... Существование в глубоких массах столичной бедноты боевого, рвущегося на улицу настроения могло бы служить гарантией того, что ее инициативное выступление увлечет за собой и те крупнейшие и важнейшие организации (железнодорожный и почтово-телеграфный союзы и т. п.), в которых влияние нашей партии слабо. Но так как этого настроения нет даже на заводах и в казармах, то строить здесь какие-либо расчеты было бы самообманом“ („К текущему моменту“).

Эти строки, писавшиеся 11 октября, получают исключительное и совершенно злободневное значение, если вспомним, что руководившие партией немецкие товарищи, в об'яснение

прошлогоднего отступления без боя, приводили именно нежелание масс сражаться. Да в том-то и дело, что победоносное восстание становится, вообще говоря, наиболее обеспеченным тогда, когда массы успеют приобрести достаточно опыта, чтобы не бросаться в бой очертя голову, а ждут и требуют решительного и умелого боевого руководства. К октябрю 1917 г. у рабочих масс, по крайней мере у их руководящего слоя, сложилось уже твердое убеждение, на основании опыта апрельского выступления, июльских дней и корниловщины, что дальше дело идет не об отдельных стихийных протестах, не о разведке, а о решающем восстании для захвата власти. Настроение масс становится в соответствии с этим более сосредоточенным, более критическим, более углубленным. Переход от жизнерадостной, полной иллюзий стихийности к более критической сознательности и порождает неизбежную революционную заминку. Этот прогрессивный кризис в настроении масс может быть преодолен только соответственной политикой партии, т. е., прежде всего, ее подлинной готовностью и способностью руководить восстанием пролетариата. Наоборот, партия, которая долго вела революционную агитацию, вырывая массы из-под влияния соглашателей, а затем, когда доверие этих масс подняло ее на высоту, стала колебаться, умничать, хитрить и выжидать,—такая партия парализует активность масс, вызывает у них разочарование и распад, губит революцию, но зато создает для себя возможность ссылаться—после провала—на недостаточную активность масс. На этот именно путь вело письмо „К текущему моменту". К счастью, наша партия, под руководством Ленина, решительно ликвидировала такие настроения на верхах. Только благодаря этому она и провела победоносный переворот.

* * *

Теперь, после того, как мы дали характеристику существа политических вопросов, связанных с подготовкой Октябрьской Революции, и попытались выяснить основной смысл разногласий, выраставших на этой основе, нам остается хотя бы конспективно отметить наиболее важные моменты внутрипартийной борьбы последних, решающих недель.

Решение о вооруженном восстании было вынесено Центральным Комитетом 10 октября. 11 октября было разослано важнейшим организациям партии разобранное выше письмо „К текущему моменту". 18 октября, т. е. за неделю до переворота, появилось в „Новой Жизни" письмо Каменева. „Не только я и тов. Зиновьев,—говорится в этом письме,—но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении сил, независимо и за несколько дней до

С'езда Советов, было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом" („Новая Жизнь", № 156, 18 октября 1917 года). 25 октября власть была захвачена в Петербурге, создано Советское правительство. 4 ноября ряд ответственных работников вышел из состава Центрального Комитета и Совнаркома, выдвинув ультимативное требование создания коалиционного правительства из советских партий. „...Вне этого—писали они—есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора". И в другом документе того же момента: „Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии. Мы складываем с себя поэтому звание членов ЦК, чтобы иметь право откровенно сказать свое мнение массе рабочих и солдат и призвать их поддержать наш клич: „Да здравствует правительство из советских партий! Немедленное соглашение на этом условии!" („Октябрьский переворот", — „Архив революции" 1917 г., стр. 407—410). Таким образом, те, кто были против вооруженного восстания и захвата власти, как против авантюры после того, как восстание победоносно совершилось, выступили за возвращение власти тем партиям, в борьбе с которыми власть была пролетариатом завоевана. Во имя чего же победоносная большевистская партия должна была вернуть власть—а речь шла именно о возвращении власти!—меньшевикам и эсэрам? На это оппозиционеры отвечали: „Мы считаем, что создание такого правительства необходимо ради предотвращения дальнейшего кровопролития, надвигающегося голода, разгрома революции калединцами, обеспечения созыва Учредительного Собрания в назначенный срок и действительного проведения программы мира, принятой Всероссийским С'ездом С. Р. и С. Депутатов" („Октябрьский переворот", — „Архив революции" 1917 года, стр. 407—410). Дело шло, другими словами, о том, чтобы через советские ворота найти путь к буржуазному парламентаризму. Если революция отказалась идти через Предпарламент и пробила себе русло через Октябрь, то задача, как ее формулировала оппозиция, состояла в том, чтобы, при содействии меньшевиков и эсэров, спасти революцию от диктатуры, введя ее в русло буржуазного режима. Дело шло не больше и не меньше, как о ликвидации Октября. О соглашении на таких условиях не могло быть, разумеется, и речи.

На следующий день, 5 ноября, было опубликовано еще одно письмо того же направления: „Я не могу, во имя партийной дисциплины, молчать, когда марксисты, рассудку вопреки и наперекор стихиям, не хотят считаться с об'ективными условиями, повелительно диктующими нам, под угрозой краха,

соглашение со всеми социалистическими партиями... Я не могу, во имя партийной дисциплины, предаваться культу личности и ставить политическое соглашение со всеми социалистическими партиями, закрепляющими наши основные требования, в зависимость от пребывания того или иного лица в министерстве, и затягивать из-за этого хотя бы на одну минуту кровопролитие" („Рабочая Газета", № 204, 5 ноября 1917 г.). В заключение автор письма (Лозовский) объявляет необходимым бороться за партийный с'езд для решения вопроса о том, „останется ли РС-ДРП большевиков марксистской партией рабочего класса, или она окончательно вступит на путь, ничего общего с революционным марксизмом не имеющий" („Раб. Газета", № 204, 5 ноября 1917 г.).

Положение действительно казалось безнадежным. Не только буржуазия и помещики, не только так называемая „революционная демократия", в руках которой оставались еще очень многочисленные верхушечные организации (Викжель, армейские комитеты, государственные служащие и пр.), но и влиятельнейшие работники нашей собственной партии, члены Центрального Комитета и Совнаркома, осуждают во всеуслышание попытку партии остаться у власти, чтобы осуществить свою программу. Положение могло представиться безнадежным, говорим мы, если не глядеть глубже поверхности событий. Что же оставалось? Принять требования оппозиции значило ликвидировать Октябрь. Но тогда незачем было и совершать его. Оставалось одно: идти вперед в рассчете на революционную волю масс. 7 ноября в „Правде" появляется решающее заявление Центрального Комитета нашей партии, написанное Лениным и исполненное подлинной революционной страсти, замкнутой в ясные, простые и бесспорные формулы, рассчитанные на партийца-массовика. Воззвание это полагает конец каким бы то ни было сомнениям насчет дальнейшей политики партии и ее Центрального Комитета: „Пусть же устыдятся все маловеры, все колеблющиеся, все сомневающиеся, все давшие себя запугать буржуазии или поддавшиеся крикам ее прямых и косвенных пособников. *Ни тени* колебаний *в массах* петроградских, московских и др. рабочих и солдат *нет*. Наша партия стоит дружно и твердо, как один человек, на страже Советской власти, на страже интересов всех трудящихся, прежде всего рабочих и беднейших крестьян („Правда", № 182 (113), 20 (7) ноября 1917 года).

Наиболее острый партийный кризис был преодолен. Однако, внутренняя борьба все еще не прекращалась. Линия борьбы оставалась той же. Но политическое значение ее все более и более шло на убыль. Чрезвычайно интересное свидетельство находим мы в докладе, прочитанном Урицким на заседании Петроградского Комитета нашей партии 12 декабря по поводу

созыва Учредительного Собрания: „Разногласия в нашей партийной среде не новы. Это то же течение, которое наблюдалось раньше в вопросе восстания. Сейчас некоторые товарищи смотрят на Учредительное Собрание, как на нечто такое, что должно увенчать революцию. Они стоят на позиции обыденщины, они говорят, чтобы мы не совершали бестактностей и пр. Они против того, что члены Учредительного Собрания, большевики, контролируют созыв, соотношение сил и пр. Они смотрят чисто формально, не учитывая того, что из данных такого контроля выявляется картина того, что происходит вокруг Учредительного Собрания, а, сообразуясь с этим, мы имеем возможность наметить позицию отношения к Учредительному Собранию... Мы сейчас стоим на той точке зрения, что боремся за интересы пролетариата и беднейшего крестьянства, а те немногие товарищи смотрят, что мы делаем буржуазную революцию, которая должна увенчаться Учредительным Собранием".

Роспуском Учредительного Собрания можно считать завершенной не только большую главу в истории России, но и не менее значительную главу в истории нашей партии. Преодолев внутренние противодействия, партия пролетариата не только овладела властью, но и сохранила ее в своих руках.

Октябрьское восстание и советская „легальность".

В сентябре, в дни Демократического Совещания, Ленин требовал непосредственного перехода к восстанию: „Чтобы отнестись к восстанию по-марксистки, — писал он, — т.-е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропаловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д. Это все примерно, конечно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству*" (том XIV, ч. 2, стр. 140).

Эта постановка вопроса предполагала подготовку и совершение восстания партийным путем и от лица партии с тем, чтобы затем освятить победу через С'езд Советов. Центральный Комитет не принял этого предложения. Восстание было введено в советское русло и агитационно связывалось со

Вторым С'ездом Советов. Это разногласие требует подробного об'яснения,—тогда оно естественно войдет в рамки не принципиального, а чисто технического вопроса, хотя и большой практической важности.

Выше уже говорилось о том, с какой напряженной тревогой относился Ленин к оттягиванию восстания. На фоне тех колебаний, какие имели место на верхах партии, агитация, формально связывавшая переворот с предстоявшим Вторым С'ездом Советов, казалась ему недопустимой отсрочкой, уступкой нерешительности и нерешительным упущением времени, прямым преступлением. К этой мысли Ленин возвращается с конца сентября неоднократно.

„У нас в ЦК и верхах партии, — пишет он 29 сентября, — есть течение или мнение за ожидание С'езда Советов, против немедленного взятия власти, против немедленного восстания. Надо побороть это течение или мнение". В начале октября Ленин пишет: „Медлить—преступление, ждать С'езда Советов—ребяческая игра в формальность, вздорная игра в формальность, предательство революции". В тезисах для Петербургской конференции 8 октября Ленин говорит: „Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на С'езд Советов, отказаться от предвзятой мысли непременно дождаться „его" и пр. Наконец, 24 октября Ленин пишет: „Яснее ясного, что теперь уже поистине промедление в восстании смерти подобно", и далее: „История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять многое завтра, рискуя потерять все".

Все эти письма, где каждая фраза ковалась на наковальне революции, представляют исключительный интерес и для характеристики Ленина, и для оценки момента. Основная проникающая их мысль, это — возмущение, протест, негодование против фаталистического, выжидательного, социал-демократического, меньшевистского отношения к революции, как к какой-то бесконечной ленте. Если время вообще важный фактор политики, то значение его стократно возрастает на войне и в революции. Совсем не все, что можно сделать сегодня, можно будет сделать завтра. Восстать, опрокинуть врага, взять власть сегодня возможно, а завтра может оказаться невозможно. Но ведь взять власть—значит повернуть руль истории; неужели же такое событие может зависеть от промежутка в 24 часа? Да, может. Когда дело дошло до вооруженного восстания, то события измеряются не длинным аршином политики, а коротким аршином войны. Упустить несколько недель, несколько дней, иногда даже один день — равносильно, в известных условиях, сдаче революции, капитуляции. Если бы не было этой ленинской тревоги, этого нажима, этой критики, этого напряженного и страстного революционного недоверия, партия не выравняла бы,

пожалуй, своего фронта в решающий момент, ибо сопротивление на верхах было очень сильно, а штаб играет большую роль в войне, в том числе и в гражданской.

Но в то же время совершенно ясно, что подготовка восстания и проведение его под прикрытием подготовки Второго С'езда Советов и под лозунгом защиты его дала нам в руки неоценимые преимущества. С того момента, как мы, Петроградский Совет, опротестовали приказ Керенского о выводе двух третей гарнизона на фронт, мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания. Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении. Во всех его письмах того времени, об этом обстоятельстве вообще, насколько помню, не говорится ни слова. А между тем исход восстания 25 октября был уже на три четверти, если не более, предопределен в тот момент, когда мы воспротивились выводу петроградского гарнизона, создали Военно-Революционный Комитет (16 октября), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем полностью изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство. По существу дела мы здесь имели вооруженное восстание—вооруженное, хотя и бескровное восстание петроградских полков против Временного Правительства—под руководством Военно-Революционного Комитета и под лозунгом подготовки к защите Второго С'езда Советов, который должен будет решить вопрос о судьбе власти. Советы Ленина—начать восстание в Москве, где оно, по его предположениям, обещало бескровную победу, вытекали именно из того, что он не имел возможности из своего подполья оценить тот коренной перелом, уже не в настроениях только, но и в организационных связях, во всей военной субординации и иерархии, после „тихого" восстания столичного гарнизона к середине октября. С того момента, как батальоны по приказу Военно-Революционного Комитета отказались выступить из города и не вышли, мы имели в столице победоносное восстание, чуть-чуть еще прикрытое сверху остатками буржуазно-демократической государственности. Восстание 25 октября имело только дополнительный характер. Именно поэтому оно прошло так безболезненно. Наоборот, в Москве борьба получила гораздо более затяжной и кровавый характер, несмотря на то, что в Питере уже утвердилась власть Совнаркома. Совершенно очевидно, что если бы восстание началось в Москве, до переворота в Петрограде, оно неизбежно получило бы еще более затяжной характер, с весьма сомнительным исходом. А неудача в Москве тяжело отразилась бы на Петрограде. Конечно, победа отнюдь не исключена была бы и на этом пути. Но тот путь, каким действительно пошли события, оказался гораздо более экономным, более выгодным, более победоносным.

Мы имели возможность, в большей или меньшей степени, приурочивать захват власти к моменту Второго С'езда Советов только потому, что „тихое", почти „легальное" вооруженное восстание—по крайней мере в Петрограде—было уже на три четверти, если не на девять десятых, совершившимся фактом. Мы называем это восстание „легальным" — в том смысле, что оно выросло из „нормальных" условий двоевластия. И при господстве соглашателей в Петроградском Совете бывало не раз, что Совет проверял или исправлял решения правительства. Это как бы входило в конституцию того режима, который вошел в историю под названием керенщины. Придя в Петроградском Совете к власти, мы, большевики, только предложили и углубили методы двоевластия. Мы взяли на себя проверку приказа о выводе гарнизона. Этим самым мы прикрыли традициями и приемами легального двоевластия фактическое восстание петроградского гарнизона. Мало того, формально приурочивая в агитации вопрос о власти к моменту Второго С'езда Советов, мы развивали и углубляли уже успевшие сложиться традиции двоевластия, подготовляя рамки советской легальности для большевистского восстания во всероссийском масшабе.

Мы не усыпляли массы советскими конституционными иллюзиями, ибо под лозунгом борьбы за Второй С'езд мы завоевывали и организационно закрепляли за собой штыки революционной армии. А, вместе с тем, нам удалось в большей, чем можно было ожидать, степени завлечь в ловушку советской легальности наших врагов соглашателей. Политически хитрить, особенно в революции, всегда опасно: врага, пожалуй, не обманешь, но введешь в заблуждение массы, идущие за тобой. Если нам наша „хитрость" удалась на сто процентов, то это потому, что она не была искусственным измышлением умничающих стратегов, которые хотят обойти гражданскую войну, а потому, что она естественно вытекла из условий разложения соглашательского режима, из его вопиющих противоречий. Временное правительство хотело избавиться от гарнизона. Солдаты не хотели идти на фронт. Мы этому естественному нежеланию дали политическое выражение, революционную цель, „легальное" прикрытие. Этим мы обеспечили исключительное единодушие внутри гарнизона и тесно связали его с петроградскими рабочими. Наоборот, наши противники, при безнадежности своего положения и путанности своей мысли, склонны были советское прикрытие принимать за существо. Они хотели быть обманутыми, и мы доставили им полностью эту возможность.

Между нами и соглашателями шла борьба за советскую легальность. В сознании масс источником власти являлись Советы. Из Советов вышли Керенский, Церетели, Скобелев. Но и мы были тесно связаны с Советами нашим основным лозунгом: вся власть Советам. Буржуазия вела свою правопреем-

ственность от Государственной думы. Соглашатели—от Советов, но с тем, чтобы свести Советы на-нет. Мы — от Советов, но с тем, чтобы передать Советам власть. Соглашатели не могли еще рвать советскую преемственность и спешили создать от нее мост к парламентаризму. С этой целью они созвали Демократическое Совещание и создали Предпарламент. Участие Советов в Предпарламенте как бы санкционировало этот путь. Соглашатели пытались поймать революцию на удочку советской легальности и, поймав, втащить ее в русло буржуазного парламентаризма.

Но и мы были заинтересованы в том, чтобы использовать советскую легальность. В конце Демократического Совещания мы вырвали у соглашателей согласие на созыв Второго С'езда Советов. Этот С'езд создавал для них чрезвычайные затруднения: с одной стороны, они не могли противиться созыву, не порывая с советской легальностью; с другой стороны, они не могли не видеть, что С'езд не обещает им, по своему составу, ничего хорошего. Тем настойчивее апеллировали мы ко Второму С'езду, как хозяину страны, и всю нашу подготовительную работу приурочивали к поддержке и охране С'езда Советов от неизбежных на него покушений контр-революции. Если соглашатели ловили нас на советскую легальность через Предпарламент, вышедший из Советов, то и мы ловили их на ту же советскую легальность—через Второй С'езд Советов. Устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом захвата власти партией—одно, а подготовлять и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав С'езда Советов—совсем другое. Таким образом, приурочение вопроса о захвате власти ко Второму С'езду Советов не заключало в себе каких-либо наивных надежд на то, что С'езд сам по себе может разрешить вопрос о власти. Такой фетишизм советской формы был нам совершенно чужд. Вся необходимая работа, не только политическая, но и организационная и военно-техническая, для захвата власти шла полным ходом. Но легальным прикрытием для этой работы была все та же ссылка на предстоящий С'езд, который должен разрешить вопрос о власти. Ведя наступление по всей линии, мы сохраняли видимость обороны. Наоборот, Временное Правительство,—если бы оно только решилось серьезно обороняться,—должно было бы покуситься на С'езд Советов, запретить его созыв и тем самым дать наиболее для себя невыгодный повод противной стороне к вооруженному восстанию. Мало того, мы не только ставили Временное Правительство в политически невыгодное положение, но и прямо-таки усыпляли его и без того ленивую и неподвижную мысль. Эти люди верили всерьез, что дело идет для нас о советском парламентаризме, о новом с'езде, где будет вынесена новая резолюция о власти—на манер резолюций Петроградского и Московского

Советов, — после чего правительство, сославшись на Предпарламент и предстоящее Учредительное Собрание, откланяется и поставит нас в смешное положение. Что именно в этом направлении работала мысль самых мудрых мещанских мудрецов, тому мы имеем непререкаемое свидетельство Керенского. В своих воспоминаниях он рассказывает, как в полночь на 25 октября в его кабинете происходили бурные споры с Даном и другими по поводу шедшего уже полным ходом восстания. „Прежде всего Дан заявил мне,—рассказывает Керенский,—что они осведомлены гораздо лучше меня, и что я преувеличиваю события под влиянием сообщений моего „реакционного штаба". Затем он сообщил, что неприятная „для самолюбия правительства" резолюция большинства Совета Республики чрезвычайно полезна и существенна для „перелома настроения в массах"; что эффект ее „уже сказывается", и что теперь влияние большевистской пропаганды будет „быстро падать". С другой стороны, по его словам, сами большевики в переговорах с лидерами советского большинства изъявили готовность „подчиниться воле большинства Советов", что они готовы „завтра же" предпринять все меры, чтобы потушить восстание, „вспыхнувшее помимо желания, без их санкции". В заключение, Дан, упомянув, что большевики „завтра же" (все завтра!) распустят свой военный штаб, заявил мне, что все принятые мною меры к подавлению восстания только „раздражают массы", и что вообще я своим „вмешательством" лишь „мешаю представителям большинства Советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания"... Для полноты картины нужно добавить, что как раз в то время как Дан делал мне это замечательное сообщение, вооруженные отряды „Красной гвардии" занимали одно за другим правительственные здания. А почти сейчас же по отъезде из Зимнего дворца Дана и его товарищей, на Миллионной улице по пути домой с заседания Временного Правительства был арестован министр исповеданий Карташев и отвезен тогда же в Смольный, куда Дан вернулся продолжать мирные беседы с большевиками. Нужно признать, большевики действовали тогда с большой энергией и с не меньшим искусством. В то время, когда восстание было в полном разгаре и „красные войска" действовали по всему городу, некоторые большевистские лидеры к тому предназначенные, не без успеха старались заставить представителей „революционной демократии" смотреть, но не видеть; слушать, но не слышать. Всю ночь напролет провели эти искусники в бесконечных спорах над различными формулами, которые, якобы, должны были стать фундаментом примирения и ликвидации восстания. Этим методом „переговоров" большевики выиграли в свою пользу огромное количество времени. А боевые силы эсэров и меньшевиков не были во - время

мобилизованы. Что, впрочем, и требовалось доказать!" (А. Керенский, „Издалека", стр. 197—198).

Вот, именно: что и требовалось доказать! Соглашатели оказались, как мы видим из этой картины, целиком и полностью пойманы на удочку советской легальности. Предположение Керенского, будто специально для этого отряженные большевики вводили в заблуждение меньшевиков и эсэров насчет предстоящей ликвидации восстания, с фактической стороны неверно. На самом деле в переговорах принимали активнейшее участие те большевики, которые действительно хотели ликвидации восстания и верили в формулу социалистического правительства, созданного соглашением партий. Но об'ективно эти парламентеры несомненно оказывали восстанию известную услугу, питая своими собственными иллюзиями иллюзии врага. Однако, эту услугу они оказались способны оказать революции только потому, что партия, вопреки их советам и предостережениям, вела дело восстания вперед с неослабевающей энергией и довела его до конца.

Для того, чтобы весь этот широкий обволакивающий маневр оказался победоносным, нужно было стечение совершенно исключительных обстоятельств, больших и малых. Прежде всего нужна была армия, не желавшая более сражаться Весь ход революции, особенно в первый ее период, с февраля по октябрь включительно,—об этом мы уже говорили,—выглядел бы совершенно иначе, если бы у нас не было к моменту революции разбитой и недовольной многомиллионной крестьянской армии. Только в этих условиях можно было победоносно провести эксперимент с петроградским гарнизоном, предопределивший октябрьскую победу. Не может быть и речи о том, чтобы возвести эту своеобразную комбинацию „сухого" и почти незаметного восстания с защитой советской легальности от корниловцев в какой-либо закон. Наоборот, можно сказать с уверенностью, что в таком виде этот опыт никогда и нигде не повторится. Но тщательное изучение его необходимо. Оно расширит кругозор каждого революционера, вскрыв перед ним разнообразие методов и средств, какие могут быть приведены в движение при условии ясности поставленной цели, правильности учета обстановки и решимости в доведении борьбы до конца.

В Москве восстание имело гораздо более затяжной характер, сопряженный с более значительными жертвами. Об'ясняется это в известной мере тем, что московский гарнизон не подвергся такой революционной подготовке, как гарнизон Петрограда в связи с вопросом о выводе батальонов на фронт. Мы уже говорили и еще раз повторяем, что вооруженное восстание совершилось в Петрограде в два приема: в первой половине октября, когда петроградские полки, подчиняясь

постановлению Совета, вполне отвечавшему их собственным настроениям, безнаказанно отказались выполнить приказ главнокомандования, и 25 октября, когда понадобилось уже только небольшое дополнительное восстание, рассекавшее пуповину февральской государственности. В Москве же восстание происходило в один прием. Такова, пожалуй, главная причина его затяжного характера. Но на ряду с ней была другая: недостаточная решительность руководства. В Москве мы наблюдали переходы от военных действий к переговорам, чтобы затем снова возвращаться к вооруженной борьбе. Если колебания руководства, ощутимые для руководимых, вообще вредны в политике, то в условиях вооруженного восстания они становятся смертельно опасными. Господствующий класс уже теряет доверие к своей силе (без этого не могло бы быть вообще надежды на победу), но аппарат еще в его руках. Революционный класс имеет своей задачей овладеть государственным аппаратом; для этого ему нужно доверие к своим силам. Раз партия вывела трудящихся на путь восстания, она должна сделать из этого все необходимые выводы. „На войне — по-военному": там меньше, чем где бы то ни было, допустимы колебания и упущение времени. Война мерит коротким аршином. Топтание на месте, хотя бы в течение часов, возвращает правящим частицу самоуверенности, отнимая ее у восставших, А, ведь, этим непосредственно и определяется то соотношение сил, которое определяет исход восстания. Под этим углом зрения надо шаг за шагом изучить ход военных операций в Москве в их сочетании с политическим руководством.

Чрезвычайно важно было бы наметить еще несколько пунктов, где гражданская война протекала в особых условиях. осложняясь, например, национальным элементом. Такого рода изучение, на основании тщательной проработки фактического материала, должно чрезвычайно обогатить наше представление о механике гражданской войны и тем самым облегчить выработку известных методов, правил, приемов, имеющих достаточно общий характер, чтобы их можно было ввести в своего рода „устав" гражданской войны [1]). Но и упреждая те или другие частные выводы такого исследования, можно сказать, что ход гражданской войны в провинции предопределился в огромной степени исходом ее в Петрограде, даже несмотря на заминку в Москве. Февральская революция надломила старый аппарат; Временное Правительство унаследовало его и неспособно было ни обновить, ни укрепить его. В результате его государственный аппарат между февралем и октябрем действовал лишь остатком бюрократической инерции. Бюрократическая провинция привыкла равняться по Петрограду: она это

[1]) См. Л. Троцкий. „Вопросы гражданской войны", —„Правда" № 202, 6 сентября 1924 г.

сделала в феврале, она повторила это в октябре. Огромным нашим преимуществом являлось то обстоятельство, что мы подготовляли ниспровержение режима, который еще не успел сложиться. Крайняя шаткость и неуверенность в себе „февральского“ государственного аппарата чрезвычайно облегчала нашу работу, питая самоуверенность революционных масс и самой партии.

В Германии и Австрии после 9 ноября 1918 года имелось сходное положение. Но там социал-демократия заполнила собою прорехи государственного аппарата и помогла установиться буржуазно-республиканскому режиму, который и сейчас никак не может быть назван образцом устойчивости, но все же насчитывает уже шесть лет от-роду. Что касается других капиталистических стран, то они не будут иметь этого преимущества, т. е. близости между буржуазной и пролетарской революцией. Их февраль оставлен уже далеко позади. Конечно, в Англии сохранилось еще немало феодального хлама, но говорить о какой-либо самостоятельной буржуазной революции в Англии совершенно не приходится. Очистка страны от монархии, от лордов и пр. будет произведена первым взмахом метлы английского пролетариата, после того, как он возьмет власть. Пролетарская революция на Западе будет иметь дело с вполне сложившимся буржуазным государством. Но это еще не значит—с устойчивым аппаратом, ибо самая возможность пролетарского восстания предполагает далеко зашедший процесс распада капиталистического государства. Если у нас Октябрьская революция развернулась в борьбе с государственным аппаратом, который не успел еще сложиться после февраля, то в других странах восстание будет иметь против себя государственный аппарат, находящийся в состоянии прогрессивного распада.

Как общее правило, следует предположить—мы высказывали это еще на IV конгрессе Коминтерна,—что сила до-октябрьского сопротивления буржуазии будет в старых капиталистических странах, по общему правилу, значительно выше, чем у нас; победа дастся пролетариату труднее; но зато завоевание власти обеспечит ему сразу гораздо более устойчивое и прочное положение, чем то, какое получили мы на другой день после Октября. У нас гражданская война развернулась по-настоящему только после того, как пролетариат овладел властью в главных городских и промышленных центрах, и заполнила собою первое трехлетие советской власти. Многое говорит за то, что в странах Центральной и Западной Европы овладение властью дастся с гораздо большим трудом, но зато после взятия власти у пролетариата руки будут несравненно более свободными. Разумеется, эти перспективные соображения могут иметь только условный характер. Очень многое будет

зависеть от того, в какой последовательности будет происходить революция в разных странах Европы, каковы будут возможности военной интервенции, какова будет к тому моменту экономическая и военная сила Советского Союза и пр. Но, во всяком случае, основное и, думаем, бесспорное наше соображение о том, что самый процесс завоевания власти будет наталкиваться в Европе и в Америке на гораздо более серьезное, упорное и продуманное сопротивление господствующих классов, чем у нас, тем более обязывает нас отнестись на деле к вооруженному восстанию и вообще к гражданской войне, как к искусству.

Еще раз о советах и партии в пролетарской революции

Советы Рабочих Депутатов выросли у нас, и в 1905 и в 1917 г.г., из самого движения, как естественная организационная форма его на известном уровне борьбы. Но для европейских молодых партий, которые в большей или меньшей степени приняли Советы, как „доктрину", как „принцип", всегда возникает опасность фетишистского отношения к Советам, как к некоторому самодовлеющему фактору революции. Между тем, несмотря на огромные преимущества Советов, как организации борьбы за власть, вполне возможны случаи, когда восстание развернется на основе других форм организации (фабзавкомы, профсоюзы), и только в процессе восстания, или даже после победы его, возникнут Советы уже как органы власти.

В высшей степени поучительна, под этим углом зрения, та борьба, которую Ленин открыл после июльских дней против фетишизма организационной формы Советов. Поскольку эсэро-меньшевистские Советы стали в июле организациями, открыто гнавшими солдат в наступление и подавлявшими большевиков, постольку революционное движение рабочих масс могло и должно было искать для себя других путей и каналов. Ленин намечал фабзавкомы, как организацию борьбы за власть (см. об этом, например, воспоминания т. Орджоникидзе). Весьма вероятно, что движение пошло бы именно по этой линии, если бы не корниловское выступление, которое вынудило соглашательские Советы к самообороне и дало большевикам возможность снова вдохнуть в Советы революционную жизнь, связав их тесно с массами через левое, т.-е. большевистское, крыло.

Вопрос этот, как показал недавний опыт Германии, имеет огромное международное значение. Именно в Германии Советы несколько раз строились, как органы восстания—без восстания, как органы власти—без власти. Это привело к тому, что в 1923 г. движение широких пролетарских и полупролетарских масс стало группироваться вокруг фабзавкомов, которые *в основном* выполняли все те функции, какие у нас ложились на

Советы в период, предшествовавший непосредственной борьбе за власть. Между тем, в августе—сентябре выдвинуто было некоторыми товарищами предложение: приступить в Германии немедленно к созданию Советов. После длительных и горячих прений предложение это было отвергнуто, и вполне правильно. При наличии того факта, что фабзавкомы становились на деле узлами сосредоточения революционных масс, Советы оказались бы в подготовительный период параллельной формой без содержания. Они лишь отвлекали бы мысль от материальных задач восстания (армия, полиция, вооруженные сотни, железные дороги и пр.) в сторону самодовлеющей организационной формы. А с другой стороны, создание Советов, как Советов, до восстания и вне непосредственных задач восстания, означало бы голое провозглашение: „Иду на вас!" Правительство, вынужденное „терпеть" фабзавкомы, поскольку они стали средоточием больших масс, ударило бы по первому же Совету, как официальному органу „покушения" на захват власти. Коммунисты оказались бы вынужденными выступить на защиту Советов, как чисто организационного предприятия. Решающая борьба развернулась бы не ради захвата или защиты материальных позиций и не в тот момент, выбранный нами, когда восстание вытекало бы из условий движения масс,—нет, борьба вспыхнула бы из-за советского „знамени", в момент, выбранный врагом и им нам навязанный. Между тем, совершенно очевидно, что вся подготовительная к восстанию работа, могла с полным успехом соподчиняться организационной форме фабрично-заводских комитетов, уже успевших стать массовыми организациями, продолжавших расти и крепнуть и оставлявших партии свободу маневрирования в отношении срока восстания. Разумеется, на известном этапе Советы должны были бы возникнуть. Сомнительно, чтобы они, при указанных выше условиях, возникли, как непосредственные органы восстания, под огнем, так как это грозило бы в самый острый момент создать два революционных центра. Не следует,—говорит английская пословица,—пересаживаться с лошади на лошадь, когда переезжаешь через быстрый поток. Возможно, что Советы стали бы строиться повсеместно после победы в решающих пунктах страны. Во всяком случае, победоносное восстание необходимо привело бы к созданию Советов, как органов власти.

Не надо забывать, что у нас Советы выросли еще на „демократическом" этапе революции, были на этом этапе как бы легализованы, нами затем унаследованы и использованы. Это не повторится в пролетарских революциях Запада. Советы там будут в большинстве случаев создаваться по призыву коммунистов, следовательно, как прямые органы пролетарского восстания. Разумеется, не исключена возможность того, что расшатка буржуазного государственного аппарата зайдет доста-

точно далеко, прежде чем пролетариат сможет захватить власть, и это создаст условия для создания Советов, *как открытых органов подготовки восстания*. Но вряд ли это будет общим правилом. Весьма вероятны случаи, когда Советы удастся создать лишь в самые последние дни, как непосредственные органы восстающей массы. Наконец, вполне вероятны такие условия, когда Советы возникнут уж после перелома восстания и даже на исходе его, как органы новой власти. Нужно иметь перед глазами все эти варианты, чтобы не впасть в организационный фетишизм и не превратить Советы из того, чем они должны быть—гибкой, жизненной формой борьбы—в организационный „принцип", извне врезывающийся в движение и нарушающий его правильное развитие.

За последнее время в нашей печати раздавались речи в том, примерно, смысле, что мы, дескать, не знаем, через какую дверь придет пролетарская революция в Англии: через коммунистическую партию или через профессиональные союзы. Такая постановка вопроса, щеголяющая мнимой широтой исторического захвата, в корне неверна и опасна тем, что смазывает главный урок последних лет. Если победоносной революции не произошло на исходе войны, то именно потому, что нехватало партии. Этот вывод относится к Европе в целом. Его можно более конкретно проследить на судьбе революционного движения в отдельных странах. В отношении Германии дело обстоит на этот счет совершенно ясно: немецкая революция могла бы победить и в 1918 и в 1919 г.г., если бы ей было обеспечено надлежащее партийное руководство. В 1917 году мы видели это на примере Финляндии: революционное движение развивалось там в исключительно благоприятных условиях, под прикрытием и при прямой военной поддержке революционной России. Но финская партия оказалась в руководящем большинстве своем социал-демократией и провалила революцию. Не менее ярко тот же урок вытекает из опыта Венгрии. Там коммунисты вместе с левыми социал-демократами не завоевали власть, а получили ее из рук перепуганной буржуазии. Победоносная—без боя и без победы—венгерская революция оказалась на первых же порах лишенной боевого руководства. Коммунистическая партия слилась с социал-демократической, обнаруживая этим, что она сама не была коммунистической партией и, следовательно, неспособна была, несмотря на боевой дух венгерских пролетариев, удержать в руках столь легко доставшуюся ей власть. Без партии, помимо партии, в обход партии, через суррогат партии пролетарская революция победить не может. Это есть главный урок последнего десятилетия. Верно, что английские профсоюзы могут стать могущественным рычагом пролетарской революции; они могут, например, в известных условиях и на известный период даже заменить собою рабочие

Советы. Но сыграть такую роль они смогут не помимо коммунистической партии и тем более не против нее, а лишь при том условии, если коммунистическое влияние в профессиональных союзах станет решающим. За этот вывод—относительно роли и значения партии для пролетарской революции—мы слишком дорого заплатили, чтобы так легко от него отказываться, или только ослаблять его.

В буржуазных революциях сознательность, преднамеренность, планомерность играли несравненно меньшую роль, чем они призваны играть и уже играют в революциях пролетариата. Движущей силой революции была и там масса, но гораздо менее организованная и сознательная, чем ныне. Руководство находилось в руках различных фракций буржуазии, которая в целом располагала богатством, образованием и связанной с этими преимуществами организованностью (города, университеты, пресса и пр.). Бюрократическая монархия защищалась эмпирически, действовала на-ощупь. Буржуазия улучала момент, когда она могла, использовав движение низов, бросить свой социальный вес на чашу весов и овладеть властью. Пролетарская революция тем и отличается, что пролетариат выступает в ней не только как главная ударная сила, но—в лице своего авангарда—и как руководящая сила. Ту роль, которую в буржуазных революциях играли экономическое могущество буржуазии, ее образованность, ее муниципалитеты и университеты, в пролетарской революции может сыграть только партия пролетариата. Роль ее тем больше, что и на стороне врага сознательность стала неизмеримо выше. Буржуазия в течение веков своего господства выработала политическую школу несравненно более высокую, чем школа старой бюрократической монархии. Если парламентаризм был для пролетариата до известной степени подготовительной школой к революции, то для буржуазии он был в еще большей степени школой контр-революционной стратегии. Достаточно сказать, что через посредство парламентаризма буржуазия воспитала социал-демократию, главный ныне оплот частной собственности. Эпоха социальной революции в Европе, как показали первые ее шаги, будет эпохой не только напряженных и беспощадных, но и продуманных и рассчитанных боев,—в гораздо большей степени продуманных, чем у нас в 1917 году.

Вот почему нам нужен совсем иной подход к вопросам гражданской войны и, в частности, вооруженного восстания, чем тот, какой наблюдается до сих пор. Вслед за Лениным, мы часто повторяем марксовы слова о том, что восстание есть искусство. Но эта мысль превращается в голую фразу, поскольку марксова формула не заполняется изучением основных элементов искусства гражданской войны на основании накопившегося гигантского опыта последних лет. Надо прямо сказать:

в поверхностном отношении к вопросам вооруженного восстания сказывается еще непреодоленная сила социал-демократической традиции. Партия, которая глядит поверх вопросов гражданской войны, надеясь, что в нужную минуту все это как-то само собою устроится, наверняка потерпит крушение. Нужно коллективно проработать опыт пролетарских боев, начиная с 1917 года.

* * *

Намеченная выше история партийных группировок в течение 1917 года составляет тоже существеннейшую часть опыта гражданской войны и имеет, как мы думаем, непосредственное значение для политики Коммунистического Интернационала в целом. Выше уже сказано, и мы повторим это снова, что изучение разногласий ни в каком случае не может и не должно рассматриваться как направленное против тех товарищей, которые проводили ложную политику. Но было бы, с другой стороны, недопустимым вычеркивать из истории партии величайшую главу только потому, что не все члены партии шли в ногу с революцией пролетариата. Партия может и должна знать *все* прошлое, чтобы правильно расценить его и всему отвести надлежащее место. Традиция революционной партии создается не из недомолвок, а из критической ясности.

История обеспечила нашей партии совершенно несравненные революционные преимущества. Традиции героической борьбы с царизмом, навыки и приемы революционного самоотвержения, связанные с условиями подполья, широкая теоретическая переработка революционного опыта всего человечества, борьба с меньшевизмом, борьба с народничеством, борьба с примиренчеством, величайший опыт революции 1905 г., теоретическая проработка этого опыта в течение годов контр-революции, подход к проблемам международного рабочего движения под углом зрения революционных уроков 1905 года,—вот что в совокупности, дало нашей партии исключительный закал, высшую теоретическую проницательность, беспримерный революционный размах. И, тем не менее, даже в этой партии, на верхах ее, перед моментом решающих действий, выделилась группа опытных революционеров, старых большевиков, которая встала в резкую оппозицию к пролетарскому перевороту и в течение наиболее критического периода революции с февраля 1917 года, примерно по февраль 1918 года занимала во всех основных вопросах социал-демократическую, по существу, позицию. Чтобы охранить партию и революцию от величайших замешательств, вытекавших из этого обстоятельства, нужно было исключительное, беспримерное и тогда уже влияние Ленина в партии. Этого нельзя забывать ни в каком случае, если мы хотим, чтобы от нас чему-нибудь научились коммунистические партии других стран. Вопрос об отборе руководящего

персонала получает для западно-европейских партий совершенно исключительное значение. Об этом вопиет опыт несостоявшегося немецкого Октября. Но отбор этот должен происходить под углом зрения *революционного действия*. Германия дала за эти годы достаточно случаев проверки руководящих членов партии в моменты непосредственной борьбы. Без этого критерия все остальные ненадежны. Франция была за эти годы гораздо беднее революционными потрясениями, хотя бы только частичными. Но все же и ее политическая жизнь дала несколько вспышек гражданской войны, когда Центральному Комитету партии и руководителям профессиональных союзов приходилось действенно реагировать на неотложные и острые вопросы (например, кровавый митинг 11 января 1924 года). Внимательное изучение таких острых эпизодов дает незаменимый материал для оценки партийного руководства, поведения отдельных органов партии и отдельных ее руководящих работников. Игнорировать такие уроки, не делать из них необходимого вывода в смысле отбора людей—значит идти навстречу неминуемым поражениям, ибо без проницательного, решительного и мужественного партийного руководства победа пролетарской революции невозможна.

Партия, даже самая революционная, неизбежно вырабатывает свой организационный консерватизм: иначе она была бы лишена необходимой устойчивости. Все дело здесь в степени. У революционной партии жизненно необходимая доза консерватизма должна сочетаться с полной свободой от рутины, с инициативностью ориентировки, с действенной отвагой. Резче всего эти качества проверяются на поворотах исторического пути. Мы слышали выше слова Ленина о том, что часто даже самые революционные партии, при резком изменении обстановки и вытекающих из нее задач, продолжают идти по вчерашней линии и тем самым становятся или угрожают стать тормозом революционного развития. И коисерватизм партии и ее революционная инициативность находят наиболее сосредоточенное свое выражение в органах партийного руководства. Между тем самый крутой „поворот“ европейским коммунистическим партиям еще только предстоит—поворот от подготовительной работы к захвату власти. Это поворот наиболее требовательный, неотложный, ответственный, грозный. Упустить момент его — величайшее поражение, какое вообще может постигнуть партию.

Опыт европейских, прежде всего германских, боев последних лет, взятый в свете нашего собственного опыта, говорит нам, что двоякого типа вожди склонны бывают тянуть партию назад в тот именно момент, когда ей необходимо совершить величайший прыжок вперед. Одни вообще склонны видеть на путях революции преимущественно затруднения, препятствия,

помехи и оценивать каждую обстановку с предвзятым, хотя и не всегда сознательным, намерением уклониться от действия. Марксизм превращается у них в метод обоснования невозможности революционного действия. Наиболее чистую культуру этого типа представляли русские меньшевики. Но сам по себе тип этот шире меньшевизма и в самый критический момент обнаруживается вдруг на ответственном посту в наиболее революционной партии. Представители другой разновидности отличаются поверхностно-агитаторским характером. Эти вовсе не видят препятствий и затруднений, пока не стукнутся в них с размаху лбом. Способность обходить реальные препятствия при помощи словесных оборотов, проявлять во всех вопросах величайший оптимизм („море по колено") неизбежно переходит в свою противоположность, когда наступает час решающего действия. Для первого типа, для крохоборчески-настроенного революционера, трудности захвата власти представляются лишь нагромождением и возведением в степень всех тех трудностей, какие он только и привык видеть на своем пути. Для второго типа, для поверхностного оптимиста, трудности революционного действия возникают всегда внезапно. В подготовительный период поведение того и другого различно: один представляется скептиком, на которого в революционном смысле нельзя слишком полагаться; зато другой, наоборот, может казаться неистовым революционером. Но в решающий момент и тот и другой идут рука об руку— восстают против восстания. А, между тем, вся подготовительная работа имеет ценность лишь постольку, поскольку она делает партию и прежде всего ее руководящие органы способными определить момент восстания и руководить им. Ибо задачей коммунистической партии является овладение властью в целях переустройства общества.

В последнее время нередко говорили и писали о необходимости „большевизации" Коминтерна. Эта—задача, совершенно бесспорная и непреложная; она особенно резко выдвигается после жестоких прошлогодних уроков в Болгарии и Германии. Большевизм не доктрина (т. е. не только доктрина), но система революционного воспитания для пролетарского переворота. Что такое большевизация коммунистических партий? Это такое их воспитание, это такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября. „Вот Гегель, и книжная мудрость, и смысл философии всей..."

Два слова об этой книге.

Первая полоса „демократической" революции тянется от февральского переворота до апрельского кризиса и его разрешения 6 мая путем создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и народников. Во всей этой первой

полосе автор настоящей книги не принимал участия, так как прибыл в Петроград лишь 5 мая, как раз накануне создания коалиционного правительства. Первый этап революции и ее перспективы освещены в статьях, написанных в Америке. Думаю, что во всем существенном они вполне согласуются с тем анализом революции, который дан Лениным в его „Письмах издалека".

С первого дня приезда в Петроград работа моя шла совершенно согласованно с Центральным Комитетом большевиков. Ленинский курс на завоевание власти пролетариатом я поддерживал, разумеется, полностью и целиком. В отношении крестьянства у меня не было и тени разногласий с Лениным, который завершал тогда первый этап борьбы против правых большевиков, с их лозунгом „демократической диктатуры пролетариата и крестьянства". До формального вступления в партию я участвовал в выработке ряда решений и документов, исходивших от имени партии. Единственным соображением, которое отодвинуло формальное вступление мое в партию на три месяца, было желание ускорить слияние с большевиками лучших элементов межрайонной организации и вообще революционных интернационалистов. Эту политику я вел опять-таки в полном согласии с Лениным.

Редакция этой книги обратила мое внимание на встречающееся в одной из моих тогдашних статей в пользу об'единения указание на организационную „кружковщину" у большевиков. Какой-нибудь из глубокомысленных дьячков, вроде т. Сорина, не замедлит, конечно, вывести эту фразу прямым сообщением из разногласий по поводу § 1 устава. Вступать по этому поводу в споры—после того, как свои действительные и большие организационные ошибки я признал и словом, и делом—не вижу нужды. Но менее поврежденный читатель найдет гораздо более простое и непосредственное об'яснение приведенному выражению моему в конкретнейших условиях момента. Среди рабочих-межрайонцев оставалось от прошлого еще очень сильное недоверие к организационной политике Петроградского Комитета. Доводы от „кружковщины"—со ссылками, как всегда в таких случах бывает, на всякие „несправедливости"—были среди межрайонцев в большом ходу. Возражение мое в статье было таково: кружковщина, как наследие прошлого, существует, но, чтобы она стала меньше, межрайонцам нужно прекратить обособленное существование.

Мое чисто полемическое „предложение" первому С'езду Советов составить правительство из двенадцати Пешехоновых толковалось кое-кем—кажется, Сухановым—не то как личное благоволение мое к Пешехонову, не то как особая линия, отличная от ленинской. Это конечно, чистейший курьез. Когда наша партия требовала, чтобы Советы, руководимые меньшевиками

и эсэрами, взяли власть, то этим самым она „требовала“ министерства Пешехоновых: в конце концов, между Пешехоновым, Черновым и Даном никакой принципиальной разницы не было, и все они были одинаково пригодны, чтобы облегчить переход власти от буржуазии к пролетариату. Разве что Пешехонов несколько лучше знал статистику и производил чуть более деловое впечатление, чем Церетели или Чернов. Дюжина Пешехоновых означала правительство из дюжинных представителей мелко-буржуазной демократии, вместо коалиции. Когда питерские массы, руководимые нашей партией, выдвинули лозунг: „Долой десять министров-капиталистов“, то этим самым они требовали, чтобы места этих последних заняли меньшевики и народники. „Выкиньте вон кадетов, возьмите, господа буржуазные демократы, в руки власть, посадите в правительство двенадцать (или сколько там) Пешехоновых, и мы вам обещаем по возможности „мирно“ снять вас с постов, когда пробьет час. А пробить он должен скоро“. Никакой особой линии тут не было,—это была линия, которую Ленин формулировал не раз.

Считаю необходимым сугубо подчеркнуть предупреждение, сделанное редактором настоящей книги, т. Ленцнером: значительная часть речей, вошедших в этот том, приведена не по стенограмме, хотя бы и плохой, а по репортерским отчетам соглашательской прессы, полуневежественным и полузлостным. Беглое ознакомление с несколькими документами такого рода заставило меня махнуть рукой на первоначальный план хоть сколько-нибудь исправить и дополнить их. Пусть живут, как есть: они тоже в своем роде документы эпохи, хоть и с „другой стороны“.

Настоящая книга не могла бы появиться в печати без внимательной и компетентной работы над нею т. Ленцнера, которому принадлежат и примечания, и его помощников: т.т. Геллер, Крыжановского, Ровенской и И. Румера.

Всем им я здесь выражаю товарищескую благодарность.

Особо я хотел бы сказать о громадной работе по подготовке этого тома, как и других моих книг, которую выполнил мой ближайший сотрудник М. С. Глазман. Я дописываю эти строки с чувством величайшей скорби по поводу беспримерно трагической гибели этого прекрасного товарища, работника и человека.

Л. ТРОЦКИЙ.

15 сентября 1924 г.
Кисловодск.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) *Меньшевизм,* как особое политическое направление, сложился в 1903 году на 2-м с'езде партии. Сторонники этого направления были на этом с'езде в меньшинстве (большинство принадлежало к группе, во главе которой стоял тов. Ленин), — отсюда и произошла их кличка „меньшевики".

После 2-го с'езда меньшевики сложились в особую фракцию внутри Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. С этого времени у меньшевиков и большевиков, несмотря на то, что они существовали по внешности в рядах единой партии, были все время свои особые организационные и идейно политические центры, а также и свои собственные органы (газеты, журналы, сборники и т. д.) С того момента, как большевики собрали партийную конференцию в январе 1912 г., прекратилась и всякая даже внешне организационная связь между меньшевиками и нашей партией. Во главе меньшевиков стояли Аксельрод, Мартов, Дан, Церетелли и др. Плеханов то примыкал к меньшевикам, то отходил от них. За все время своего существования меньшевики являлись проводниками буржуазного влияния на пролетариат и отстаивали тактику подчинения пролетариата либералам. В начале февральской революции меньшевики в союзе с эсэрами имели большинство в Советах, поддерживали правительство капиталистов' вошли с ним в союз, одобрив вступление членов своей партии: Церетелли, Скоболева, Гвоздева и др. в состав правительства Керенского, и были окончательно разбиты вместе с Керенским. Остатки меньшевиков после укрепления Сов. власти эмигрировали заграницу, откуда продолжают бороться с Сов. властью. Меньшевики входят во 2-й Интернационал.

[2]) *Ю. О. Мартов*—организатор и руководитель меньшевистской партии с самого начала ее существования, виднейший писатель меньшевизма, редактор всех партийных органов меньшевиков. Умер в 1923 году в эмиграции.

[3]) *В. М. Чернов*—организатор и руководитель партии эсэров, член Центрального Комитета и редактор партийных органов партии эсэров за все время ее существования. Был министром в правительстве Керенского. Ныне в эмиграции продолжает борьбу с Сов. властью.

[4]) *П. Б. Аксельрод* вместе с Плехановым был одним из первых марксистов в России и содействовал Плеханову в организации первой русской социал-демократической группы заграницей. В 1903 году перешел целиком на сторону меньшевиков и с тех пор вел систематическую борьбу против большевиков. Живя с начала 80-х годов заграницей, имея большие связи среди руководителей II Интернационала, он пользовался ими для борьбы против Ленина.

[5]) *Парвус* (литературное имя Гельфанда) — родился в России, но еще в молодости уехал заграницу, где примкнул к германской социал-демократии, стоя на ее левом крыле. В 1905 году вернулся в Россию, был арестован, выслан в Сибирь, бежал опять заграницу. Во время империалистской

войны выступил решительным защитником германского империализма. Сильно нажился на военных поставках и является самым отвратительным типом изменника рабочему делу.

Перед революцией 1905 года он выдвинул идею перманентной революции в буквальном переводе: непрерывная революция) и отстаивал ее против Ленина.

[6]) *Падение революционной волны* в эпоху первой революции в 1905 г. началось уже после того, как войсками царя было задушено декабрьское (1905 г.) восстание в Москве, на Кавказе, Прибалтийском крае и крестьянское движение в ряде губерний Центральной России. Однако, и после этого революционное возбуждение масс поддерживалось весь 1906 и половину 1907 г. Торжество контр-революции окончательно было закреплено разгоном 2-й гос. думы в июне 1907 года, преданием суду рабочих депутатов этой думы, введением военно-полевых судов для революционеров и полным разгромом рабочих организаций. Возрождение широкого массового рабочего движения рабочего класса последовало затем лишь в 1912 году, ближайшим поводом к этому послужил расстрел рабочих на Ленских приисках.

[7]) *Ликвидаторы*—от слова ликвидировать, уничтожать. После разгрома революции 1905 года в нашей партии стали называть ликвидаторами меньшевиков. Они в то время проповедывали ненужность подпольной нелегальной партийной организации и выступали против революционных лозунгов и способов борьбы, которые пролетариат применял в революцию 1905 года. Это течение в партии опиралось целиком на либералов и мелко-буржуазную интеллигенцию, которые воспользовались господством контр-революции для того, чтобы попытаться окончательно уничтожить нелегальную организацию и революционную тактику пролетариата.

[8]) *Плеханов*—основатель Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, один из первых проповедников марксизма в России. Не только в России, но среди западно-европейских марксистов Плеханов выделялся, как лучший знаток и истолкователь теории марксизма. Когда Ленин приехал заграницу в 1900 году, чтобы основать там руководящий орган нашей партии „Искру". Плеханов поддержал его; но длительное пребывание заграницей (Плеханов жил заграницей с 80-х годов) и отрыв от рабочих масс привели к тому, что уже в первую революцию Плеханов не понял характера революционного движения русского пролетариата, испугался его и перешел на сторону меньшевиков. В этот период Плеханов вел резкую борьбу против большевиков и Ленина. Когда одержала верх контр-революция и меньшевики стали проповедывать отказ от нелегальной партийной организации, Плеханов не пошел с ними и стал поддерживать большевиков в их борьбе с ликвидаторами. Во время войны Плеханов перешел на точку зрения буржуазии и проповедывал поддержку русского царизма в войне с Германией. Во время революции Плеханов поддерживал Временное Правительство, вел резкую борьбу с большевиками. Умер в 1918 году.

[9]) *Лондонский с'езд* нашей партии происходил в апреле и мае 1907 года в Лондоне и поэтому назван был Лондонским с'ездом.

[10]) *Во 2-й Гос. Думе* было несколько десятков депутатов социал-демократов, членов партии. Громадное большинство из них принадлежало к меньшевикам и лишь небольшое число избранных непосредственно рабочими

поддерживало тактику большевиков, Во главе депутатов-меньшевиков стоял меньшевик Церетелли, избранный в депутаты на Кавказе. При разгоне 2-й Гос. Думы депутаты социал-демократы были арестованы, осуждены на каторгу и ссылку. Церетелли вернулся из ссылки после февральской революции, вошел в состав Петроградского Совета и стал руководителем всей меньшевистской работы в советах. Он целиком поддерживал продолжение войны, призывал рабочий класс и крестьянство поддерживать правительство Керенского, а затем и сам вошел в качестве министра в правительство Керенского. В бытность его министром он проводил план разоружения петроградского пролетариата. После победы советов бежал в Грузию, а оттуда заграницу, откуда ведет и до сих пор борьбу против Сов. власти. *Дан*— вместе с Мартовым являлся одним из самых видных руководителей меньшевиков с самого начала существования этой партии. Всегда поддерживал самые правые течения и самую злобную борьбу против большевизма. Во время войны стал оборонцем и вместе с Церетелли являлся фактически руководителем политики меньшевистских советов, а также и Временного Правительства. После франко-германской войны 1870-71 г.г. и поражения Парижской Коммуны в 1871 году Европа вступила в так называемый мирный период развития: рабочее движение не проявляло себя в мало-мальски широких революционных формах. Работа социал-демократической партии в этот период сосредоточивалась на пропаганде, агитации и организации в законных формах, не ставя себе целей прямого нападения на капитализм и перехода власти в руки рабочего класса. Центром своей деятельности социал-демократическая партия сделала парламентскую борьбу, т. е. завоевание голосов во время избирательной кампании в парламенты и отстаивание отдельных реформ в пользу рабочего класса в парламентах. Внепарламентские, массовые формы борьбы отодвинуты были на задний план. Таким образом, парламентаризм стал на деле школой оппортунизма. Такое положение дел продолжалось до русской революции 1905 года, которая всколыхнула массы европейского пролетариата и заставила лучших вождей тогдашней социал-демократии поставить вопрос о расширении форм социал-демократической работы. Под влиянием революции 1905 года западно-европейская социал-демократия приступила к обсуждению вопроса о массовых экономических и политических стачках, уличных демонстрациях и т. п. После поражения революции внимание с.-д. было опять почти исключительно поглощено парламентскими выборами и деятельностью в парламенте, несмотря на то, что тогдашние „левые с.-д.", как Роза Люксембург, Панекук и другие левые не переставали напоминать о тактике массовых действий. Социал-демократические парламентарии во время войны оказались самой надежной опорой для буржуазных правительств и лучшими агентами буржуазии по обману рабочих масс. Этой политике западно-европейской социал-демократии большевики, начиная с 1905 года, противопоставляли соединение парламентской деятельности с действиями самого пролетариата (экономические и политические стачки, демонстрации и т. п.) и требовали, чтобы свою парламентскую деятельность депутаты подчиняли революционным задачам, стоящим перед пролетарскими массами.

11) *Бунд*. На Лондонском с'езде часть делегатов занимала колеблющуюся позицию между большевиками и меньшевиками. Этих колеблющихся в нашей

партии исстарии называли болотом или центром. Главным представителем такой политики болота или центра являлся Бунд. Бундом называлась организация еврейских рабочих западных губерний и Польши, входивших в партию. Так как Бунд об'единял главным образом еврейских ремесленников, то он постоянно поддерживал в партии оппортунистическое правое крыло и проявлял большую беспринципность в основных вопросах революции.

[12]) *Отзовистами* называлась в 1908—12 г.г. группка бывших большевиков, которая не захотела последовать за Лениным и партией после поражения революции 1905 года. Отзовистами они назывались потому, что одним из главных их требований было отозвание рабочих депутатов из 3-й Госуд. Думы, в то время, как большевики, под руководством Ленина, были против отзыва и требовали, чтобы депутаты использовали свое положение для поддержки революционных целей и тактики рабочего класса. Будучи по внешности очень „революционными" и упрекая Ленина в умеренности, в том, что он „поправел", отзовисты на самом деле представляли мелкобуржуазный уклон. В целях борьбы с ленинцами они входили в соглашение и действовали в союзе с меньшевиками и ликвидаторами. В 1909 году группа отзовистов была исключена из нашей партии. Во главе ее стоял А. А. Богданов, а также *Г. Алексинский*. Последний в борьбе с ленинцами не брезговал никакими средствами, а во время войны изменил всем основам марксизма, сделался патриотом и впоследствии поддерживал Врангеля. Отзовистов называли также „впередовцами", так как они заграницей издавали журнальчик под названием „Вперед".

[13]) *Примиренчество*. Троцкий часто развивал идею о примирении между большевиками и меньшевиками, считая, что ни те, ни другие не выражают подлинных стремлений рабочего класса, и полагая, что большевики неправильно считают меньшевиков представителями либеральной политики. Поэтому Ленин пишет здесь о „примиренчестве" Троцкого.

[14]) *Голосовцы* — так называли меньшевиков-ликвидаторов, потому что их орган, издававшийся заграницей, назывался „Голос Социал-Демократа".

[15]) *А. Потресов* — литератор, крайний правый меньшевик-ликвидатор. Группа Потресова обозначает группу крайних правых меньшевиков-ликвидаторов.

[16]) *Столыпинская рабочая партия*. Большевики называли меньшевиков представителями столыпинской рабочей партии. Столыпин—министр Николая II и руководитель всей политики царизма во время контр-революции. Меньшевики, борясь с нашими нелегальными организациями и стремясь создать открытую, легальную рабочую партию, тем самым проповедывали приспособление классовой борьбы рабочих к столыпинским законам. Поэтому-то большевики и клеймили их, как представителей столыпинской рабочей партии.

[17]) *Мартов*, как и все меньшевики, считал и проповедывал, что в революционном движении 1905 года рабочий класс России вел себя не по марксистски, а по *бланкистски и по анархистски*. Основная черта меньшевизма заключалась в том, что меньшевики истолковывали Маркса по либеральному. Подлинной же марксистской тактикой они считали ту тактику, которую в мирные времена проводили руководители II Интернационала. Широкие экономические и политические стачки, вооруженные демонстрации,

вооруженные восстания и захват власти меньшевики считали, поэтому, немарксистскими и ругали большевиков за поддержку и проповедь этих форм борьбы анархистами и бланкистами. Меньшевики проповедывали, что рабочий класс поддерживал эти большевистские способы борьбы лишь благодаря своей отсталости, невежеству и некультурности. Цитированной Лениным фразой Мартов стремился показать, что рабочий класс России поддержал в 1905 году революционную тактику большевиков именно благодаря своей отсталости и некультурности. Такую же характеристику большевистской революционной тактики давал и Троцкий, только в еще более запутанной форме, в той фразе, которую дальше цитирует Ленин.

[18]) *Филистеры*—мещане, дрожащие за собственное благополучие и поэтому боящиеся всяких потрясений, в первую очередь, революционного движения рабочих.

[19]) *Кадеты* — так называлась партия русских помещиков и фабрикантов, во главе которой стоял Милюков. Кадетами их называли потому, что сами себя они называли—„конституционалисты-демократы", первые буквы этих двух слов и дали возможность сокращенно называть их кадетами. Эта партия требовала от царя некоторых уступок в интересах помещиков и капиталистов, но вела самую решительную борьбу с революционным движением рабочих и крестьян. После 1917 года стала оплотом и руководителем всего контр-революционного движения против Советской власти.

[20]) *Ленский расстрел*—расстрел рабочих на Ленских приисках царским офицером Терещенко, происшедший в апреле 1912 года. Этот расстрел послужил сигналом к широкому революционному движению рабочего класса во всех уголках России.

[21]) Ленин имеет в виду *конференцию большевиков* в январе 1912 года, которая исключила ликвидаторов из партии и знаменовала возрождение и укрепление нашей партии.

[22]) *„Борьба за свободу коалиций"*. — В эпоху контр-революции меньшевики отказались от наших большевистских лозунгов: республика, конфискация помещичьей земли, 8-часовой рабочий день, потому что они казались им чрезмерно революционными. Вместо этих революционных требований меньшевики предлагали рабочим требовать от царского правительства свободы коалиций, т. е. свободы собраний и союзов. Большевистские требования направляли внимание рабочих на ниспровержение царского режима, требование же свободы коалиций сеяло в умах отсталых рабочих представление, будто без ниспровержения царизма возможно добиться для рабочих необходимых им прав. Троцкий целиком поддерживал меньшевистскую тактику в этом вопросе. Большевики вели против меньшевиков в этом пункте самую ожесточенную борьбу, рассматривая их тактику, как подмен тактики революционной тактикой либеральной.

[23]) *„Семерка депутатов с Чхеидзе во главе"*. В 4-ой Госуд. Думе было 7 депутатов меньшевиков, во главе которых стоял меньшевик Чхеидзе, впоследствии председатель меньшевистского совета в Петрограде. Эти 7 депутатов во главе с Чхеидзе целиком поддерживали меньшевистскую тактику и примыкали к тому союзу (блоку) всех противо-большевистских групп, который организовал Троцкий.

[24]) *„Искрой“* называлась газета, организованная Лениным в 1901 году. Она на деле заложила основание революционной тактики рабочего класса в России. „Искра“ под редакцией Ленина вела неустанную борьбу с оппортунистическими течениями в партии. Во главе этих оппортунистов стояли так называемые „экономисты“, предшественники меньшевиков, которые проповедывали, что рабочий класс России еще не дозрел до политической борьбы с царизмом и должен ограничиться чисто экономической борьбой за улучшение своего положения на фабриках и заводах. Сторонников „Искры“ называли искровцами. В конце 1903 г. меньшевики захватили редакцию „Искры“ в свои руки и изменили ее направление. С тех пор в партии стали отличать старую „Искру“, выходившую под ред. Ленина с 1900 г. до 1903 г., и новую „Искру“, меньшевистскую, выходившую с 1903 по 1906 г.

[25]) *„Наша Заря“* — название журнала меньшевиков, выходившего в 1910—15 г. г. в Петербурге. Главными сотрудниками „Нашей Зари“ были Мартов, Дан, Аксельрод, Потресов и др. Таким образом: группа „Нашей Зари“, голосовцы, группа Потресова, ликвидаторы — все это различные названия меньшевиков.

[26]) *Эклектицизм* — смешение различных несоединимых учений. В данном случае Ленин имеет в виду сказать, что Троцкий и другие подмешивали к теории революционного марксизма немарксистские и нереволюционные учения.

[27]) *„Каутскианцы“*, т. е. разделяющие взгляды Каутского. Каутский — один из виднейших представителей II-го Интернационала в Германии. Со времени войны изменил революционной теории Маркса. Во время войны он занимал колеблющуюся позицию между левыми и правыми, между подлинными пролетарскими революционерами и социал-патриотами, всячески поддерживая последних против первых, защищая II Интернационал против критики его со стороны Ленина и других.

Со времени победы Советской власти Каутский выступил ее яростным врагом.

[28]) *Оборонцами* называли тех, якобы, социалистов, которые во время войны фактически стояли на стороне своей буржуазии и под лозунгом защиты отечества проповедывали рабочим прекращение классовой борьбы и поддержку буржуазных правительств, ведших войну.

[29]) *Лонгэ* — французский социалист, занимавший ту же позицию, что Каутский в Германии.

[30]) *Гобсон* — английский экономист, либерал, книгу которого об империализме использовал Ленин в своей работе „Империализм, как новейший этап капитализма“.

[31]) *„Циммервальдская левая“*. В сентябре 1915 г. состоялась международная конференция социалистов, противников той политики, которую вели во время войны социалистические партии главных европейских стран. Эта политика заключалась в поддержке своей буржуазии и в проповеди войны до победного конца. Противники этой политики и устроили свою конференцию в Швейцарии в деревушке Циммервальд, и с тех пор их стали называть „циммервальдцами“. Большинство „циммервальдцев“, будучи противниками политики социал-патриотов, однако, далеко не шли до конца. Это большинство отказывалось

принимать лозунг гражданской войны и отказывалось окончательно порвать со 2 Интернационалом. Лишь небольшая часть собравшихся в Циммервальде принимала полностью эти лозунги. Во главе последних стоял тов. Ленин. Они организовались в особую группу, которая получила название „циммервальдской левой" в отличие от остальных циммервальдцев. Эта группа была тем зерном, из которого развился III Интернационал.

[32]) *Либердан.* В меньшевистском совете в Петрограде в начале февральской революции видную роль играли меньшевики Дан и Либер. Предательская политика этих меньшевиков по отношению к рабочему классу вызвала на страницах „Правды" стихотворение Демьяна Бедного. В этом стихотворении Демьян Бедный об'единил фамилии обоих меньшевиков, назвав их политику „либердановской". Этой кличкой большевики затем характеризовали самых тупоумных и предательски действовавших меньшевиков.

[33]) *„Новая Жизнь"*—газета, издававшаяся в Петрограде в 1917 г. Газета не примыкала целиком к меньшевикам, но вела борьбу против большевиков. Одним из редакторов был Суханов, тогда член меньшевистской партии. Писания в „Новой Жизни" Суханова отражали колебания интеллигенции, не решавшейся целиком и полностью защищать предательскую политику Церетелли и Дана, но в то же время до смерти перепуганной большевизмом.

[34]) *Октябрьская стачка* 1905 г.—всеобщая забастовка рабочего класса в России, которая заставила царя издать манифест 17 Октября 1905 года о свободах.

[35]) Здесь имеются в виду *различные статьи Ленина* в период с апреля по октябрь 1917 года. В апреле—мае 1917 года Ленин отстаивал лозунг „вся власть советам", хотя большинство в советах тогда принадлежало еще меньшевикам и эсэрам. После июльских дней, когда меньшевистско-эсэровские советы стали в руках буржуазной контр-революции орудием разгрома большевистской партии и рабочего класса, Ленин снял лозунг „вся власть советам" (см. его статью „О лозунгах" в XIV томе). В дни корниловщины Ленин написал статью о компромиссах, в которой допускал возможность, что при известных условиях борьба за власть будет развиваться внутри советов путем мирного перехода большинства от меньшевиков и эсэров к большевикам.

[36]) Здесь имеется в виду, что *в дни октябрьского переворота*, за несколько часов до с'езда советов, который провозгласил переход власти от правительства Керенского в руки Советов, Ленин провел в Центральном Комитете партии: 1) предложение с'езду советов принять в качестве декрета о земле тот проект, который был выработан редакцией „Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов" на основе 242 ст. местных крестьянских наказов (подробнее смотри собр. соч. Ленина, том XV, стр. 20—25); 2) предложение о том, чтобы в состав первого советского правительства были включены представители левых эсэров, что через несколько дней и получило осуществление, и 3) предложение назвать новое правительство рабоче-крестьянским правительством, что, между прочим, получило отражение в названии первого официального органа советского правительства „Вестник Рабоче-Крестьянского Правительства".

[37]) *Пауль Леви*—германский коммунист, участник 2-го конгресса Коминтерна, затем покинувший ряды коммунистической партии Германии и перешедший к с.-д.

[38]) *Балабанова*—русская социалистка, работавшая до войны с меньшевиками, затем вступившая в нашу партию и исключенная из партии за поддержку итальянских противников Коминтерна.

[39]) *Фроссар*—французский коммунист, участник 2 и 3-го конгрессов, равным образом покинувший французскую коммунистическую партию и образовавший собственную группу, на деле проводящую политику II Интернационала.

[40]) *Сератти*—видный деятель итальянского рабочего движения, при образовании коммунистической партии вступивший в нее и затем вышедший из нее. Впоследствии вновь вернулся в коммунистическую партию.

[41]) *Апрельская конференция*. Здесь имеется в виду Всероссийская конференция нашей партии, состоявшаяся 29-го апреля 1917 года. Это была первая Всерос. конференция после февральской революции, на которой присутствовал Ленин и которая приняла постановление, определявшее дальнейшую политику большевиков в революции. Троцкий на конференции не присутствовал и не мог присутствовать, так как не был членом нашей партии.

[42]) „*Демократическое Совещание*" созвано было меньшевистско-эсэровскими советами в сентябре 1917 года в составе представителей Совета рабочих и солдатских депутатов, городских и земских самоуправлений, армейских организаций и т. д. Большевики воспользовались этим совещанием для того, чтобы открыто заклеймить политику эсэров и меньшевиков. Под влиянием растущего негодования в среде рабочих, крестьян и армии Демократическое Совещание отклонило предложение о составлении правительства на основах союза (коалиции) с буржуазией. Несмотря на это, Керенский после совещания составил правительство, в котором громадное большинство принадлежало именно к представителям буржуазии.

[43]) *Рудольф Гильфердинг*—автор „Финансового капитала", одного из лучших исследований о природе империализма, написанного в общем и целом с марксистской точки зрения. Во время войны Гильфердинг отказался от выводов своего собственного исследования об империализме. Одно время стоял во главе так называемой независимой социалистической партии в Германии, колебавшейся между независимцами и шейдемановцами а затем перешел целиком в партию Шейдемана.

Всесоюзное О-во
БИБЛИОТЕКА
политкаторжан и ссыльнопоселенцев

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

Правление, базисный склад — Харьков, ул. Своб. Академии 5, тел. 10-07.
Московское отделение—Петровские линии 1/20, тел. 3-01-99.

ВЫШЛИ из ПЕЧАТИ:

Н. Ленин—Коминтерн. Сборник статей и речей, с пред. С. Гопнер	1 р. 50 к.
Сталин—Троцкизм или ленинизм?	10 к.
„ Исторические корни ленинизма	5 к.
„ Партия	8 к.
„ Стратегия и тактика	10 к.
„ Диктатура пролетариата	7 к.
Каменев—Ленинизм или троцкизм?	20 к.
Зиновьев—Большевизм или троцкизм?	15 к.
Квиринг—В защиту ленинизма	35 к.
Литературная полемика по поводу книги т. Троцкого „1917“	30 к.
Лебедь—Советская Украина и национальный вопрос за пять лет	12 к.
Пилецкий—Две теории империализма	95 к.
Хрестоматия рабочего журналиста	1 р. 90 к.
Горев—Очерки исторического материализма	1 р. 30 к.
Моносов—История революций	80 к.
Арк А-н.—История рабочего движения, 2-е издание	85 к.
Дембский—Нравственность и право	60 к.
9-е Января (1905—1925)	90 к.
Воробьев—Краткий курс политграмоты, 6-е издание	75 к.
Ветков—Наука и религия	80 к.
Фигурин—Азбука безбожья	35 к.
Рожицын—Рождество Христово	60 к.
Окунев—Откуда взялся бог	25 к.
Виленский (Сибиряков)—Современная Монголия	25 к.
„ „ Современный Китай	40 к.
Попов—Очерк истории Китая	25 к.
Заславский—О засухе	20 к.

НА ДНЯХ ВЫХОДЯТ из ПЕЧАТИ:

Н. Ленин—Этапы рабочего и профдвижения в России. Сборник статей и речей, с пред. тов. Лядова.

„ Пролетарская революция и хозяйств. строительство.

„ Борьба с оппортунизмом и уклонами. Сборн. статей и речей.

„ Январьские дни 1905 г., 2-е изд.

Кормчий Октября.—Сборник статей.

Хрестоматия по изучению ленинизма для руководителей партшкол и Вуз'ов, под ред. С. Гопнер и Э. Квиринга.

Жизнь Ленина—История РКП—альбом.

Каменев—Лондонский с'езд РСДРП 1907 г.

„ Ликвидация гегемонии пролетариата в меньшевистской истории русской революции.

„ Меньшевики разрывают с революцией.

} Серия „В защиту ленинизма".

Д. Эрдэ—Ленин и неграмотность, 2-ое изд.

Невский—Январьские дни в Петербурге в 1905 г.

Дашковский—Рынок и цена в современ. хозяйстве.

Ельницкий—История рабочего движения в России.

Моносов—Якобинский клуб, в 2-х частях.

Красковский—Марс (популярная монография).

Отто Бауэр—История Австрийской революции.

Шевченко—Дневник. Комментарии и примечания т. Айзенштока.

Дикштейн—Кто чем живет.

Уэллс—Когда спящий проснется.

Янжул и Либерман—Что читать по НОТ'у.